

Иван Капитонов

Творчество

Глава III

Художник

С детства я как-то понимаю до сего времени, что в этом мире «здравствуй!» – всегда и «прощай!». Это наполняло меня щемящим чувством какой-то другой природы, присущей миру. Я думаю, что надо утешаться тем, что обещает Евангелие, и только этим. Другого я не вижу и уверен – ничего другого нет.

Михаил Копьев

В юные годы я очень много читал, но не любил классику. К примеру, в школе не прочитал ни одного программного произведения. Понимаю, хвалиться тут нечем. Но что есть, то есть. Книги, где описывается жизнь дворянства различных стран, с не очень динамичным сюжетом: для молодого человека действительно мало чем тут можно увлечься.

Лет в двадцать совершенно случайно купил книгу Эмиля Золя «Творчество». И открылся удивительный мир, доселе мне неизвестный. Как будто произнес волшебное: «Сим-Сим, откройся» – и оказался вместе с Али-Бабой в пещере, полной поразительных сокровищ. Это первое произведение, которое позволило заглянуть в места подлинный, местами почти книжный мир – мир творчества. Я потихоньку задумывался о первых шагах на этом поприще, первые попытки что-то написать были настолько печальными, что порой опускались руки: не мое это и все.

А здесь Золя. Он, словно мудрый наставник, говорит: не спеши, всему свое время, если ищешь свою дорогу – обязательно ее найдешь. Этой дорогой при известной настойчивости, упорстве и желании ты придешь к никем еще не паханой целине, придется трудиться от зари до зари, если хочешь чего-то достичь.

Самая большая иллюзия – думать, что если ты написал первые в своей жизни пятнадцать слов, соединенных вместе

твоими мыслью и амбициями, то человечество сразу же хлопнется в обморок от восторга: наконец-то, дождались.

Замечательный роман Эмиля Золя. Он не только положил начало дружбе с классической литературой, но и вдохновил на очень серьезный, вовсе не обязательно гарантирующий какие-то дивиденды, труд. Но это тот труд, которому можно посвятить свою жизнь.

Если не возражаете, как и в случае с Сергеем Яковлевым Терхановым, рассказ об еще одном удивительном человеке – Михаиле Васильевиче Копьеве – буду сопровождать размышлениями о литературном произведении. В данном случае – именно этом. Кроме специально оговоренных случаев, эпиграфы взяты оттуда же.

Кукушка на часах прокуковала семь раз. Художник, съедаемый творческой лихорадкой, проработал, не присев, восемь часов кряду, за все время подкрепившись лишь коркой хлеба. Солнце уже садилось, тени наполняли мастерскую, в этот час оно всегда выглядело невыносимо грустно. Когда солнце заходило, Клоду казалось, в особенности после неудачной работы, что никогда больше оно уже не осветит этих стен, навеки унеся с собой и жизнь, и радостную игру красоты.

Красивый роман, как правило, начинается с встречи. Красивой девушки со сказочным принцем, или его вариацией. Девушка, почти без исключения, нуждается в защите, и молодой человек – раз: подвиг за подвигом во славу ея. Роман Эмиля Золя «Творчество» в этом смысле следует классическим канонам.

Молодой художник с красивым для русского слуха именем Клод, прогуливаясь по ночному Парижу, был застигнут

сильным ливнем. Метнулся по этому случаю в сторону своего жилища и по дороге наткнулся на мокрую испуганную девушку. Поезд, на котором она прибыла из провинции в столицу Франции, претерпел серьезную аварию, опоздал на четыре часа. По этой причине ее не встретили, и вот она в незнакомом городе, без денег и крыши над головой, стоит в подворотне – мокрая, продрогшая...

После этого девушка не могла не оказаться в каморке молодого человека, расположенной как раз под крышей. Легли спать, каждый в своем углу. Измученная всеми своими проблемами девушка смогла заснуть только под утро: Клод же, утром встав, случайно (ох уж эти писательские случайности) заглянул за ширму.

«В тепличной жаре, исходившей от нагретых солнцем стекол, девушка сбросила с себя простыню: измученная бессонной ночью, она крепко спала, и ее чистая нагота, залитая солнечным светом, казалась изваянной».

Ну и... Нет, то, что вы сейчас подумали, могло случиться, если бы на месте Клода был другой молодой человек, без комплексов. А художник... сел и стал рисовать дивный женский образ.

«Мигом улеглось в нем и смущение, и любопытство, и проснувшееся было вожделение; все претворилось в восторг творчества, в страстное желание воплотить эти прекрас-

ные тона и формы. Восхищенный снежной белизной груди, оттенявшей бледный янтарь плеч, он совсем забыл о самой девушке. Красота натуры внушила ему благоговение, он испытывал робость, как примерный и почтительный ученик. Клод рисовал около четверти часа; временами отрываясь от рисунка, он, прищурившись, смотрел на девушку, но тут же вновь торопливо принимался за работу, боясь, что она может пошевелиться, задерживал дыхание, чтобы не разбудить ее».

Как ни задерживай дыхание при виде красивой девушки, она обязательно проснется. По логике вещей, должна...

Моя встреча с творчеством Михаила Васильевича Копьева состоялась следующим образом. С завязкой романа Золя эту встречу роднит многое. Там она состоялась в Париже, здесь тоже в столичном городе – Москве. И прибыл я в этот город в очередной раз на поезде, понятное дело – из провинции. Да, прогулка по Москве также имела место быть, правда, днем и не под ливнем.

Все остальное немного отличается: и деньги в кармане водились, и крыша над головой, в виде гостиницы, имелась. К тому же когда мужчине сорок семь лет (это я про себя на тот момент), он очень мало напоминает собой невинную девушку.

В августе 2007 года служебные дела в очередной раз направили в Москву.

Это ведь только в красивой фразе «все дороги ведут в Рим». В российской действительности все дороги ведут в Москву. Здесь все начальство, как следствие, его благословение или жесткое табу. Здесь также почти все деньги страны. Так что поводов для поездок более чем достаточно.

День сложился так благополучно, что до поезда в родной Саранск осталось еще достаточное количество часов. Не на Казанском же вокзале их проводить. Что может быть лучше

прогулки по незнакомому городу! (Кто скажет, что хорошо знает Москву – тот лжец. Он в лучшем случае знает окрестности Казанского вокзала и пары рынков.)

Иду себе, сам не знаю куда, радуюсь хорошему солнечному дню, тому, что задачи командировки благополучно решены. Как вдруг совершенно неожиданно для себя захожу к зданию Третьяковской галереи на Крымском валу. В старом историческом здании Третьяковки все расширяющаяся коллекция не уместается, а в этом современном здании выставлены картины художников советского периода и современных живописцев, по преимуществу авангардистов. Конечно же, с интересом захожу.

Все же советская система воспитания подрастающего поколения была очень разумной и качественной. Помимо идеологии (куда в советское время без нее), повседневная жизнь школьника, его учеба были пронизаны созерцанием замечательных полотен русских художников. Мы выросли (извините за пафос) в окружении репродукций картин Сурикова, Васнецова, Репина, Петрова-Водкина, Дейнеки, Пластова, других замечательных художников. И вот сейчас многие из работ впервые вижу в оригинале. Это, конечно, производит впечатление.

В залах с полотнами советских художников людей довольно много, а там, где развешены труды авангардистов, долго блуждали только два провинциальных ротозея – я да еще один такой же горемыка. Думается, что мы были из одной социальной среды, одного воспитания, одного уровня подготовленности к восприятию творчества такой направленности. Во время прогулки по залам авангардистов мы периодически встречались у тех или иных полотен. Во время второго или третьего пересечения он не мог удержаться от восклицания: «Ни хрена себе, г...а на стены навешали!»

Иисус Христос

Портрет А. Суворова

Прощание с эпохой

Благословение

Ратоборцы

Реквием

Слушатели эха

Прощание с эпохой-2

В ночь перед Рождеством

Композитор С. Терханов

Выстрел в темноту

Просящий подаяние

*Николай Угодник**

Иван Грозный в Вологде

Снежная королева

Я был более сдержан в эмоциях, но молчал примерно о том же. Конечно, если ценители русского авангарда отдают за картины подобного рода сумасшедшие деньги, значит, они того стоят. Если полотна висят не абы где, а в Третьяковской галерее – это тоже не рядовые, проходные работы. И все же.

В сознании друг за другом пробегали газетные, журнальные материалы, телевизионные сюжеты на темы творчества авангардистов всего мира. Слава Богу, шутников и людей с чувством иронии и самоиронии довольно много. Некоторые из них, издеваясь над поклонниками творчества подобного рода, создают «шедевры» таким образом: всунут кисть в лапу обезьяне, заставят слона взять ее своим хоботом, привяжут к хвосту осла и... пошла писать губерния. А то и вовсе был случай, один такой приколист взял десятка полтора больших тараканов, пауков, гусениц, измазал им конечности красками разных цветов и опустил в центр загрунтованного холста и они побежали в разные стороны. А потом поклонники авангардной живописи заходились от восторга: как гениально художник смог передать всю глубину экзистенциального мира человечества, сколько он заложил в картину сюжетных линий, философских подтекстов и контекстов: ах-ах-ах, брависсимо. А было-то всего, что пауки и мокрицы разбежались в разные стороны.

Стоя у очередного такого «уникального» полотна, висящего не абы где, а в Третьяковской галерее, сказал себе: «А чем я хуже таракана или мокрицы? Если они примерно так же смогли, то и я смогу. Как Репин или Поленов не смогу, а так-то, наверное, получится. Конечно, не факт, что мой «шедевр» Третьяковка тоже оторвет с руками, но это уже другой разговор».

В доме моей матери висит картина. Причем настоящая, не репродукция. Подарок от автора, дальнего родственника. Она написана в стиле примитивизма, говорят, он (стиль) сейчас тоже в цене и фаворе у коллекционеров. На полотне красавец цыган с гитарой в руках. У его ног две шикарные

девушки. У каждой такая грудь, что на их фоне Аня Семенович выглядит еще несформировавшимся подростком. Так вот, мне эта картина нравится гораздо больше, чем все шедевры авангардистов, висящие в Третьяковке.

Поверьте, я не подвергаю ревизии безбрежные закрома самой известной в России картинной галереи. Должен же читателям внятно объяснить, что в живописи я не более чем рядовой обыватель, делящий все созерцаемое по принципу: «нравится – не нравится». Все мои оценки предельно субъективные и абсолютно не претендуют на истину в последней инстанции.

В этом же здании размещается Центральный дом художников. Как отказать себе в удовольствии заглянуть и туда? Тем более что и время еще есть.

Центральный дом художников представляет собой большое количество выставочных залов, магазинов-салонов. То есть здесь можно увидеть, в известном смысле, лучшие из работ современных художников. Получается очень гармоничное сочетание. За стеной – работы советских художников, а здесь современные их коллеги, продолжатели традиций, зачинатели новых. А ну-ка, ну-ка, посмотрим. Первый зал, второй, третий... Пейзажи, которым далеко до полотен Ивана Ивановича Шишкина. Натюрморты, которые и в более лучшем настроении никогда не потрясали бы воображение.

Десятый зал, одиннадцатый, двенадцатый... Еще появились виды городских улиц, индустриальные панорамы, портреты, сюжетные картины... Полотен много и ни одного интересного. Такого, чтобы стоял перед ним, и хотелось повесить затем в своей квартире. Подошел бы сейчас кто и сказал:

– Снимай любую работу и забирай домой.

Я бы без раздумий ответил:

– Да я уже купил два тома Иоанна Златоуста. Они сейчас в гардеробе лежат. Тяжелые, большие. А до Казанского вокзала далеко. Извините, но в следующий раз...

– Да, я же за так...

– Понимаю, но, спасибо, не надо...

Я был ошеломлен, правда, это ошеломление иного порядка, чем рассчитывал. На фоне всего здесь увиденного даже авангардисты стали казаться талантливыми вменяемыми людьми.

Каждый следующий зал только усиливал степень испуга: и это потолок нашей русской живописи? Где вы, новые Левитаны, Врубели, Серовы, Васнецовы? Ау?! Точнее: «Караул!»

И вдруг... Как много в нашей жизни замечательных «и вдруг». Почти столько же, как «и вдруг» далеко не замечательных, приносящих серьезные увечья или легкую форму заикания.

В очередном зале – выставка картин вологодского художника Михаила Копьева. И все. Я наконец-то пришел туда, куда вели сильно уставшие уже ноги. Пришел туда, где душа моя сказала: я дома.

Зал был полон удивительных работ. Прежде всего – духовного содержания. Одна работа лучше другой. Одна картина оставляет сильное впечатление, а следующая многократно его увеличивает. И каждая из них заставляет задуматься. Здесь-то точно автор заложил много смысла и подтекстов. Здесь можно не только с радостью видеть, но и много серьезно думать. Вся эта работа необходима, прежде всего, для тебя, это тот напряженный труд, что делает лучше, мудрее, снисходительнее к людям и требовательнее к самому себе.

Это был не зал, а храм какой-то: по концентрации духовности, по радостным и светлым краскам и эмоциям.

Зал не очень большой, но я провел в нем около полутора часов. Мог бы и больше, но ЦДХ тоже иногда закрывают на ночь, да и к поезду важно не опоздать.

Я направился в сторону Казанского вокзала. В руке два больших тома творений Иоанна Златоуста, а в душе празд-

ник — от знакомства с творчеством удивительного художника Михаила Копьева. Это не знакомство, а открытие. Открытие для моей частной жизни не менее важное, чем открытие закона о всемирном тяготении Ньютона для всего человечества. Существует, бесспорно существует всемирное тяготение человека к прекрасному, к настоящему творчеству.

В кармане у меня лежал небольшой проспект, взятый в зале художника. Он извещал, что завтра, 16 августа, в этом же зале состоится презентация альбома-каталога Михаила Копьева «Старое новое». Завтра я буду далеко. Эх, вот если бы сегодня...

А в голове мысль: придет время — обязательно попрошу у художника Копьева разрешение использовать при оформлении своей книги его картину. Только бы написать что-нибудь стоящее. Чтобы не стыдно было за несоответствие текста и иллюстраций. Не хотелось бы залиться краской стыда. Не хотелось.

В первом же прочитанном мной послании Иоанна Златоуста меня поразили слова:

«Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это — крайнее безумие, чего да не будет с нами».

Символично кому было направлено это послание — «Федору падшему». Другу Иоанна Златоуста, сначала ведущему праведный образ жизни, а затем окунувшись с головой во все радости мирской жизни. Этим ли посланием, другим, или их совокупностью, но Златоуст вернул мятущуюся душу друга на путь служения небесам.

Все мы в чем-то падшие, или лениющиеся хоть раз настоящему подняться. Для дела, а не для очередной рисовки или потасовки.

И мысль, с все более усиливающимся постоянством появляющаяся в сознании: ладно без больших дел, без малых бы не остаться.

Прошло более трех лет, я наконец решился воплотить в жизнь то самое желание. Нашел в интернете адрес, телефон художника. Наконец в сторону Вологды полетело мое электронное послание. Первое. Очень хотелось, чтобы оно не стало последним.

«Уважаемый Михаил Васильевич!

К Вам обращается Капитонов Иван Владимирович. Мне 50 лет, живу в г. Саранске – столице Республики Мордовия. Работаю в образовании. Являюсь автором четырех книг – «Шел я улицей Донской», «Ностальгия по ремню», «Знаясь с умными людьми», «Повседневность».

Как человек, нескромно считающий себя верующим, уверен; все, что с нами происходит, не случайно. С известной периодичностью бываю по служебным делам в Москве и почти каждый раз посещаю Третьяковскую галерею. Никогда не считал и не считаю себя специалистом в живописи, но есть там несколько картин, которые просто «не отпускают».

Несколько лет назад впервые посетил здание Третьяковки на Крымском валу. Не мог отказать себе в удовольствии побывать и в Центральном доме художников. Несколько этажей, огромное количество залов и всевозможных выставок. Хожу, смотрю и... и ничего, что хоть в какой бы то ни было степени «зацепило». Незаметно вкрался крамольный вопрос: неужели современная российская живопись такого уровня, что даже таким «чайникам», как я, ничего для собственной души найти невозможно?

Уже собираясь уйти, полный разочарования, случайно на третьем этаже забрел в зал, где были выставлены Ваши картины. И... – потрясение. Считаю не очень корректным

говорить здесь много лестных и восторженных слов (чтобы не быть неправильно понятым), скажу лишь одно: почти все, что Вы написали – оказалось мое. По духу, по мысли, по моим взглядам на жизнь и творчество. Наиболее сильное впечатление от картин – «Возвращение блудного сына», «Благословение», «Слушатели эха» и ряда других.

Еще тогда решил; когда-нибудь обязательно обращусь к Вам с просьбой – разрешить проиллюстрировать одну из моих книг Вашей работой.

В течение ближайших двух месяцев завершу работу над книгой «Идущий к Богу». Объем – около пятисот страниц. В ней я на собственном примере рассматриваю изменение мировоззрения провинциального обывателя: от убежденного, но невоинствующего атеиста, к человеку, который совершенно неожиданно для себя стал верующим.

Теперь конкретная просьба – прошу Вашего разрешения на использование в оформлении данной книги картины «Благословение». Такая обложка очень гармонично дополняла бы содержание «Идущего к Богу», в том числе и названием картины.

Если предложение покажется Вам в какой-то степени интересным, с удовольствием пришлю свою последнюю книгу «Повседневность», обложка которой оформлена работой нашего местного художника Михаила Салдаева.

С верой в дальнейшее плодотворное сотрудничество,
Иван Капитонов.

25.06.10 г.»

Оправив письмо в сторону Вологодской земли, стал с известным нетерпением ждать ответа от Михаила Васильевича. Чтобы не сильно скучать в ожидании, прогулялся в интернет-пространстве в поисках дополнительного материала о нем. Информации много, ее совокупность, вместе с собственными эмоциями, позволили сделать однозначный

вывод: Михаил Копьев – яркий, неординарный художник, и как будет здорово, если у нас начнется, хоть в какой-то степени, творческое сотрудничество. Оформление обложки книги – уже сотрудничество. Хочется думать – только начало, вдруг небеса будут настолько благосклонны, что у этого начала случится и продолжение.

Очень сильное впечатление оставила статья в интернете о Михаиле Васильевиче с очень громким названием – «Первый романтик». Уже частично сформировавшиеся представления о Копьеве позволяли сделать вывод: романтик он, возможно, и не первый, но законченный, то есть ему уже никогда не стать ни прагматиком, ни циником, ни реалистом.

Романтик, в моем понимании, – человек, смотрящий на жизнь детскими глазами, и основа его взгляда – любовь.

Только часть этой статьи.

«Всякое произведение, – если в предельно скупой сцепке слов передать мысль Михаила Бахтина, – есть «событие встречи». Встречи жизни действительной и жизни вымышленной. А две столь диаметрально несхожих сущности могут по-настоящему встретиться и потолковать лишь на границе. То есть в каком-то смежном, несколько смешном и странном мире, где все – недостаточно свое и в то же время недостаточно чужое. Иными словами, есть чувство границы, и связанное с ним чувство мягкого риска (все-таки произведение, а не страна!) – есть художественная вещь. Нет пространства пограничья – и вещи, или, как ныне говорят, «артефакта» нет.

Все вещи Михаила Копьева, – который, перейдя полусотенный рубеж, пересек некую границу и чисто хронологически, – по сути своей рубежны. Все полны мягкого романтического риска засечной черты. И в Вологду он приехал извне, освоив ее как чужой и сделав своей – но все же не настолько своей, чтобы вкрадчивое чутье бытового чуда утонуло в

рутине быта. «Быт» ведь – коварнейшее русское слово, ни на один язык его не переведешь.

Его духовный фокус – небеглый взгляд внимательного странника, ощущение некой дистанции, которая частично пройдена, но вряд ли может быть когда-либо завершена. Такое ощущение, собственно, животворит каждую настоящую картину, написанную на русском Севере и о русском Севере. Тут никак не замкнешься в самоуправлении «малой родины». Она, эта «малая родина», всегда тут рядом, но есть все же еще нечто. Какое-то величественное пейзажное многообразие, которое куда менее ощутимо южнее, в сочной определенности Юга. На севере с нами всегда рядом вполне реальная запредельность. Кажется, что стоит ее только почуять, – и начинаются коренные сдвиги в искусстве, не только в личном, но и мировом. Поехал, скажем, Василий Кандинский на Север, вошел в крестьянскую избу, – и все стало иным. И мир картины преобразился неузнаваемо, впитав в себя космическое безбрежье...

Его картины постоянно уподобляются иллюстрациям к какому-то неписаному тексту, несказанной легенде. Подразумевается, что текст этот – в нас самих. Глянешь повнимательней: и начинается «интерактивный», – говоря нынешним, компьютерным языком, – диалог. Картина показывает, а зритель в молчаливом созерцании рассказывает. Недаром, словно провоцируя нас, Копьев так часто рисует прерванную раздумьем беседу. Изображает то, что само хочет, но не может сказаться. Нужен новый импульс, зависящий только от нас...

Пейзажным камертоном его образов чаще всего служит старая, деревянная Вологда, задворки бывшего «североафинского» величия. При всей внешней убогости они, однако, определяют барочную сценографию ломкого и легкого сна наяву. Заборы, которые по ветхости своей ничего не скрывают, дряхлые стены и двери, которые ничему не препятству-

ют, – лишь обозначая рубеж, как священные древнеяпонские врата *тори*, – составляют удивительную суперструктуру. Прозрачную и всеохватную, как древесное узорочье поздней осени, что зримо истончает реальность, лишая ее грубой плотности. Благодаря сплошной осенней прозрачности везде царствует зыбкая недоговоренность. Копьеву важно пригласить, прорисью обозначить, а не разъяснить. Так Хлебников, публично читая стихи, постоянно смазывал финал, махнув рукой со словами «и так далее».

Среди всеобщей зыбкости герои Копьева, однако, достаточно определены и оплотнены. Не всегда явлены в состоянии какой-то пороговой недо – и пере – воплощенности. Был плутоватый пенсионер, стал мерлином с малой буквы в кучке других мерлинов. И, напротив, – был лихой витязь, стал городским чудиком с легким налетом прежней авантюристической стати. Такая метаморфичность человеческого напоминает Ремизова, который жил в Вологде, оставив свой парансихологический след.

Возможна и более классическая параллель: вспомним картину раннего утра из «Соборян» Лескова. Мнилось: воин с палицей, женщина-палач и черный дикарь. Оказалось: купальщиков на пути к реке, подернутой туманом...

Атмосфера вообще всегда составляет в композиции мастера неременную подкладку, – не только световоздушную, но и драматическую. В них всегда ощущается сгущение, либо разрядка ненастья, их продувают сквозняки, мочит (даже в торжественных исторических полотнах) легкий дождь. Рассеивается хлябь: и вдруг, в стиле «фэнтези», окрест уже видна не дощатая Вологда, а гималайские вершины. И чудики, томившиеся перед заветным винно-водочным часом, суть уже седые гуру, лицезреющие вселенную у своих ног. Произойдет очередной трансметеорологический сдвиг – и они приземлятся на обшарпанную скамейку, унеся с вершин лишь странную ломоту в суставах».

Автором статьи является Михаил Соколов, доктор искусствоведения. Статья довольно большая, и если ее автор хотел разбудить у читателей интерес к творчеству Михаила Копьева, то он шел самой короткой дорогой.

И все же ожидание. Все же надежда, что Михаил Васильевич даст положительный ответ.

В интернете мне встретилась еще одна статья о творчестве Копьева, которая так же произвела сильное впечатление. Принадлежит она перу Л. Г. Сосниной. Несколько цитат.

«Пожалуй, ни один вологодский художник сегодня не обладает таким широким спектром тем, которые разрабатывает в своем творчестве Михаил Копьев. Исторические композиции, к которым сам автор относится очень серьезно, в отличие от условно бытовых полотен несут в себе обязательный элемент этического и психологического содержания. Особенно интересны в этом плане его работы на евангельские и библейские темы. Через образ Христа, как и его предшественники, великие мастера прошлого, художник начала XXI века утверждает непреложный идеал общечеловеческого звучания. Наверное, поэтому в своих работах 1990-х годов он предпочитает и строгую пластическую форму изобразительного языка, и определенный, сложившийся на протяжении столетий образ Спасителя. Позднее, в картинах, обращенных к жизни святителей русской православной церкви Сергия Радонежского, Серафима Саровского, художник позволяет себе личностную окраску их образов. И в этом помогает ему верно найденное пейзажное окружение, созвучное по представлению автора с состоянием их души и помыслов. Именно таким строгим аскетом и паломником предстает перед нами Святой Сергей («Благословение» 1995), окруженный заснеженным первозданным лесом. А открытость и добродушие старца Серафима Саровского («Се-

рафим Саровский» 2002) как бы подчеркнуты простотой внешнего облика странника в запыленной от долгих дорог одежде. Темы библейской истории Копьев, как и многие мастера классики прошлого, осмысляет с позиций своего времени. Ведь размышления о судьбе все потерявшего, но прозревшего блудного сына («Возвращение блудного сына» 1992), или о тернистом пути носителя правды и истины пророка («Путь пророка» 1996) так же актуальны сегодня, как и тысячелетия назад. Наверное, в этом контексте постижения правды, утверждения истинных идеалов разрабатывается художником и тема исторического портрета, обращенная к личностям отечественной истории и культуры. В этом ряду – великие поэты России от Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до Александра Блока; полководцы и российские императоры от Петра I до Николая II и цесаревича Алексея. Я могу быть несогласной с излишне комплиментарным характером трактовки отдельных образов, созданных художником. Но меня по-настоящему взволновали неординарные характеристики в портретах Велимира Хлебникова (1989) или Игоря Северянина (2000), где художнику удалось передать те трагические обстоятельства, которые сопровождали последние годы их жизни.

Путешествия по родной стране, зарубежные поездки по Европе, посещение Африки дают богатейший материал для работы художника. Так появляется в его творчестве тема судеб людей русской эмиграции, которые вынуждены были покинуть Родину в первые годы революции. Им, носителям русской культуры за рубежом, аристократам духа, Копьев посвятил свои самые светлые и поэтичные портреты. Знакомство с историей и жизнью маленького европейского государства Люксембург выливается в серию романтических картин художника, где органично уживаются образы истории и современности, мирно соседствуют легенда и реальность. Удивительной человеческой теплотой

пронизан сюжет картины Копьева «Разговоры о прошлом» (2003), повествующей об отдыхе двух старых дам, уютно расположившихся на полянке под тенью раскидистого дерева. И как материализация их дум о счастливых днях прошлого вдруг возникает фигура рыцаря на белом коне...

Процесс творчества – это таинство, которое еще никому не удалось доподлинно разгадать. Оно остается загадкой и для самого творца. Чтобы не быть голословной, воспользуюсь словами из «Нобелевской лекции» Иосифа Бродского: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее».

Вооруженный всей этой информацией, стал ждать ответ от Михаила Васильевича с еще большим нетерпением.

Совершенно искренне считаю, что Господь познакомил меня с творчеством Михаила Копьева для того, чтобы я удержал в себе «качество серебра» (по Иоанну Златоусту) и не оказался без малых дел. А если еще и средние совершу – значит, проживу жизнь не зря.

Много было в моей жизни командировок. В том числе в то здание, из которого 15 августа 2007 года я вышел в хорошем настроении и пошел не как всегда налево, к станции метро, а направо – куда глаза глядят. Вы будете смеяться, но я больше ни разу не ходил в сторону Центрального дома художников. А смысл? С Михаилом Копьевым, по Божьему промыслу, я уже познакомился. Наверное, нет больше на Руси художников, которых Господь хотел бы мне показать.

Главная задача каждого из нас – не костенеть в содеянных грехах, а становиться лучше самого себя недельной давности. К этому Иоанн Златоуст нас и призывает!

Хорошее название для книги – «Качество серебра». Когда-нибудь, с Божьей помощью, я ее напишу. И с помощью Иоанна Златоуста. А также – Сергия Радонежского. Оказывается, именно он написан на картине «Благословение», так поразившей меня. Нескромно считаю Сергия Радонежского своим небесным покровителем, причем не теоретическим, а реально помогающим в повседневной жизни. Примеров тому большое количество. О том и книга «Идущий к Богу».

Вот только вопрос: дойду ли? И тут же надежда: если постараться, то...

С таким попутчиком на этом великом пути, как Михаил Васильевич Копьев, дорога, несомненно, окажется и легче, и, главное, короче. «Короче» не в смысле «раньше подохну», а в надежде «быстрее дойду»...

Мастерская... она бросала по сторонам изумленные взгляды, потрясенная царившим вокруг беспорядком и запустением. Перед печкой, еще с прошлой зимы, копилась зола, кроме кровати, умывальника и дивана, не видно никакой мебели, впрочем, тут находился еще старый шкаф и большой сосновый стол, где валялись вперемешку кисти, краски, грязные тарелки, спиртовка... всюду были разбросаны хромоногие мольберты и дырявые соломенные стулья.

Проснувшись в незнакомой комнате, в чужой постели, под пристальным взглядом молодого человека, девушка сильно испугалась. Оно и не мудрено. Тут не то что невинная девушка испугается, тут не каждая старушка сохранит ровное дыхание.

Ситуация вскоре стала понятной, но Кристина (так ее звали) категорически отказалась продолжать позировать. С

какой стати она будет лежать перед чужим мужиком, мягко говоря, не совсем одетой? Но у художника свои резоны. Он уже вписался в тему, удивительное дело, девушка оказалась именно той крайне необходимой ему моделью, из-за отсутствия которой застопорилось написание дорогой его сердцу картины. Это не правда, что художнику Дороги все написанные им полотна, есть ведь и проходные вещи, тренинг, поддержка определенного уровня творческой формы. Но картина, над которой Клод очень долго уже мучился и работал, работал и страдал от отсутствия понимания куда

дальше двигаться, была ему действительно очень дорога. И вот она – удивительная девушка, модель, которой так долго не хватало для вдохновения, для продолжения работы.

Когда девушка произносит короткое слово – «нет», это как минимум мужчину огорчает. Когда художнику мешают творить, объявляют запреты, различные табу, ему хочется одно из двух: либо повеситься, либо повесить того, кто мешает. А тут...

Поднимать руку на девушку? Нет. Это не то что в Париже, это даже в солнечной Мордовии не сильно приветствуется. Ситуация не сразу, но разрешилась благополучным образом. Как в том коротком анекдоте.

Беседуют два друга. Один другому:

– Вчера спас одну девушку от изнасилования.

– Как? Каким образом?

– Уговорил...

Клоду также удалось, наконец, уговорить Кристину продолжить работу: *«Он жалобно размахивал перед ней карандашом, охваченный неудержимым творческим порывом. Он скорчился на низеньком стульчике, не приближаясь к ней, не сходя с места... он опять склонился над рисунком, бросал на девушку острые взгляды художника, для которого существует только модель, а женщина исчезает... нервная дрожь сотрясала художника, карандаш в его тонких проворных пальцах казался живым существом, и это – она не могла бы объяснить почему – ее растрогало».*

К концу сеанса Кристина не только свылась с ролью модели, но даже стала испытывать интерес. Интерес не только к молодому, талантливому юноше (с таким-то блеском горящих глаз), но и своему участию в творческом процессе. Модель – та же Муза, она вдохновляет. А какая женщина устоит перед соблазном вдохновить художника. Возможно, такие и имеют место быть: в каком-нибудь отдаленном женском монастыре...

Ответ от Михаила Васильевича был получен, и очень скоро. Он не возражал против использования в оформлении книги его картины, но высказал следующие сомнения. Книга в самом распространенном формате напоминает прямоугольник, поставленный «на попа», картина же, наоборот, – более длинная по горизонтали, не вызовет ли это проблем с наложением одного формата на другой. В связи с этим Копьев предложил, как вариант, использовать другую его картину.

Положительный ответ меня, конечно же, обрадовал. Помимо прочего, он сулил как минимум продолжение отношений, хотя бы в виде переписки.

Поскольку в случае согласия художника я обещал отправить ему свою книгу «Повседневность», то с большим удовольствием это и сделал. Отправленную бандеролью книгу снабдил сопроводительным письмом.

«Огромное спасибо за разрешение использовать при оформлении книги Вашу картину «Благословение». Вполне разделяю опасения, что «горизонтальное» расположение картины может вызвать определенные трудности при исполнении задуманного. В случае, если налицо будут те или иные «издержки» при формировании обложки, просил бы разрешения использовать другую картину. Но не ту, которую Вы рекомендовали, а «Посвящается преподобному Сергию». Это не какой-то каприз, просто душа автора считает, что в этом случае будет более гармоничное сочетание текста с изображением.

С большим удовольствием еще раз посмотрел в интернете Ваши картины. Каждая вторая из Ваших работ просится на обложку. К примеру, картина «Возвращение блудного сына» получилась гораздо правдивее, чем у того же Рембрандта. Поверьте, это не дешевый комплимент, а искренняя убежденность. После долгой разлуки объятия и поцелуи близких людей более естественны, чем опускание одного перед другим на колени, пусть даже в чем-то провинившегося.

Правда, тогда в Москве мне показалось, что с этим названием была выставлена другая картина, с более крупным ракурсом. Но, возможно, я ошибаюсь. «Сезон закончен»: наверное, это пейзаж, но в нем столько «розановской» философии, что, как минимум, произошло смешение жанров.

Очень интересны «Стена», «Продавец зонтиков или Самое высокое место в городе» и много-много других.

Бросается в глаза также следующее: в интернете «выставлены» картины, написанные Вами только в 90-е годы. (Возможно, я не все видел). Было бы очень интересно уви-

деть то, что Вы писали еще в советское время, и, конечно, уже в XXI веке.

В мировой же «паутине» мне встретилаcь статья искусствоведа Кечемайкиной В. А. Кстати, у автора статьи очень распространенная мордовская фамилия, не исключено, что она имеет какое-то отношение к нашей республике. Здесь много хороших добрых слов о Вас. Автор, характеризуя Ваше творчество, использует термин «пограничье» и ставит рядом с ним имена – Борхеса, Толкиена, Булгакова, Дали. Возможно, она делает это вполне оправданно. Но творчество большого художника всегда шире любых рамок, границ.

В моем восприятии Вы, прежде всего, православный художник и делаете для обращения в истинную веру своих зрителей очень и очень многое. Не знаю, доводилось ли Вам когда-нибудь расписывать храмы, но уверен – Господь против этого не возражал бы. «Благословением» и «Посвящается преподобному Сергию» Вы заслужили такое право.

В статье Кечемайкиной В. А. много Ваших очень глубоких и интересных высказываний. Интернет также утверждает, что Вы автор книги рассказов и эссе. Она издана достаточно давно и маловероятно, что у автора есть лишний экземпляр. Нельзяс ли познакомиться с ее содержанием в электронной версии?

1.09.2010 г.»

Ответное послание состояло из двух частей.

«Добрый день, Иван Владимирович!

С удовольствием получил Вашу книгу и письмо.

При чтении книги я получил огромное наслаждение, сейчас я ее дочитываю. Вся книга носит отпечаток необыкновенно живого ума, и удивительным образом в ней рассматриваются те проблемы, которые живо интересуют меня. Я Вам желаю дальнейших литературных успехов и

того душевного уюта, которое возникает у читающего Ваше произведение.

Вы вольны использовать репродукцию любой понравившейся Вам картины. Если потребуется прислать дополнительно, мы это сделаем.

В советское время я, в основном, был представлен как портретист, анималист, работал в театре, так как учился на двух факультетах – на живописном и театральном. Живописных работ этого периода осталось мало.

Спасибо Вам за Ваше творчество и Ваше человеческое внимание.

Когда я прочитаю до конца Вашу книгу, постараюсь написать подробнее.

Посылаю некоторые свои картины – 2009 года.

Михаил

Добрый день, Иван Владимирович!

Теперь я (Ираида) отвечу про обложку.

Если нужно, можно и Сергия, но она только на слайде, не знаю, как пройдет. Джон Ли – американский композитор использовал для оформления своего диска картину «Слушатели эха», он просто снял сам на выставке – и вроде ничего. Пишите – вышлю слайд.

Валентина Кечемайкина – из Мордовии, она моя подруга, училась в Питере, знает немецкий неплохо, сейчас работает с композитором Артемьевым (сыном) – они делают очень интересные СД, в Питере она читает лекции. Валентина очень талантлива как искусствовед.

Сейчас готовим новый сайт – там будет, наверное, и книга с концептуальной графикой, т.к. ту, что печатали (она называлась «Некоторое...») в 1997 – разобрали сами голландцы, которые печатали, а потом как-то все разошлось неведь куда.

Спасибо Вам за добрые слова! Пишите!

19.09.2010 г. Ираида»

Не стал подвергать цензуре (т.е. – сокращению) письмо Михаила Васильевича в лестном для меня месте по ряду соображений. Во-первых, корыстных: какому же автору не хочется слышать приятных слов о своем творчестве. А во-вторых, должен же я каким-то образом передать мнение уважаемого мной художника о том, что делаю. Иначе весь наш диалог потеряет одну из важных составных частей – оценочную.

И все же главной строкой всего письма, по моим представлениям, является следующая: «Вы вольны использовать репродукцию любой понравившейся Вам картины». Значит, и в моем творчестве есть что-то стоящее, если очень серьезный художник дает такой карт-бланш. Собственная самооценка от таких писем могла бы улететь выше крыши, если бы не возраст и какие-то зачатки разума. Все же, чем скромнее мы будем оценивать, что делаем сами, тем правильнее. А если кто-то со стороны скажет доброе слово, то спасибо огромное.

Опять наступило молчание. Клод щурился, весь уйдя в работу, вдохновение захлестнуло его. Но внезапно заметив, что терпение ее истощается, и опасаясь, как бы она не переменяла позы, он сказал первое, что пришло ему в голову:

– Становится жарковато.

Она чуть не прыснула от смеха; с тех пор как она перестала бояться Клода, природная веселость сказывалась в ней помимо воли.

Кристина была далека от искусства вообще и от живописи в частности. Несмотря на природную веселость, мастерская художника ее смущала.

Не только своей неприбраностью, но и наполнением.

«Особенно ее смущали этюды, развешенные без рам; они потоком заливали стены, спускались до полу, где гро-

моздилась куча набросанных одно на другое полотен, никогда еще ей не приходилось видеть столь ужасной живописи; резкие, кричащие, яркие тона оскорбляли ее, подобно извозчичьей брани, донесшейся из дверей харчевни. Она опустила глаза, и все же ее притягивала повернутая к стене картина, для которой художник делал с нее набросок... Что он мог прятать там, не осмеливаясь никому показывать?»

Конечно, желательно писать то, что нужно людям, что не пугает ни невинных девушек, ни прожженных циников. Желательно, но не обязательно. Нужно культивировать в себе желание «оказаться в струе», но не до крайней же степени. Иначе «в струе» ты обязательно окажешься, в струе чьей-нибудь – либо конкретных людей, либо времени.

Автор имеет право на заскоки. Я их называю еще более рельефно, но из соображений цензуры промолчу – как. Подобно извозчику, знаю достаточное количество слов, которыми можно серьезно ускорить лошадей и обстоятельства, но иногда полезно промолчать, чтобы кто-нибудь не закричал в нетерпении, что тебе давно пора заткнуться.

Творчество немислимо без заскоков, экспериментов за гранью (до грани нет ни науки, ни искусства), поисков собственного «я». Найти себя в творчестве гораздо сложнее, чем иголку в стоге сена, счастье в личной жизни, полтора миллиарда ничейных денег на разбитом вдрызг тротуаре. И всегда есть вещи, которые ты до поры до времени не показываешь никому, поворачиваешь картину, книгу «лицом к стене». Еще рано, еще не время.

Творчество, как феномен человеческой цивилизации и основной двигатель эволюции, не один раз становилось предметом научного изучения и художественных размышлений. Первая книга, прочитанная мной на эту тему, – роман Золя «Творчество». Уже затем последовали – «Смысл творчества» Николая Бердяева, работы Льва Шестова, Ва-

силия Розанова, Михаила Бахтина, Андрея Гагаева, Юрия Лотмана.

Но тот первый роман – «Творчество» – по-хорошему потряс. Заставил думать, следовательно, творить.

Не ставлю себе задачей в этой книге сделать анализ всего написанного о творчестве. Это невозможно, и это не является моей сверхзадачей. Я хочу рассказать о реальной жизни с этим творчеством связанной. Через чьи-то книги, картины, музыку, красивый, как у Кристины, взгляд.

По воспоминаниям одного из писателей, С. Я. Маршак за 40 лет их знакомства «не сказал ни одной проходной фразы, так, ни о чем».

Должно быть, это довольно скучно: все время говорить по делу.

В творчестве Михаила Васильевича ценен не только его труд художника, но и его размышления. Это те же неповторимые картины, где за каждым мазком не кисть, а слово. Поразительная образность, удивительная красота – мысли и текста, обобщений и того, как они подаются.

Не зря же говорят: если человек талантлив, то он талантлив во всем.

Не все, что есть в сознании, можно положить на холст, в любом случае останется многое невысказанным. Каждый художник долго и мучительно ищет себя, свой путь в искусстве, только ему присущий взгляд на творчество как средство не только самовыражения, но и возможность поделиться увиденным и пережитым, находками и утратами, которые, в свою очередь, способны привести к новым обретениям.

Кредо художника не только в полотнах, но и в образности мыслей.

Не все можно высказать кистью, равно как не все скажешь и словом. А уж если человеку небесами дано как то, так и другое...

М. Копьев:

«В искусстве люблю некоторую традиционность. Поэтому что мы в любом случае имеем дело с продолжением того языка, который был до нас, и нужно все время обращаться к вечному... Абстрактно я люблю даже самые крайние проявления в искусстве, но сам стараюсь остаться на консервативных позициях. Я хочу вписываться в среду, а не раздражать, поэтому приходится прижимать в некоторых работах и цвет и лихость рисунка. Мне кажется, то, что я делаю, предполагает «негромкий разговор». Если хотите, понимайте это как мою концепцию».

Очень важно почувствовать – «созвучен» ли тебе художник, на одной ли волне вы живете, думаете, творите?

С Михаилом Васильевичем в этом случае все получилось более чем...

Ежедневно, находясь в сиюминутном и временном по грудь, а то и вовсе – по ноздри, художник обращается к вечному. Ему как-то неловко и дискомфортно уподобляться утренней или вечерней газете, быть приятным приложением к чаю с бутербродом. Художнику хочется иногда вкусно поесть, но самому быть разновидностью бутерброда – нет, увольте. Прийти к потребителю на час-полтора – даже в виде компромисса ему не хочется. Художник по большому счету, а тем более художник по-настоящему большой, обращается не к потребителю и даже не к заказчику, хотя наличие последнего желательно, а к человечеству, а следовательно – к вечности. Услышат или нет – тут как получится. Хотелось, чтобы услышали.

«Негромкий разговор» как основа творчества Копьева. Здесь снова полная солидарность. Негромкий разговор – это не мелкотемье, не камерность – предмета и участников беседы. Это разговор – о самом главном, о реальной повседневной жизни. То, что люди развалили до основа-

ния Вавилонскую башню, взяли штурмом Зимний дворец, непрерывно ведут различные войны – от семидневной до столетней и двух мировых, – все это очень важно. И даже интересно в подростковом возрасте. А затем ты видишь поразительную красоту в обыденном и сиюминутном. Затем к тому, что ты видишь вокруг, присоединяются миры не менее яркие – твой внутренний мир, мир твоих фантазий и творческих полетов.

Вот стоит здание – большое, на первый взгляд с интересным дизайнерским решением. Но... Оно холодное, даже глаз не согревает, не то что душу. В нем есть правильность линий, есть точная геометрия, но нет красоты. Красоты без тепла не бывает. Огонь пожара не несет тепла, это адский уничтожающий огонь. Нет настоящего, согревающего душу тепла и от эрзац-каминов, его имитаций.

Мне, к примеру, небоскребы не нравятся, мне по душе – двухэтажный особняк в стиле «модерн». Или обычная сельская изба без изысков и понтов. Там тепло, идущее от дорогих твоему сердцу людей.

Особняк – это негромкий, теплый, душевный разговор. Небоскреб – вселенский ор. Тебя никого не слышит и не понимает, честно говоря, ты на хрен тут никому не нужен.

Копьев:

«Мне кажется, иной раз этому миру дано напомнить зримо о том, что было потеряно человеком в результате грехопадения. Почти непереносимой для восприятия силой дышит иной момент в природе, не всегда внешне эффектный. Опять двойственность, почти непереносимость – чувство собственного ущерба. Но воспринял же! Это уже дает какую-то надежду».

«Чувство собственного ущерба» – как это знакомо. Хочешь высказаться так, что... а не получается. Хочется прыгнуть выше крыши... а твои способности позволяют в лучшем случае со скрипом взгромоздиться на табурет.

Хочется передать удивительную красоту этого мира, да еще и от себя ярких красок добавить... а спичечные этикетки гораздо интереснее и сюжетнее тех полотен, что у тебя получились.

Реализация всегда хуже творческого замысла. В мечтах мы трогаем облака рукой, а в реальном творчестве – со скрипом в позвоночнике завязываем шнурки на своих вдрызг разбитых башмаках.

Может быть, это и неплохо. Все-таки творческая фантазия априори должна быть выше и шире творческих возможностей. Гораздо хуже, когда наоборот. Когда, наоборот, перед вами не художник – а ремесленник. Бойтесь людей, кричащих: «У меня получилось!» Нужно очень внимательно присмотреться, чем же он занимался.

Чем еще художник интересен и чем он отличается от ремесленника. Сто фотографов сделают снимок одного и того же человека. На одном и том же оборудовании, в том же интерьере. Девяносто девять снимков будут похожи как презервативы из одной пачки. А сотый фотограф окажется художником: на десять сантиметров отойдет в сторону, чуть присядет, сделает акцент не на гордо вздернутом носе индивидуя, а на его руках или незастегнутой пуговице. И получается не фото, а – портрет. Портрет, имеющий право быть не только похороненным в семейном альбоме, но и выставленным напоказ в публичном месте.

Художник, даже при очевидных, не мнимых успехах, всегда должен ощущать скромность своего труда и уж точно никогда не задирать нос. Миру не интересно созерцать содержимое чьих-либо заросших могучих ноздрей. Кто в творчестве задирает нос, у того не талант могучий, а ноздри. Кто чем может, тем и хвалится. Миру интересны все же особенности творчества человека, но никак уж не его анатомии. Конечно, если ты не красивая девушка. Но

красивые женщины – это часто манекенщицы, модели и редко когда – художники.

Закончить эти размышления также хочется словами Михаила Васильевича:

«Мне всегда трудно говорить о своем творчестве, ибо всегда помнишь о том, что всегда есть замыслы, и есть конкретный результат».

Он стоял и посвистывал, восхищенный наброском, который ему удалось сделать с головы Кристины; волна вдохновения и надежд подхватила его. Такое состояние, как правило, кончалось у художника приступом отчаяния перед своим бессилием воплотить природу.

Ближе к полудню они расстались. И хоть эскиз благополучно закончен, а радости не было ни у кого. Кристина ушла без особого настроения.

«Может быть, ее обидело грубое безразличие мужчины, и хотя она еще не была женой, женское ее начало возмущалось; и вот теперь она уходила недовольная, взвинченная, бравируя своим спокойствием, унося неосознанное сожаление о том неведомом и ужасном, что могло случиться, но не случилось».

Ох, уж это «женское начало», так удачно проснувшееся в невинной Кристине!.. Когда начинает говорить «женское начало» – мужику точно конец. В широком смысле этого слова. И Клоду поплохело на глазах. Какой мужчина не назовет себя «ослом»: только прощаясь с юной красивой девушкой, вспомнить, что он не только художник...

Ну и ладно, не он первый и не он последний. В творчестве то же самое: всегда кажется, что многое упустил, а что сделал, все не так.

К Клоду после полудня пришел его друг и попросил показать ему ту самую картину, что так заинтриговала Кристину.

«Полотно, размером пять на три, было целиком записано, но только немногие детали носили законченный характер. Сделанный, по-видимому, одним махом, общий набросок был великолепен в своей незавершенности, пленял яркими живыми красками, лесная поляна, обрамленная густой зеленью, была насквозь пронизана солнцем, налево уходила темная аллея лишь с одним световым бликом вдали. На траве во всем великолепии июльского цветения, закинув руку за голову, полузакрыв глаза, лежала, улыбаясь, обнаженная женщина, подставляя грудь золотым лучам, в которых она

купалась. В глубине две маленькие женские фигурки, брюнетка и блондинка, тоже обнаженные, смеясь, боролись друг с другом, ярко выделяясь на зелени листвы пленительной световой гаммой. Художнику, очевидно, нужен был на первом плане констатирующий черный цвет, и он вышел из положения, посадив мужчину в черной бархатной куртке».

Всегда так: как мужчина — так обязательно в черном, как женщина — так только в ослепительной нагоде. Но это, в любом случае, лучше, чем наоборот. Кстати, у Михаила Васильевича есть похожее полотно, на холсте — обнаженная натура и художник. Почти как у Клода. Правда, в картине Копьева столько иронии и самоиронии...

У Николая Рериха описан случай, реально имевший место быть.

Один очень талантливый художник в результате двадцатилетних трудов создал цикл блистательных картин. Он предъявил их «миру», пригласив к себе широкий круг друзей и просто знатоков живописи. Все в восторге. Среди гостей был состоятельный человек, владелец «печатни». Он предложил издать альбом этих, без кавычек, шедевров. Но художник не хотел, чтобы картины покидали дом, поскольку было ощущение, что добром это не кончится.

Тогда по взаимной договоренности с ним были сделаны очень качественные копии. Их сделал молодой и тоже небездарный художник. А подлинный автор, получив хороший гонорар, отправился в длительное путешествие.

Между тем «печатня» сгорела, вместе с копиями. Предприимчивый издатель успел к тому времени удачно застраховать свое имущество вместе с якобы подлинными работами. Более того. И художник получил свою часть страховки. Не смог устоять против минутного соблазна. Да и деньги, как всегда, были нужны. А когда чуть более трезво посмотрел на сложившуюся ситуацию, не мог не ужаснуться: картины-то были у него, они были целы, но в общественном мнении их уже не существовало.

Спустя какое-то время художник попытался реанимировать свои работы. Он вновь выставил их у себя, пригласил тех же гостей, что были на первой презентации,

но эффект был ошеломительным. Гости с заметным сожалением смотрели на художника, а затем прятали глаза. По их мнению, бедняга «в душевном расстройстве, в спешке, налепил» слабые авторские копии.

Есть обман зрения. Есть обман сознания. Последний весьма распространен. Мне показалось, что до завершения книги «Идущий к Богу» осталось всего ничего: максимум пара месяцев. Но сознание вдруг совершенно неожиданно ушло в сторону. Возник новый литературный проект – написать книгу «Работяги». Вспомнить молодость, рассказать, по возможности в светлых тонах и с юмором, о начале восьмидесятых годов, той удивительной советской эпохе что ушла и уже никогда не вернется.

Благослови, Господь, мои труды.

Я создал вещь, шатаемый любовью.

В процессе работы над «Работягами» я довольно часто вспоминал эти замечательные строки Андрея Вознесенского. Если что-то созидать с любовью к близким и не очень людям, то Господь обязательно благословит твои труды.

Единственное, что смущало: попросил у замечательного художника разрешение использовать его картину в оформлении книги, а к этой книге и близко не подхожу. Равно как и не поддерживаю электронную переписку.

Когда контуры книги «Работяги» обрели зримые очертания, появилась возможность отвлечься от нее, а может быть, и совесть проснулась.

После долгого девятимесячного перерыва полетела в сторону Вологды моя очередная весточка.

«Добрый день, Михаил Васильевич и Ираида Валентиновна!

Сразу же отвечу на два возможных с Вашей стороны вопроса. Первый – почему так долго не писал?

Не люблю беспокоить людей по пустякам и отрывать их от дела. Второй – почему в таком случае снова вышел на «связь»?

Не хочется, чтобы Вы считали меня подозрительной личностью, получившей разрешение на использование картины и скрывшейся в неизвестном направлении.

Немного о себе и книге. Ее издание, как и завершение работы над ней, несколько откладывается. Но по уважительной причине.

В этом году одно из крупных уважаемых предприятий республики отмечает свой семидесятилетний юбилей. Я там в начале восьмидесятых трудился несколько лет. Руководство завода предложило написать книгу о тех годах с изданием к юбилею. Этот проект и реализуется в настоящее время; тороплюсь и занимаюсь исключительно им. Надеюсь месяца через два прислать вам свой очередной опус с названием «Работяги».

И только потом сосредоточиться на «Идущем к Богу».

И, наконец, о главном. Как Вы поживаете? Михаил Васильевич, как пишется Вам? С огромным удовольствием посмотрел Ваш сайт (для меня новый), но это предмет для отдельного большого разговора.

Если напишете несколько строчек, буду крайне признателен.

С искренним уважением и верой в дальнейшее плодотворное сотрудничество,

Иван Капитонов.

27.06.11 г.»

Первые месяцы возбуждение Клода все нарастало. Он без конца бродил по шумным улицам, навещал товарищей, пускался в страстные споры; он весь горел и пылал, громко разговаривая даже во сне. Париж снова овладел им, проник в него до мозга костей, наполнил его неслыханной страстью.

В Париже Клод находился не в гордом или печальном одиночестве, а со своими друзьями, проживающими отдельно.

«Однолетки, с разницей в несколько месяцев, все трое происходили из различных слоев общества и по характеру не были схожи, но сразу же почувствовали себя неразрывно связанными тайным средством, еще не вполне ими осознанных честолюбивых устремлений, пробуждением интеллекта, что возвышало их над грубой, шумной толпой лентяев и драчунов».

Каждый лелеял что-то свое. Наш Клод Лантье, естественно, хотел вырасти в большого художника. Пьер Сандоз «не оставлял мечты о литературной славе», Луи Дюбюш «посещал курс в Академии художеств, готовясь стать архитектором». Отгадайте, кто из них добился самого большого жизненного успеха с точки зрения рядовых обывателей?

Не поверите – Пьер Сандоз. Тот самый, что мечтал «о литературной славе». Произошло это после того, как он не только забросил все мысли о литературе, но даже перестал подходить к книжной полке. Впрочем, не знаю, не помню. Вы лучше прочитайте роман. Он того стоит.

Друзья тоже увлекались чтением.

«В глухой провинции, среди сонной тупости маленького городка они жили совершенно особняком, с четырнадцати лет придаваясь лихорадочному поклонению литературе и искусству».

Преодоление «сонной тупости» своих городков и других населенных пунктов — главная задача нашей жизни. Можно, конечно, и самим дремать в тепле десятилетиями; это тоже своего рода гармония. Но гармония не красоты, а лени, тупого времяпровождения. Человек таким образом в лучшем случае удовлетворяет свои первичные инстинкты, естественные надобности, но он не живет, а перекаптовывается. Как говорил Салтыков-Щедрин — «годИт». Между «годИт» и просто «гАдит» разница, конечно, есть, но ее нужно долго искать.

Среди естественных потребностей человека есть такие — в сне, пище, воздухе, продолжении рода. А является ли естественной для человека потребность в творчестве, хотя бы в чужом, как разновидности пищи или отдыха? Может быть, потребность в творчестве и отличает человека от остального животного мира.

Увидеть в окружающем мире не только необходимость выжить, но и возможность развития дано не каждому. Далеко не каждому. Но если кому-то повезет, он может считать свою жизнь сложившейся очень счастливо. Не благополучно, а счастливо. Рядом со счастьем художника благополучие почти не прогуливается.

Литературные пристрастия друзей выглядели следующим образом.

«Первым их вдохновителем был Гюго. Мальчики зачитывались им, декламировали его стихи, любясь заходом солнца над развалинами. Их пленила в Гюго патетика, богатое воображение, грандиозные идеи в извечной борьбе антитез. Жизнь представлялась тогда в искусственном, но великолепном освещении последнего акта драмы. Потом их покорила Мюссе, его страсть, его слезы передавались им, в его поэзии они слышали как бы биение своего сердца; теперь мир предстал им более человеческим, пробуждая в них жалость к нескончаемым стонам страдания, которые неслись отовсюду. Со свойственной юности неразбор-

чивостью, с необузданной жаждой читать все, что только подвернется под руку, они, захлебываясь, поглощали и отличные и плохие книги; их жажда восторгаться была столь велика, что зачастую какое-нибудь мерзкое произведение приводило их в такой же восторг, как и шедевр».

Цитата, конечно, получилась великовата, но я не могу равнодушно скользнуть взглядом по любому талантливому тексту, так или иначе говорящему о книгах. Вот говорят: «Пушкин – это наше все». Перефразируя, у меня получилось следующее: «Книги – это мое все». Хорошо-хорошо: ну и немного – ваше.

В картинах Копьева также достаточно много книг. Иногда как средство выражения определенной мысли, иногда как символ.

Любой молодой человек, кто чувствует в себе творческие задатки, не может не читать: много, без разбору. Для того чтобы разбудить в себе воображение, желание сделать что-то неординарное, высокое, лучшего средства, чем книги, просто не знаю.

Думается, Михаил Васильевич тоже из числа книголюбов. Это видно не только на его картинах. Это чувствуется из его текстов. Наверное, человека все же формирует жизнь. А книги? Они в первую очередь. Книги не дают каждому из нас окончательно скурвиться, продолжать дремать «среди сонной тупости маленького городка».

Не знаю, носит ли это массовый характер и многие ли со мной согласятся, но удивительное дело: когда чуточку пытаешься привести свои мысли в порядок, то просто диву даешься – какая чушь лезет в голову.

Но иногда среди чуши бывают мысли яркие и неожиданные. Абсолютно не помню, что послужило толчком к появлению мысли – было бы очень здорово организовать в Саранске персональную выставку Михаила Васильевича.

Очень хотелось, чтобы случившееся со мной потрясение испытали бы и многочисленные горожане...

Глубокая мысль – это та мысль, которую не сразу и раскопаешь, а раскопав, не знаешь куда ее и спрятать: так сильно она грузит.

Мысль о проведении выставки, однажды появившись, продолжала жить в сознании. Периодически, от сильного испуга, она забивалась куда-то в угол. Смущало понимание, что организация выставки – дело хлопотное, затратное, что из десятка хороших мыслей до удачной реализации доживают одна-две.

И все же, все же, все же.

Нужно всегда понимать, что любая победа – временная. Но это не значит, что вовсе не стоит ввязываться в драку. Реализовывать собственные фантазии всегда интереснее, чем собственный расчет.

Нужно попытаться сделать замер общественного мнения, сколько знакомых людей имеют соответствующие административные и иные ресурсы. Замер сделан, его итоги нашли отражение в очередном послании.

«Михаил Васильевич, главной выставочной площадкой Мордовии является «Республиканский музей изобразительных искусств имени С. Д. Эрьзи». Здесь буквально месяц назад размещалась Всероссийская выставка «Большая Волга». Здесь также размещается постоянная экспозиция работ нашего выдающегося скульптора Степана Эрьзи.

Помимо основной экспозиции в нем есть еще два зала, где постоянно организуются выставки. Один зал на 40 картин, другой на 80. Я беседовал с руководством музея и Министром культуры нашей Мордовии по поводу возможности Вашей персональной выставки у нас в Саранске. В этом и следующем 2012 году все организационные, финан-

совые и иные ресурсы республики направлены на празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами российского государства. А в более поздней перспективе, к примеру, в 2013 году такая выставка возможна.

Прежде чем предпринимать какие-то осмысленные шаги в данном направлении меня просили уточнить у Вас: интересен ли Вам самому такой проект?

Если ответите положительно, это будет очень здорово, поскольку Ваша персональная выставка, несомненно, станет заметным событием в культурной жизни Мордовии.

В сентябре этого года будут решаться вопросы по финансированию мероприятий 2012 г. Если мы все сделаем оперативно, то, возможно, выставку удастся организовать раньше.

В свою очередь готов оказать необходимую организационную и иную поддержку.

Жду ответа на поставленный вопрос. 10.08.11 г.»

Был у меня однажды случай, причем не по пьяному делу.

Нашупал ногой в темноте одну ступень, затем другую. И долго не мог понять, куда же иду: вверх или вниз. В физическом плане через некоторое время определился. А в метафизическом плане понять – поднимаешься ты или совсем наоборот – гораздо сложнее.

У того же Николая Рериха есть очень глубокая мысль: «Трудно молиться, когда ум занят». Ум мой оказался под властью этой мысли, довольно быстро ставшей доминирующей: провести, организовать выставку. Только бы Михаил Василевич ответил утвердительно.

Ответ пришел довольно скоро.

«Я высоко ценю Ваше внимание и, конечно, Ваше предложение вызвало большой интерес с моей сторо-

ны. Затрудняет следующее: моя уже запланированная выставка в Вологодской картинной галерее (в 2012) не определена по срокам, это будет ясно чуть позже. Естественно, я сделаю изменения в дате – в случае если руководство вашего музея будет планировать что-то на 2012 год. И еще – мое нынешнее здоровье к сожалению не позволяет мне покидать Вологду. В случае выставки мои работы могут быть представлены Ираидой и моими товарищами. Я же могу записать видеообращение к зрителям Вашего города.

С уважением, Михаил!

Иван Владимирович!

Теперь немного еще от меня. Выставка могла бы быть на религиозную, духовную тему (в зале, где около 40 работ). Такую выставку интересно сделать вместе с музейными экспонатами, которые имеют отношение к религии – книги, культовые предметы – облачение, церковная утварь и т.д. Может быть даже иконопись (если в краеведческом музее города есть такая возможность) – такая выставка очень эмоциональна и к теме развития отношений мордовского и русского народов имеет прямое отношение. И такая выставка, конечно, более предпочтительна, чем просто персональная выставка, т.к. современное живописное пространство требует более концептуальных решений. Если ваше руководство будет в принципе согласно, можно все дальнейшие детали (транспорт, количество и пр.) потом оговорить, связаться с кураторами ваших музеев и прочее.

И еще: тут мне выдали информацию, что патриарх Никон и протопоп Аввакум из одной и той же мордовской деревни? Вот это было бы очень интересно. Если можно – узнайте, пожалуйста, так ли это.

С уважением, Ираида Копьева.

15.08.2011 г.»

– Послушай, старина, – заговорил Сандоз, – я вовсе не хочу попрекать тебя, но ведь сейчас уже половина седьмого, и мы прямо-таки подыхаем от голода... Будь благоразумен, пойдем наконец обедать.

Клод очистил уголок палитры и, выпуская на нее новые краски, громовым голосом произнес лишь одно слово:

– Нет!

В течение десяти минут никто не прерывал молчания: художник в исступлении бился над своей картиной, друзья же, потрясенные его отчаянием, не могли придумать, чем ему помочь.

Проработав несколько часов – Клод как художник, Сандоз как модель, – друзья, усталые, голодные, но довольные, засобирались в ресторан пообедать. А тут еще и третий друг пришел, Дюбюш, тотчас выразивший готовность присоединиться к предстоящему обеду. Но Клод, скользя по картине случайным взглядом, увидел в ней какой-то диссонанс.

«Он увидел, что теперь, когда мужчина в куртке был почти полностью намечен, фигура женщины требовала переработки. Возбужденный, нетерпеливый, он размашисто обвел и ее чертой, чтобы потом соответственно изменить композицию...<...>

Это было его вечное несчастье: он не в состоянии был вовремя прекратить работу, пьянел от нее, стремясь, не сходя с места, добиться намеченного результата, доказать самому себе, что наконец-то из его рук появился шедевр. В разгар самой удачной работы отчаянные сомнения начинали одолевать его: правильно ли было так насытить цветом эту бархатную куртку? Сможет ли он теперь найти те несравненные тона, которые нужны ему для обнаженной женщины? Он должен был или немедленно разрешить эти вопросы, или умереть на месте».

И Клод, несмотря на отчаянные возражения, вновь принялся за работу.

Сомнения, поиск, кардинальная смена вектора поиска — все это в творчестве дела обычные. Без них никуда. А с ними можно далеко уехать, если снова и снова браться за кисть, если до ломоты в висках долго и внимательно всматриваться в холст, над которым трудишься. Здесь ответственность как в навигации: кораблю, вместе с пассажирами и грузом, необходимо прибыть в порт назначения, а не плыть на острые скалы. Сравнение художника с капитаном более чем уместно: каждая картина, как очередной рейс. Но и разница есть. Все таки для художника каждая картина — это рейс в неизведанное.

Мне очень понравился сайт Михаила Васильевича: большое количество разнообразной информации о нем, рисунки, картины. Все разложено по тематическим разделам, сделано красиво, даже стильно. В любом случае — со вкусом.

В одном из посланий, полетевших в Вологду, я написал Михаилу Васильевичу:

«Если не возражаете, хотел бы поделиться своими эмоциями, связанными с Вашим новым сайтом. Может быть, для Вас он уже и не новый, но я так редко заглядываю в интернет, что впервые увидел несколько дней назад.

Сайт очень хороший. Чувствуется, что над ним работали либо профессионалы, либо люди, не равнодушные к Вам и Вашему творчеству. Но дело даже не в красивом грамотном его исполнении, а в том, что он дает возможность еще лучше познакомиться с Вами и тем, что Вы делаете.

Очень сильное эмоциональное впечатление произвел раздел, рассказывающий о портретной галерее представителей русской эмиграции. Какие одухотворенные лица, какая внутренняя культура. Это та самая аристократия, которая является украшением любой нации и которую мы,

к своему глубокому несчастью, умудрились практически полностью утратить.

В свое время я писал кандидатскую диссертацию о деятельности политических партий России в начале XX века и, что называется, только «краем глаза» посмотрел на проблему эмиграции, и она потрясла не только глубиной чьих-то частных несчастий, но и тем, что даже не очень пристальный взгляд позволяет прийти к очевидному выводу; в ходе всех свершившихся революций и последующих катаклизмов случилось самое страшное – Россия потеряла свою национальную элиту. На то, чтобы воспитать новую и того же качества, нужны столетия.

Думается, что еще очень не скоро мы поймем масштабы случившейся с нами в XX веке трагедии.

Михаил Васильевич, Вы не просто написали какое-то количество хороших, талантливо исполненных портретов, но и сохранили для вечности (слово «вечности» трижды подчеркну) очень яркий, неповторимый пласт русской культуры и истории. За что Вам отдельное, как говорят в Мордовии, – «поки пасиба», т.е. большое спасибо».

Через некоторое время получил ответ, в котором были и такие слова:

«Спасибо за отзыв! Мы еще напечатали книги, посвященные русской эмиграции. Нас это общение так потрясло, если честно. Это другие люди. Русские, но другие. Такое впечатление, что вы находитесь в начале 20 века где-то. Если интересно, можем прислать что-то. Есть книга «И мой шатер был мне Римом...», где воспоминания, которые записаны на пленку – все понемножку, кто и что из них рассказал; воспоминания Гандуриной (дочери ивановского промышленника) – она маленькая. Книга «Н. Федоров – основатель Национальной организации Витязи» – вот эта,

наверное, Вам была бы интересна, так как она о православной русской молодежной организации во Франции, со статьями Федорова. Ираида Копьева».

Вскоре я получил бандероль, в ней все указанные книги. Это еще один подарок России от четы Копьевых: собран материал, написаны и изданы книги о достойных ее сыновьях и дочерях, волею судеб оказавшихся на чужбине.

Эмиграция. В советское время нам формировали негативное отношение к ней. Идеологические институты государства с различной степенью успешности внушали нам, что эмигранты – это:

- либо злые, активно действующие враги советской власти;

- либо бывшие эксплуататоры трудового народа, так и не оставившие своих барских замашек;

– либо заблудшие овцы, так и не сумевшие оценить всей прелести нового строя.

О книгах, присланных Копьевыми, хотелось бы рассказать особо.

Чем отличается хорошая книга от плохой? Хорошая книга – собеседник, делающий тебя лучше. Плохая книга – ответственно...

Присланные из Вологды книги – это хорошие книги. В них нет идеологии, плохих слов о родине с ее новыми – строем и названием, с которыми эмиграции примириться не просто. Для них, как ни парадоксально, родина не место где они живут сейчас, а Россия. Даже для тех, кто родился уже на чужбине, родина – страна, в которой они ни разу не были. А многие так и не успели побывать. Они – русские: по ментальности, характеру, образу жизни и мысли. Они патриоты своей страны, той страны, которая их когда-то вытолкала «взашей»

и не хочет признавать за своих сыновей. Да что сыновей, просто людей, заслуживающих положительной оценки.

Русский мир зарубежья. Не стоит его рисовать исключительно розовыми красками. Подлецов, негодяев, предателей, мелких трусливых душ среди русских людей всегда хватало по обе стороны государственной границы. Это реальность, велик и безграничен русский человек. Но если присмотреться внимательнее...

Уехала значительная часть дворянства. Веками самое привилегированное сословие России. В советское время дворян изображали «паразитами» на шее трудового крестьянства. Что ж, взаимоотношения между этими двумя сословиями нельзя назвать идеальными, это верно. Но именно дворянство создало великую русскую культуру, которой до сих пор восторгается весь мир. Литература, живопись, музыка – сколько здесь выдающихся имен, и практически все дворяне.

Уехала значительная часть буржуазии. В Советском Союзе придумали даже новое определение – «буржуин». Оно активно присутствует в фильмах, книгах, даже детских сказках. Что ж, формировать «новых людей» так формировать.

Если задуматься, то и «старые» люди России были не так уж плохи.

Ведь что такое буржуазия России начала XX века? Это – промышленники, организаторы производства, строители железных дорог, «фабрик, заводов, машин и пароходов». Говоря по-новому – бизнесмены, предприниматели, люди дела. Причем дела своего, а не купленного у растерявшегося государства за три копейки. Почитайте «Дело Артамоновых» Максима Горького. Фабричное производство Артамоновыми налажено ценой невероятных усилий этого рода, а не упало им с неба рождественским подарком.

Что мы сейчас в России XXI века пытаемся сделать? Одна из ключевых задач – сформировать новую буржуазию, людей дела, умеющих не воровать и незаслуженно присваи-

вать, а по-настоящему обустроить страну. То есть мы сейчас пытаемся – не очень успешно – исправить чудовищную ошибку, свершившуюся сто лет назад. И будем исправлять еще сто лет, добившись за это очередное столетие не более половины от желаемого результата.

Уехала значительная часть русского офицерства. Помните фильм «Чапаев» с «психической атакой» капелевцев и репликой одного из рядовых красноармейцев: «Красиво идут». Не всегда смерть русских офицеров царской России была красивой, но это были настоящие патриоты своей страны, страны, которой они принесли присягу. А слова присяги для русского офицера – это святое.

Уехала значительная часть интеллигенции. Об этом можно говорить долго. Написаны тысячи книг, дающих оценку этому великому исходу.

Иногда нужно очень здорово сгустить краски, чтобы получилось очень бледное отражение великой трагедии русского народа начала XX века. Мы просто не хотим задумываться, что же с нами в самом деле произошло в 1917 и последующих годах. И правильно делаем. Кому охота по своей инициативе оказаться в сумасшедшем доме.

Сандоз сделал жест, изобличивший страдание, и продолжал:

– Да, я работаю, и я доведу мой замысел до конца... Но если бы ты только знал! Если бы я мог выразить, до каких пределов доходит мое отчаяние, как я иногда страдаю... Ведь несовершенство моих творений преследует меня даже во сне! Ведь я никогда не перечитываю того, что написал накануне...

По-настоящему талантливый художник Клод разуверился в каких бы то ни было своих способностях: все не то и не так. А как хочется писать – не получается. Не хватает

каких-то штрихов, в последний момент словно ускользающих из рук. Одно прикосновение кисти к холсту — и автор оказывается дальше от желаемого результата. Он идет не туда. Художник сам себя волочет, словно за волосы, в такие тупики, что уже никогда не вырваться. Всевозможные искусствоведы называют это скучным термином «творческий кризис», художникам кажется, что это катастрофа всей жизни, после нее не подняться. Или — лучше не подниматься, зачем миру еще один инвалид, по спине которого проехала тяжелая карета.

Измучившись до предела, Клод вместе с Сандозом гуляют по городу. Когда прогулка изрядно надоела, решили заглянуть в еще одну мастерскую. В ней ютились-трудились два интересных персонажа, типичные для любых сфер искусства. В творчестве каждый из них шел своей дорогой. Точнее, таким жутким бездорожьем, что и не снилось самой глухой российской глубинке.

«Магудо был маленький худой человек со скуластым лицом, в двадцать семь лет уже изможденным морищинами... <...> Сын плассанского каменотеса, у себя в городе на конкурсе музея имел большой успех, после чего ему была положена на четыре года стипендия в восемьсот франков, и он приехал в Париж, как лауреат своего города. Но в Париже среди чужих людей, без поддержки, не сумел попасть в Академию художеств и, ничего не делая, проедал свою стипендию: таким образом по истечении четырех лет он был вынужден, чтобы заработать на жизнь, наняться к торговцу статуями святых, у которого по десять часов в сутки вырезал из дерева весь церковный календарь: святых Иосифов, святых Рохов и Магдалин».

От этих напряженных трудов стал похож на старика: как внешне, так и, самое печальное, внутренне. Магудо ушел в такое ремесло, из которого настоящего творчества не увидит ближайшие семьсот лет. Кто-то из ученых утверждал, что не

все художники столько живут. Особенно те, кто в двадцать семь лет выглядит полуразрушенными стариками.

Второй трудяга в этой мастерской – персонаж еще более печальный. Шэн – обыкновенный сельский парень.

«К несчастью, судьба сыграла с ним злую шутку: один из живших по соседству буржуа пришел в неумеренный восторг, увидев ручки для тростей, которые Шэн вырезал из древесных корней. <...> Окончательная глупость его покровителя состояла в том, что вопреки подлинному призванию Шэна – резать по дереву, буржуа направил все его усилия к живописи; Шэн писал, как каменщик, обращая краски в месиво, умудряясь загрязнить самые светлые и прозрачные тона».

Клод пришел в ужас от результатов труда усердного сельского парня. Тут ему даже немного стало легче: не он один бездарен. А на этом фоне не исключено, что у него есть проблески определенных способностей. И все же, требовательный к себе и другим, художник был очень добрым и замечательным парнем.

«При виде этой мазни Клод был охвачен жалостью, и столь строгий к плохой живописи, здесь он нашел уместным похвалить художника:

– Да, про вас нельзя сказать, что вы притворщик! Вы по крайней мере пишете так, как чувствуете, ну что ж, и то хорошо!»

Конечно, сомнительный комплимент, но тут уж...

В отличие от Клода, эти двое горемык были обречены. Если Клод успокоится, «протрезвеет», соберет волю в кулак, дождется настоящего вдохновения, будет пахать, как раб на галерах, то у него что-то еще может получиться. От достойных произведений до шедевров. А эти орлы как бы ни усердствовали, никогда не взлетят. В лучшем случае заработают на пропитание, скудное или более чем достаточное. Это уже не принципиально. Мы же не вырываем у них

из рук кусок хлеба, мы отказываем им в праве называться художниками, творческими людьми.

Сандоз, друг Клода, писал книгу. Я тоже пишу эту. Сандоз никогда не перечитывал того, что написал накануне, из боязни тут же разочароваться в качестве своего текста. По этой же причине я перечитываю свои тексты раз по десять. Нужно же найти все слабые места и попытаться их усилить. Впрочем, творческая кухня у всех разная, разнообразие рецептов приготовления и делает результаты творчества столь нестандартными и интересными. Было бы предельно скверно, если бы все «лепилось» по каким-то обязательным лекалам.

Обязательность и творчество практически несовместимы. Даже если за спиной художника или литератора стоит заказчик или автоматчик-конвоир, это мало помогает. Реку еще можно загнать в какое-то русло. «Русло» делает творческого человека ремесленником. Это жуткая деградация, сравнимая с неприкрытым пьянством. И там, и там все летит в тартарары.

Возникшая однажды потребность общаться с людьми, чьи взгляды ты разделяешь, становится украшением всей твоей жизни. Увидев и почувствовав для себя что-то новое или неординарное, хочется этим поделиться с друзьями.

1 февраля 2012 года я писал Копьевым:

«Если не возражаете, немного пофилософствую.

Неделю назад был в Москве. На очень серьезной международной научно-практической конференции, получил огромное удовольствие от общения с умнейшими людьми. Перед нами выступили практически все руководители страны, за исключением первых двух лиц, а также руководители крупнейших корпораций, ученые-экономисты с мировым именем.

По моим представлениям, одна из самых больших радостей на земле – возможность слушать умных людей. Или – хотя бы кажущихся таковыми.

Всегда интересно, полезно и приятно видеть перед собой человека, до которого нужно еще «допрыгнуть» в интеллектуальном или творческом смысле. Для меня это действительно еще и приятно. Не должно быть зависти к уму и таланту другого. Должна быть радость как за него, так и за всех нас. В этом смысле четыре дня в Москве – пиршество.

Не мог отказать себе в удовольствии побывать и в Третьяковке. Помимо постоянной экспозиции там были еще две выставки – Валентина Серова и одного из величайших итальянских гениев, с именем которого связано обновление западноевропейского искусства – Джотто (Джотто ди Бондоне, ок.1267 – 1337). Его работы впервые представлены в России, равно как и в Советском Союзе.

Судьба Валентина Серова оказалась немного связанной с нашим краем. Здесь, начиная с 1891 года, без малого 20 лет жила его мама – Валентина Семеновна. Она самоотверженно боролась с голодом, затем занималась просветительской, а заодно уж и революционной деятельностью. Сам художник дважды бывал на территории нынешней Мордовии. Сделанные им здесь рисунки хранятся сейчас в ведущих музеях Америки. Вообще судьба этой семьи заслуживает написания отдельного произведения.

Выставка Джотто даже на такого «дилетанта», как я, произвела очень мощное впечатление. Сложно передать словами красоту «Мадонны с младенцем», написанной более семисот лет назад (1299 г.). Помимо прочего, Богоматерь изображена не совсем привычно для нас. У Джотто она значительно старше, мне показалось – около 40 лет.

Здесь же есть еще одно изображение Мадонны с Младенцем. Оно снова поражает. Это единственное изображение, виденное мной, где Младенец держит Богоматерь за подбородок.

Если я правильно понимаю, именно Джотто одним из первых художников начал изображать Иисуса Христа,

Богородицу. По крайней мере не только на стенах храмов. Какие-то его находки прижились и стали каноническими, какие-то нет.

Специалисты утверждают, что Андрей Рублев является продолжателем традиций Джотто. Хотя в этом нельзя быть уверенным, но мнение такое существует.

Дай Бог, чтобы наши картины и тексты через 700 лет вызывали восхищение или хотя бы вялые споры. Самое страшное для творческого человека – отсутствие реакции на его усилия. Конечно, с высоты вечности и это не принципиально, но...

А вообще, в длинную череду творческих замыслов встало желание написать книгу с коротким названием «Творчество». Абсолютно не смущает, что произведение с таким названием уже давно написано Эмилем Золя. Это как с Джотто: он начал – другие продолжили.

С огромным удовольствием и несомненной пользой для души побывал также в Троице-Сергиевой Лавре. Но об этом в двух словах рассказать не получится.

Вот часть моих земных радостей. У нас в Мордовии холодно. Но только за окном, в душе все как-то, слава Богу...»

Здесь, помимо прочего, примечательно, что впервые озвучено желание написать книгу «Творчество». Если Вы сейчас держите ее в руках, значит, желание воплотилось в жизнь. Через шесть с половиной лет; с высоты вечности – это миг. Качество воплощения – это уже вопрос второй. Редко кто из авторов в полной мере реализует то, что задумывалось. Я не исключение.

Ответ Копьевых содержал такие строки.

«Серов – один из любимых Мишиных художников, можно сказать, учитель.

Джотто в подлиннике не видели, к сожалению, много, потому что в Лувре, куда у нас был свободный пропуск, почти ничего нет, а в Италию мы не доехали, т.к. работали на выставках всегда много времени. Мы думаем, что у Рублева вряд ли могло быть влияние Джотто, индивидуальный стиль Джотто идет из Византии, также как и у Рублева. Вряд ли Рублев мог даже знать, что есть Джотто, тем более – видеть его произведения.

Влияние в изобразительном творчестве – это или школа, или непосредственное воздействие мастера или его картин (мастерская, общение и т.д.). Каким образом это могло происходить, по мнению искусствоведов? По интернету?

Вот так – капля за каплей – и формируются представления о прекрасном. Первая капля приходит еще неосознанно в первый день нашего рождения (что может быть прекрасней и необходимей для грудничка, чем материнская грудь). А последняя капля представлений о прекрасном – это наш последний вздох со словами: «Спасибо тебе, Господи...»

На это послание я ответил довольно быстро.

«Не откладывая дело в долгий ящик, решил написать Вам еще одно послание. Благо повод есть.

Перечитываю сейчас Юрия Лотмана, известнейшего энциклопедиста и специалиста в области культуры, и... периодически вспоминаю Михаила Васильевича. Естественно, хочется поделиться эмоциями.

У Юрия Лотмана в статье «Портрет» (1993 г.) есть такие слова: «Для меня нет ничего более волнующего, чем прогулки по улицам или разговор со случайным встречным: я задаю вопросы, но меня не очень интересуют ответы – я разглядываю лица. Сколько раз после такой прогулки мне казалось, что единственное, что можно сделать – это повеситься. Но иногда попадается такое лицо ребенка или

старухи, которое искупает все и наполняет радостью несколько дней жизни. Нет, человечество еще не погибло, и об этом нам ежечасно должен напоминать портрет».

И мне сразу же вспомнилась серия портретов представителей русского зарубежья, написанная Михаилом Васильевичем. От этих лиц никогда не возникнет желание «повеситься» или сделать еще что-то Богу не угодное.

О вашем друге и «любимом искусствоведе» – Михаиле Николаевиче Соколове. Замечательно, когда у нас есть друзья, и уж совсем замечательно, когда это талантливые неординарные люди. Михаил Николаевич написал книгу о Кустодиеве. Альбом Кустодиева я купил, если правильно помню, в начале восьмидесятых. Для того времени он был неплохо полиграфически издан. И – потрясение. Настоящий художник всегда отличается «лица необщим выражением». У Кустодиева это воистину так. Упрощенно говоря, во многих своих работах Кустодиев писал «купеческую Русь». Была ли Россия такой, как на полотнах художника, или это дореволюционная и постреволюционная вариация пырьевских «Кубанских казаков» – сказать достаточно сложно. Уверен, что Михаил Николаевич дает на страницах своей книги аргументированный ответ на этот вопрос.

В начале двухтысячных я был на выставке работ Кустодиева в Нижнем Новгороде. Не исключаю, что там постоянная экспозиция его картин. Они произвели очень сильное впечатление. Особенно один большой холст. На каждой из его сторон по известнейшей картине Бориса Михайловича. В годы постреволюционной разрухи некогда очень состоятельный художник оказался настолько беден, что не способен был купить даже холст. Поэтому пришлось использовать с обеих сторон уже имеющийся. Возможно, история живописи знает и другие подобные примеры, но на меня этот случай произвел очень сильное впечатление.

Отсюда возможность относительно плавного перехода к той книге, которую предполагаю написать и которую Вам уже анонсировал – «Творчество».

Не бывает провинциального искусства, но, к счастью, есть творчество в провинции. Его специфика, ад и рай существования человека, посвятившего себя творчеству, – наверное, и будут основой книги.

У меня тоже есть близкие друзья и хорошие товарищи. Среди них – Поэт, Композитор и Художник. Вдруг это не случайность, а Божий промысел. Во многом их жизнь и судьба и составят сюжетную канву. Говорить о чем-то подробнее пока рано, откуда мы знаем, куда нас занесет фантазия.

Эта задумка встала в длинную очередь иных творческих планов, но все же черновые записи, по-Вашему – «эскизы», пишутся. Очень надеюсь, что получится. И очень надеюсь, что не совсем уж рядовое.

В очередной раз утомил Вас своим многословием. Но тут уж...»

С тех пор как «неразлучные» друзья осуществили свою мечту – попасть всем трем в Париж, чтобы завоевать его, жизнь их стала невыносимо трудной. Вначале они пытались продолжать свои обычные вылазки за город... но вскоре они уже не могли оторваться от парижских мостовых, целиком отдавшись борьбе за существование и обвиняя Париж в том, что он искалечил им ноги.

Творчество – самый изощренный способ борьбы за существование. Продать пучок редиски гораздо проще, чем десяток страниц текста. Заработать на кусок хлеба, размахив-

вая кистью маляра, гораздо проще, чем кистью художника. А музыка – эти семь нот, могут они прокормить? Если стоять с шарманкой на шумной площади – еще куда ни шло, а без нее – увы. Кстати, что-то давно не видно на улицах и во дворах этого удивительного музыкального механизма – шарманки. Неужели и она спасовала перед реалиями жизни?

Клод, продолжая работать над очень важной для себя картиной, говорит другу:

«Ведь дело подвигается, не так ли, старина?.. Ну, кретины! Неужели и эту откажетесь принять у меня! Я-то к себе куда требовательней, чем они к себе, в этом можно не сомневаться! Когда я сужу свое творение, это, знаешь ли, важнее, чем если бы оно предстало перед всеми жюри на свете... Помнишь мою картину – рынок, два мальчугана на куче овощей?.. Так вот, замазал ее: не получилось! Я увяз там, взял задачу не по плечу. Но я еще вернусь к ней, когда почувствую себя в силах, я такое напишу, что все они обалдеют!»

Нарисовать двух мальчиков на куче овощей; неужели это непосильная задача для художника? Смотря какого результата ты хочешь добиться. Если подходить ко всему, что делаешь, со средней, шадящей меркой, то в актив можно записать очень многое. Включая откровенное барахло. Но не хочется барахлом гордиться. Не хочется быть барахлом самому.

Каждое написанное тобой слово априори не может быть удачным, но их совокупность, текст в целом... Хочется, чтобы иногда получалось. Каждая картина не может быть шедевром, но если не относиться строго к тому, что делаешь – шедевров не будет вообще.

Клод называл «кретинами» не абы кого, а устроителей будущей выставки, к которой художник и торопился закончить свое полотно.

Взявшись за совершенно новое для себя дело – организацию выставки Михаила Васильевича, – я тоже не один раз назвал себя и «кретином», и другими не менее жесткими определениями. Одно дело пообещать и совсем другое – реально организовать.

Получится ли? Будем надеяться. «Все в руце Божьей».

Большая часть из нас обладает очень поверхностными знаниями в различных областях. В математике – только теми, что позволят не ошибиться при пересчете полученной зарплаты. В физике – знаем только то, что все в мире относительно. В русском языке нас правила чистописания вовсе не интересуют: нужен небольшой запас слов, чтобы одного приголубить, а другого послать, и т.д.

Нам кажется достаточным запас знаний, позволяющий выжить. Еще меньше мы обращаем внимание на мир ирреальный, потусторонний. Атеисты считают, что он совсем не существует, многие справедливо опасаются забрести куда не следует.

И вдруг мы сталкиваемся с очень серьезным творчеством. Которое будит нас, тормозит, не дает нам вернуться в сладостную полудрему. Творчество всегда поддерживает главный закон жизни – желать людям добра! Не только желать, но что-то позитивное и совершать. Стоит только начать, дальше покатится этот дивный клубок по земле – не остановить.

Не обязательно украшать свой жизненный путь подвигами. Достаточно – добрыми поступками, конкретными результатами. Даже искренность намерений о благе остальных – уже дорогого стоят. Господь ценит не красоту наших слов о Нем, а их искренность.

Без творчества – своего ли, чужого – мы часть толпы. Толпа не способна понимать. Толпа способна толпиться, да еще – затоптать тех, кто чуть сбился с ритма и направления общего движения.

Не зря говорят, добрым делам всегда Господь помогает. А также – люди, понимающие настоящее творчество и знающие его истинную цену. Здесь самое время сказать «спасибо» – Министру культуры Республики Мордовия Петру Николаевичу Тултаеву и директору Музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи Людмиле Николаевне Колчановой-Нарбековой. Их понимание, поддержка позволили организовать выставку картин Михаила Васильевича не в 2013 году, как планировалось раньше, а в 2012 году.

Определены сроки проведения. Назначена дата открытия выставки – 8 июня 2012 года. Наступило томительное ожидание «судного» дня.

Боже мой, до чего было бы прекрасно посвятить всю жизнь творчеству, постараться охватить им все – животных, людей, всю Вселенную! Охватить не в свете доктрин определенной философии, диктуемой идиотской иерархией, ублаживающей нашу гордыню, но проникнуть в мощный жизненный поток, в мир, где наше существование всего лишь случайность, как пробежавшая собака или придорожные камни!

Клод, по-прежнему находясь в поисках своего творческого лица, пытался нащупать новые выразительные средства. Палитра, краски, холсты – все это хорошо. А если не холст? Если что-то другое, более масштабное?

Клод – своему другу Сандозу:

«– Да! Все видеть и все написать! – воскликнул Клод после долгого молчания. – Иметь в своем распоряжении все стены города, расписать вокзалы, рынки, мэрии и те здания, которые будут построены, после того как архитекторы перестанут быть кретинами! Для всего этого

потребуется только физическая сила да голова на плечах, в сюжетах-то недостатка не будет... Понимать жизнь как она есть, жизнь бедняков и богачей: на рынках, на скачках, на бульварах, в глубине переулков, населенных простым людом; все ремесла, включенные в один хоровод; все страсти, во всей их обнаженности, выведенные на свет Божий; и деревни, и крестьяне, и животные!.. Если я не тупица, я покажу все это людям! Руки у меня так и зудят! Да, всю сложность современной жизни! Фрески, огромные, как Пантеон! Бесконечный поток полотен, который опрокинет Лувр!»

Вот это по-нашему – писать картины, видеть мир и отражать его так, чтобы опрокинуть разом и бесповоротно – Лувр, Прадо, галерею Уффици, Эрмитаж и Третьяковку, любое помещение, где висит с десяток картин, заслуживающих созерцания. Замах, т.е. замысел, в любом случае должен быть шире возможностей художника.

Потенциал растет не когда ты, нагнувшись, рисуешь мелом на асфальте незатейливые клеточки для игры в «классики». Играя в «классики», в классики не попадешь. Им можно стать, если только сможешь разрисовать все – ратушу, вокзал, движущийся поезд. (Разрисовать стоящий поезд и дурак сможет.) Только сделав что-то неординарное, можно «разрисовать» сознание и характер современников и потомков. Не быть модным, а быть востребованным.

Думается, что любого творческого человека смущают как минимум два обстоятельства: поиск своих, фирменных выразительных средств и длинный-длинный ряд творческих замыслов. Их – замыслов – так много, они толпятся, шумят, лезут без очереди. Ты прекрасно понимаешь, что вот тот замысел, стоящий сейчас десятым в очереди, никогда не будет реализован. В тот момент, когда придет его очередь, либо потухнет интерес к тому, что казалось таким важным и интересным, либо получится абсолютно иное. Если бы ты

взялся, к примеру, за написание этой книги сейчас, то она была бы такой, если ты сядешь за письменный стол именно для этой работы через год-полтора, она будет принципиально иной. Хорошо это или нет? Ни то ни другое. Это данность, присущая творчеству, здесь замыслов гораздо больше, чем итоговых результатов.

У творчества есть еще одна особенность. Вроде бы берешься за что-то грандиозное, масштабное, способное опрокинуть мир круче десятка атомных бомб, – расписать мэрию, небо, Вселенную. А когда видишь конечный результат, чуть не плачешь: очень похоже на короткое неприличное слово, кое-как накарябанное на старом покосившемся заборе, который снесут к ближайшему майскому празднику. У людей в мае будет праздник. Только без твоего творческого мусора! И все равно у человека, не лишенного определенных задатков, есть только одна задача – писать, писать и еще раз писать. Стихи, романы, картины, музыку, все, что хоть на скромный штришок делает нас лучше.

Михаил Васильевич отнесся к подготовке предстоящей выставки очень серьезно. В том числе и написанием новых картин. Его заинтересовали две личности – патриарх Никон и протопоп Аввакум. Оба настолько яркие исторические фигуры, что невольно возьмешься за кисть. Или за перо.

Есть в судьбе каждого народа люди, олицетворяющие его нелегкую историю. Как бы это было красиво, если б люди день ото дня жили светлее, лучше и богаче. Благоденствие, процветание, стремительное развитие культуры, образования – если бы это имело место быть всегда и повсеместно, то человечество выглядело бы сейчас совсем иначе... Но человеческая природа не идеальна. Борьба за место под солнцем – каждого из нас, сословий, классов, государств – все это кривит историю народов как позвоночник все мыслимые болезни опорно-двигательного аппарата.

Почему те или иные персонажи остаются в истории народа? Да потому что они отражают чаяния и мысли хотя бы незначительной его части. Середина XVII века. Московское царство после великой смуты приходит в себя. Во главе страны благочестивый царь, старающийся делать все по-божески. Но снова не получилось. На смену великой смуте, начавшейся с приходом на Русь поляков, пришел «великий раскол».

Начиналось-то, как всегда, с малого. С желания поправить церковные книги, привести их в соответствие с каноническими византийскими первоисточниками. За несколько столетий бесконечного переписывания текстов духовных книг вкралось столько неточностей, что со всех точек зрения это сделать было необходимо. Начиналось все вроде бы с мелочей, а закончилось большой кровью, в чем-то сравнимой с расколом нашего общества в начале XX века. С учетом суровых российских реалий русские люди в семнадцатом веке шли на смерть за веру так же, как в веке двадцатом за идеи.

Да еще ничего и не закончилось. Любимая многими читателями «Комсомольской правды» героиня очерков Василия Пескова – таежная жительница Агафья Лыкова – один из реликтов того самого раскола XVII века. Существуют ведь в нашем государстве две православные церкви. Одна из них не столь известна, но тоже живет своей насыщенной жизнью – старообрядческая церковь.

А у источников этой великой смуты стояли два человека – патриарх Никон и протопоп Аввакум. У обоих весьма вероятно мордовское происхождение. По крайней мере, мы в Мордовии на это надеемся. Тем более что вероятность этого очень велика: оба были настолько упрямы (наша самая яркая национальная черта), словно вчера выехали из мордовского села в столицу на заработки.

Они остались в истории не только потому, что заварили такую смуту, но и потому, что были яркими личностями: со своим характером, со своим мировоззрением, с явно выраженным желанием «постоять за веру». Патриарх – высшее должностное лицо русской православной церкви. А протопоп – всего лишь старший священник. Их было на Руси чуть меньше, чем колодцев. А протопоп Аввакум остался в истории как великий борец за веру, как автор великой книги «Житие». Язык, как и красивая женщина, к сожалению, устаревает. «Житие» сейчас читать довольно сложно, но какие там глубокие и современные мысли. Несколько навскидку.

«Праведник светит, как светильник, не угасая, и люди, видя его, – веселятся».

«Рассуждайте о словах Христа: своего врага любви, а не Божия».

«Муж жене и жена мужу воздают должную любовь, и пьют чистую воду из своего источника, и не ходят к чужим колодцам, но пьют свою воду. Просто говорю: друг от друга не соблудите и не желайте чужой красоты. В каждом колодце вода одинакова и ничем не отличается от другой».

«Не ищите риторики и философии, или красноречия, но живите, здравы умом, ибо ритор и философ не могут быть истинными христианами».

У протопопа Аввакума в его мирской жизни было восемь детей. Но долг гражданина в его судьбе перевесил родительский долг. Поэтому он и остался в нашей истории в качестве героя, заслуживающего уважения и понимания. Из интернет-источника:

«Проповедями за чистоту нравов и благочестие, за приверженность старой вере восстановил против себя и прихожан, и местное начальство, и по доносу был сослан в Якутск, откуда началось его непрерывное странствие по острогам Сибири. Был не раз нещадно бит кнутом, содержался зимой в неотопливаемых подвалах и башнях. После 10 лет скитаний вернулся в Москву. В 1667 году с тремя единомышленниками сослан в Пустозерск и посажен в «земляную тюрьму». 14 апреля 1682 года по решению Церковного собора заживо сожжен в срубе в том же Пустозерске».

В чем-то протопоп Аввакум – русская версия Джордано Бруно. Последний взошел на костер, отстаивая научные взгляды, упорный монах – за свое понимание веры.

Поневоле задумаешься: а не измельчал ли современный человек? Пойдет ли он «на костер» – за научные взгляды, за веру, за страну?

Все познается в сравнении. Четыреста пятьдесят лет назад, в период «великого раскола» протопоп Аввакум в «Житие» писал: «Богаче всех богатых и славнее всех славных тот, кто живет в вере Христовой и творит дела, угодные Богу». Один из политиков Мордовии периода нашего «смутного времени» – 90-х годов XX века – останется в истории, прежде всего, таким своим потрясающим афоризмом: «Мы плохо знаем свою историю. В том числе географию».

Как говорится, почувствуйте разницу. Я хоть и не исторический персонаж, но и мне за произнесенные и написанные слова приходится периодически краснеть. Самое время прозвонности слова, за которые краснеть не придется никогда:

– Господи! Прости мне все мои прегрешения, вольные и невольные. Особенно – вольные...

Одно смущает в словах Аввакума: то что «ритор» не может быть истинным христианином. А литератор – тот же классический «ритор», все несет и несет различную околесицу.

Неужели и здесь прав протопоп? Прав не прав, но в душе моей посеял «великую смуту». Как и четыреста пятьдесят лет назад во всем русском государстве...

В процессе подготовки к выставке получил от Копьевых послание, автором которого была Ираида Валентиновна.

«В 1975 году я была в дальней деревне Горьковской области, не помню где. Там на краю оврага было старообрядческое кладбище. Я объехала по ходу работы Рязанскую и Вологодскую области, не встретила там ни одной старообрядческой деревни. Это просто как воспоминание. В житие Аввакума написано: «я Никона знаю: недалеко от моей родины родился между Мурашино и Лыскова в деревне. Отец у него черемисин, а матери русалка, Минка да Манька». Что значит – русалка? Как Вы думаете? Нам интересно. У нас есть друг, художник Азат Миннекаев, он Мишин ученик, из Уфы. Он работал в Магадане, был некоторое время на Аляске. Его интересует движение народов, пожалуй, так же страстно, как это интересовало Гумилева, но только, конечно, с научной точки зрения. Азат написал картины, посвященные чукотским праздникам, обрядам. Раньше, когда мы больше общались с ним, мы очень много разных вещей обсуждали по вопросам передвижения народов внутри России – в одном письме не напишешь. Ну, вот напри-

мер – Рязань – это русский город? Если можно, напишите свое мнение. А про Никона и Аввакума вопросы не праздные – это может стать и картиной. Это как сложится. Кстати, Миша говорит, что отец Керенского, который был директором гимназии, подписывал Ленину грамоту, т.к. Ленин и младший Керенский еще и учились в одной гимназии. Да, бывает. Миша вообще очень любит историю, и он говорит, что ему «интересно то время, когда политическая борьба была связана с религиозной, и возникли интереснейшие исторические личности, с их огромным влиянием и на настоящее, и на будущее. Я понимаю, что миф тесным образом переплетается с сухими историческими данными, но я смотрю на миф очень серьезно, потому что миф органически вытекает из исторической личности и является неотъемлемой частью этой личности», – это Михаил продиктовал.

Всего доброго! Михаил и Ираида...»

В процессе написания Михаилом Васильевичем картин, обмен письмами продолжался. В Вологду полетело очередное письмо, вложенное в бандероль, часть которого здесь и привожу.

«Получив от Вас в подарок альбом и книги, не мог в свою очередь остаться в долгу. Примите и мой скромный дар, как жест дружбы и нормальной человеческой симпатии. Это альбом с работами художников, чьи труды стали составной частью истории мордовской культуры. А также книги о патриархе Никоне и протопопе Аввакуме. Пусть вас не смущает дата издания книги о Никоне. Да, прошло пятнадцать лет, но я купил ее в магазине неделю назад. Представляете, столько лет она лежала на складе, стояла на полке. Наверное, это тоже примета времени, в котором мы живем. Это роман, но вдруг и в нем может найтись

строка, способная подсказать художнику тот или иной поворот кисти.

Теперь о вопросах, затронутых вами в последнем письме. О патриархе Никоне.

Вы цитируете житие Аввакума: «Отец у него черемисин, а мать русалка, Минка да Манька». То, что отец будущего патриарха черемисин, т.е., говоря по современному, мариец, скорее всего Аввакумова «очипятка». Возможно, он спутал мари́йца с мордви́ном. Село, в котором родился мальчик Никита (позднее – Никон), мордовское. То, что в мордовском селе могла жить мари́йская семья, маловероятно. Это примерно так же, как в современной вологодской глубинке могла бы жить семья из Башкирии. Ваш случай не в счет. Отца Никиты звали Мина. В то время не было фамилий в современном понимании, поэтому в дореволюционных изданиях писалось «Никита Минич», в современных – «Никита Минов». А то, что мать Никона могла быть «русалкой», не исключено. В каждой женщине есть что-то от русалки – заманит мужика, затащит в какой-нибудь омут, да там и утопит, наполовину забросав тиной да илом. Шучу, конечно.

О Керенском. Отец Керенского не только был директором гимназии, подписал будущему вождю пролетариата грамоту, аттестат по окончании гимназии, но также долгие годы помогал семье Ильи Николаевича, после того как последний умер. Согласитесь, такие дополнительные штрихи и делают историю интересной.

Многие ученые, кстати, не считают историю наукой. Слишком много в ней субъективных оценок, это ведь только кажется, что есть закономерности в развитии человечества. На самом деле в истории есть «интерпретации» в освещении и огромное количество «мифов». История России полна «мифов», рабочих, далеко не бесспорных версий, политизации. История, как никакая другая наука или псевдонау-

ка, «ложится» под действующую власть, какой бы век ни стоял на дворе. В математику, к примеру, далеко не каждый правитель полезет, а в историю – «хлебом не корми».

Одна только деталь. Самая старая историческая летопись – «Повесть временных лет». Она написана в начале двенадцатого века, но дошла до нас в рукописи века шестнадцатого. Представляете, как ее вычищали и правили каждый второй из правителей, заинтересованных в своем светлом облике. Я всегда призываю студентов очень осторожно относиться к толкованию истории страны как минимум до века шестнадцатого. Тогда уж еще один пример. Все мы выросли с твердым убеждением о том, что на Руси более двух веков существовало монголо-татарское иго. Историк Лев Гумилев (сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева) в своих многочисленных работах утверждает, что никакого ига не было, что на Русь пришло от четырех до десяти тысяч активных воинов, что был нормальный взаимовыгодный симбиоз пришедшей военной силы и местной бюрократии в лице удельных князей. Точки зрения на, казалось бы, широко известный исторический факт бывают диаметрально противоположными.

История и миф неразделимы, по крайней мере, с заслуживающей доверия точностью. В том числе и история русской православной церкви. В этом нет ничего предельно отрицательного, это данность, дающая широкое поле деятельности для творчества».

Михаил Васильевич через некоторое время закончил обе картины. Я получил их электронную версию. А также еще одной картины Копьева с коротким, сильным названием «Солдат». На ней воин в форме времен Первой мировой войны погибает в разрыве снаряда.

Картины произвели очень сильное впечатление. Частью своих эмоций я поделился в письме.

«Спасибо огромное за присланные Вами картины.

Сначала, если не возражаете, о «Никоне» и «Аввакуме». Зритель не всегда видит то, что хотел сказать художник, но нетрудно представить, на чьей стороне автор. В век, когда удобства ради люди отрекаются от всего святого и родного, человек, идущий на свою Голгофу, не может не вызывать уважения. Неплохо бы еще брать с него пример. Нас, к сожалению, как-то больше согревает сентенция о том, что человечество выжило потому что «приспособлялось». Вот и мы стараемся «не отставать», а то и вовсе преуспеть в адаптации.

Вы нашли удивительный ракурс: Ваш Аввакум еще неизвестно куда едет: то ли в ссылку, то ли в светлую память потомков.

Очень сильная сторона ваших картин – непафосность. Не люблю грохота гражданственности, эффектных ударов в грудь: «Смотрите, таких патриотов, как я, на всю страну не больше трех». Не люблю этого ни в жизни, ни в творчестве. В «Никоне» чувствуется не только характер, но и какое-то разрушительное начало.

Замечательные работы, очень надеюсь увидеть их на нашей Мордовской земле.

Картина «Солдат», в канун 23 февраля – лишний повод вспомнить такие цифры. Наша замечательная страна, как Московское царство, возникла в конце 15 века. И начала непрерывно воевать. Ученые дотошно подсчитали сколько.

16 век – 43 года, 17 век – 48 лет, 18 век – 56 лет, 19 век – 30 лет, 20 век – 30 лет.

Представляете, сколько солдат завершило свой жизненный путь как на вашей картине.

В 1979 году у меня погиб брат, офицер Советской армии. В 2006 году у меня вышла книга «Ностальгия по ремню». Это о моей армии. Так что и это ваше полотно не может оставить равнодушным. 22.02.12 г.»

После выставки обе картины были преподнесены автором в дар Музею изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи. Это очень достойное подношение нашей замечательной республике. Мне очень нравится картина о протопопе Аввакуме... Сюжет картины неординарен и интересен, как и все творчество художника.

Зимний пейзаж. Очень скупой на краски и на наличие ландшафта.

Мятежного монаха везут в ссылку на санях. Он закутан в тулуп. Очень строгий и задумчивый взгляд. Наверное, Аввакум думает о будущем России. А возможно, пытается вновь и вновь понять, насколько он прав в своих поступках и мыслях. В этом же взгляде решимость – идти до конца в стоянии за православную веру, а стало быть, за святую Русь. Он не разрушитель, не Герострат в версии семнадцатого века. Он охранитель устоев, охранитель веры, охранитель России. Побольше бы таких, способных идти за свою страну и веру до конца.

– Послушайте, – прошептал он, – что это такое?

– Толпа, – сказал, удаляясь, Бонгран, – там и сверху, в залах...

Толпа, уже очень плотная, с каждой минутой увеличивалась; все покидали официальный Салон и, подстегиваемые любопытством, бежали сюда, уверенные, что увидят необыкновенные вещи.

Клод все же завершил картину, успел в самый последний момент. Работа, которой он посвятил столько сил, энергии, весь свой талант, приняла участие не в официальной выставке, организованной Академией, а в так называемом Салоне отверженных. В этом Салоне принимали участие многие очень талантливые художники, главным недостат-

ком которых было отсутствие официального признания со стороны профессионального сообщества художников. А может быть, это был не недостаток, а досадное недоразумение. Почему Академия художеств не признавала талантливую молодежь? Не потому что они не видели очевидного. Признание молодых талантов – это всегда ущемление прав и интересов действующих «академиков». У горы Олимп несколько вершин, но даже они не разместят всех желающих. Какой нормальный человек своими руками и словами будет множить себе конкурентов, в том числе на таком важном рынке, рынке продаж.

Нет, здесь все было как в классическом общественном транспорте. Те, кто хотели бы уехать, пытаются влезть в переполненный автобус, а те, кто уже сидят в салоне, кричат: «Куда прете! И без вас нечем дышать».

Салон отверженных открылся параллельно официальному салону, организованному Академией. Отгадайте с трех раз, где было больше зрителей? У Вас получилось с первого. Салон отверженных вызвал невиданный ажиотаж. Его посетили и те, кто способен отличить настоящее творчество от его эрзац-версий, и те, кто придерживался «официальной» точки зрения на искусство. Хватало и проплаченных «провокаторов», главной задачей которых было – как можно громче кричать: «Позор! Ату-у!»

Картина Клода оказалась в числе самых освищенных. Частично из-за происков недругов, а во многом из-за новаторского подхода – к сюжету, стилистике его подачи. Картина была настолько неординарной, выполненной в новой непривычной манере, что среднестатистическая публика ее не поняла и, как следствие, не приняла.

Это был провал, публичный, широко освещенный в прессе. Такое в творчестве случается сплошь и рядом. Ожидаешь триумфа, а вместо него – удар лопатой по ноздрям. Хорошо еще если плашмя.

День открытия выставки Михаила Васильевича – 8 июня 2012 года. Мы встречаем на железнодорожном вокзале небольшую делегацию из Вологды. В ее составе: жена художника – Ираида Валентиновна и искусствовед – Любовь Георгиевна Соснина, автор уже процитированной здесь статьи. Размещение в гостинице, завтрак, прогулка по городу. В 11.00 в Музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи встреча с директором музея – Людмилой Николаевной Колчановой-Нарбековой. Выставка открывается в 16.00. Есть время обсудить последние штрихи, посмотреть бдительным оком полномочных представителей художника на все мелочи и детали, совокупность которых и определяют успех или неудачу любой выставки.

Открытие прошло очень хорошо, при большом стечении публики. Ираида Валентиновна извинилась от имени Михаила Васильевича за невозможность его присутствия здесь по состоянию здоровья. Потом включили запись с обращением художника к саранской публике, все собравшиеся увидели перед собой не только интересного живописца, но и неординарного мыслителя. Его речь достойна его картин. Любовь Георгиевна Соснина, автор замечательных статей о Михаиле Васильевиче, рассказала аудитории о творческом пути художника, специфике его восприятия окружающей действительности. Последовали выступления и от официальных лиц. Затем собравшимся была предоставлена возможность ознакомиться с экспозицией.

В этот вечер мне, как и гостям из Вологды, довелось услышать много хороших отзывов об экспозиции выставки. Картины, когда-то потрясшие меня в Москве, как и многие другие, написанные художником чуть позже, не могли оставить равнодушными никого из пришедших сюда. Это ведь волнует и заставляет задуматься каждо-

го: поиск своего духовного пути, история страны, полная трагизма и красоты, удивительные творческие находки, позволяющие смотреть на повседневность с совершенно неожиданной стороны.

На следующий день началась культурная программа для гостей. Мы поехали в Болдино, посмотрели пушкинские места. У Михаила Васильевича есть несколько картин о великом поэте. Самое время посмотреть, где же поэт становился великим.

Третий день пребывания гостей был украшен поездкой в Дивеево. Михаил Васильевич (пусть его и не было с нами) и Ираида Валентиновна – верующие люди, а для православного человека поклониться мощам Серафима Саровского – важнейшее дело и великая благодать. Тем более что картина Копьева с образом Серафима Саров-

Бедный художник, показывающий свою картину искусствоведам. 2015

ского послужила основой афиши выставки, украшавшей вход в музей. Сама картина так же была украшением выставки.

Последний день пребывания на земле Мордовской. Как тут обойтись без посиделок с друзьями. Мы собрались в мастерской Андрея Степановича Алешкина. Это не только замечательный художник, но и удивительный рассказчик, великолепный человек с тонким чувством юмора, большой патриот своей маленькой родины. Словом, достойный сын мордовского народа! Сергей Яковлевич Терханов, Сергей Сеничев, Камиль Тангалычев, Андрей Алешкин, Ираида Валентиновна, Любовь Георгиевна, Ваш покорный слуга. Я люблю подобные встречи. За их неординарность, искрометное веселье, глубину и образность высказываемых мыслей. Это пиршество. Не гастрономическое, а душевное. Как здорово согревает душу понимание того, что твои друзья не только замечательные, но и очень талантливые люди.

Несколько часов удивительного общения. Они дорогого стоят.

Как тесен этот мир. Сергей Яковлевич, оказывается, знаком с Копьевыми по Уфе, бывал у них дома в гостях. А Андрей Степанович в Ленинграде учился вместе с Валентиной Кечемайкиной, нашей землячкой, ныне близкой подругой Ираиды Валентиновны. Вот ведь как бывает.

Часы до отправления поезда на Москву пролетели незаметно. Терханов, Сеничев, я посадили гостей в вагон. Помахали рукой поезду, увозящему гостей в Москву. Было ощущение, что круг друзей расширился еще на два человека. И это ощущение не проходит до сих пор.

Гости уехали, а выставка осталась. Она только настоящему начала свою важную работу – делать людей лучше, чем мы есть.

Клод в два сеанса написал голову. Он весь исходил радостью, кричал, что это лучшее из всего, что ему удалось сделать в живописи, — именно так оно и было, никогда еще ему не удавалось столь удачно осветить искрящееся жизнью лицо. Счастливая его судьбой, Кристина тоже развеселилась и находила, что голова ее написана прекрасно, с удивительным чувством, хотя и не слишком похожа. Они долго стояли перед картиной, отходя к стене, прищуривались.

И все же Кристина снова оказалась в мастерской художника. Если сказать, что оба жаждали этой встречи, то не сказать и десятой доли о той буре чувств, что бушевала в душе каждого из них. После первой встречи последовала вторая, пятая, десятая. Оба были наивны, чисты в помыслах, и дальше замечательных разговоров дело пока не заходило.

«Они говорили обо всем весело, непринужденно, иногда спорили, но споры их всегда носили дружеский характер и не раздражали ни того, ни другого. Однако их дружба становилась все горячее, и они уже жить не могли друг без друга».

К этой молодой паре любовь пришла так. Бывает и иначе: «башню сносит» уже на второй секунде общения, а уж споры, носящие отнюдь не дружеский характер, начинаются потом.

Когда все так красиво развивается — в сюжете книги, в реальной жизни, — жди беды. Но до 111 страницы ее (беды) пока нет, а есть тихое земное счастье двух сердец и начал — мужского и женского.

Нет, в этом есть что-то божественное — в поисках земного счастья. И все же, Муза это не только женщина, что заставляет трепетать сердце художника. Это создание, разделяющее радость и муки творческого процесса, исподволь

подталкивающее к кисти, перу, инструменту. Это человек, берущий на себя не только быт, но и какую-то часть технических вопросов, сопутствующих творчеству. Муза – это женщина, несколько раз стоящая перед холстом в качестве модели и всю оставшуюся жизнь находящаяся за спиной художника в качестве ангела-хранителя.

Кристина начала с того, что просто прибралась в мастерской. Потом присмотрелась к картинам. Поначалу они здорово ее пугали: непонятные сюжеты, всюду обнаженные женщины, стилистика письма не совсем обычна. А затем любовь, вспыхнувшая к Клоду, перекинулась и на его полотна. По-другому и быть не могло. По крайней мере, в хорошей книге.

«Потом, начав разбираться в радостях и горестях, которые его потрясали в зависимости от удачной или неудачной работы, она поняла, что не может не разделять

*желаем Вам не пройти
мимо своего счастья!*

всех его чувств. Она печалилась, когда был печален он, и радовалась, если, приходя, находила его веселым; настало время, когда она прежде всего спрашивала, хорошо ли идет работа. Доволен ли он тем, что написал за время их разлуки? К концу второго месяца она была окончательно покорена, подолгу стояла перед полотнами, которые уже не пугали ее, и хотя ей не слишком нравилась его манера письма, она уже начала повторять вслед за художником, что его живопись «мощна, крепко сколочена, здорово освещена». Он казался ей столь прекрасным, она так его полюбила, простила ему ужасную мазню, не замедлила найти в ней такие качества, за которые могла бы хоть сколько-нибудь любить и ее».

Художник и Муза, Мастер и Маргарита – неисчерпаемая тема. Как в творчестве, так и в реальной жизни. Одной из больших удач жизни Михаила Васильевича является то, что рядом с ним многие годы удивительная Муза – Ираида Валентиновна Копьева. Она многолика в своих бесконечных ипостасях – Муза, жена, первый редактор и первый критик, технический директор. Она и парус, и ветер, который в него дует. Парус корабля с названием «Творчество», на капитанском мостике – Михаил Васильевич. Если уж продолжать аналогии с кораблем. Ираида Валентиновна и кок, и лоцман, и боцман, и, к всеобщему огромному сожалению, судовой врач. (В 2005 году Михаила Васильевича укусил энцефалитный клещ и начались очень серьезные проблемы со здоровьем. Отсюда и его «неприезд» к нам в Саранск на открытие своей выставки).

Любой художник успешен, если есть понимание и поддержка самого близкого человека. В данном случае – жены. Здесь все близко к идеальному. По крайней мере, так видится на расстоянии, так чувствовалось в период нахождения Ираиды Валентиновны в Мордовии, и это отчетливо

понимается из нашей переписки, которую тоже по преимуществу от четы Копьевых ведет она. Сколько в ее посланиях заботы о муже, тревоги о его здоровье. Любая нотка фальши почувствовалась бы в случайной запятой. Но этого нет и в помине. Над Михаилом Васильевичем именно тот ангел-хранитель, что не только делает его жизнь комфортной, но и поднимает творчество художника на более высокий уровень.

В одном из своих писем Ираида Валентиновна высказала следующие мысли о творчестве.

«Многие художники рисуют людей, чем-то похожих на себя (за исключением портрета, конечно), существуют любимые типажи, если можно так сказать. Вот Васильевич, например, часто рисует свои руки своим персонажам. Есть у него какие-то любимые типажи, как он говорит, «деклассированные элементы». Это шутка. Хотя типажи стариков у него есть, есть и типажи «старцев», и женщины – любимый тип (кукольные, толстоватые), либо очень некрасивые, либо – толстушки, намазанные, как у Тулуз-Лотрека.

Кстати, совсем не похожие на меня. Я в юности была очень худенькой, никогда – не намазанной. Так что все это – плод воображения Копьева М.В. А зрители часто ищут «Музу». И я всю жизнь думаю – где же она, эта Муза, а главное – кто же она?»

Как не поддержать такой замечательный разговор.

«Ираида Валентиновна! В своем письме Вы затронули безбрежную тему для размышлений – Художник и Муза – и задались шуточным вопросом: кто же является «музой» Михаила Васильевича? Думается, что ответ Вы прекрасно знаете. Музой, как правило, бывает женщина, которая рядом с Художником. Впрочем, бывает по-разному.

Характерным примером отношений Музы и Художника является жизнь Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. Если честно признаться, то чувства читающей общественности к Софье Андреевне, мягко говоря, не самые приветливые. Мол, от хорошей жены муж не уйдет неизвестно куда на девятом десятке лет. И действительно, несколько последних лет супруга своим «нервическим» состоянием доставила писателю огромное количество хлопот и волнений. Мне, как классическому обывателю, тоже периодически хотелось в этом случае слово «муза» заковытить.

Но год назад я купил в Нижнем Новгороде двухтомный «Дневник» Софьи Андреевны, прочитал его и проникся высочайшей степенью уважения к этой неординарной женщине. Понятно, что в «Дневнике» каждый старается выглядеть «чутьочку» лучше, чем в реальности, но все равно можно отделить зерна от плевел.

Конечно, труд гения уникален. Но уникален и труд Музы, особенно той, которая всегда рядом. Ей нужно создать художнику необходимое настроение, погладить его по шерстке и никак уж «против», постирать ему нижнее белье, приготовить ему завтрак, обед и ужин, рассказать сладкую эротическую сказку на ночь и сделать тысячу иных мелочей, необходимых для начала творческой работы.

Софья Андреевна родила Льву Николаевичу тринадцать детей, десять из них выжили. Лев Николаевич занимался исключительно творчеством и духовными исканиями, незаметно перешедшими чуть ли не в политическую деятельность. А Софья Андреевна занималась всеми хозяйственными делами по управлению имением, переписывала рукописи, решала вопросы по изданию книг. Каждый день за стол садились в среднем двадцать пять – тридцать человек, многие из них – гости писателя, ходоки к нему. Всех нужно вкусно накормить, как минимум, три раза в день.

Много споров, переходящих в серьезные семейные конфликты, у супругов возникало по следующему вопросу. Лев Николаевич хотел разрешить всем, кто хочет, издавать его книги без выплаты ему гонорара. Мол, и книг будет издаваться больше, и стоят они будут гораздо меньше, что для читателя очень хорошо. Конечно, автор был по-своему прав. Но против этого категорически возражала Софья Андреевна. Ей сложно было думать обо всем человечестве, она, прежде всего, думала о своих детях. Дочерям нужно дать хорошее приданое, сыновьям – источники для содержания своих семей: имения, дома, стартовый капитал. А доходы от Ясной Поляны не перекрывали и половины расходов.

В том, что мы вполне обоснованно считаем Льва Николаевича великим писателем, создавшим большое количество выдающихся произведений, большая заслуга и его Музы – Софьи Андреевны. Она сделала все, чтобы он мог сосредоточиться на творчестве.

Кстати, Лев Николаевич по новому стилю родился 9 сентября. Скромно потупив глаза, добавлю; как и я. На этом сходство с классиком не заканчивается. Моя жена – тоже Андреевна. Марину отличает маниакальное чувство ответственности. Вижу, как она хлопочет целыми днями, чтобы мужу и детям было комфортно, и с любовью и уважением снимаю перед ней шляпу. Даже если на макушке и нет головного убора».

Я думаю, что всем нам очень повезло, что рядом с Михаилом Васильевичем есть его Муза. Труд Музы художника – это не быть «розаном» и лишь пахнуть (по В. В. Розанову) и пахать двадцать часов в сутки. В иных случаях и побольше самого художника.

Три часа кряду, не прикасаясь к стоящему перед ним пиву, Клод говорил, не умолкая, и спорил со все возрастающим жаром, хотя он и изнемогал от усталости, а голова его распухла от всей той живописи, на которую он насмотрелся... Бурный поток теорий несясь неудержимо, в пылких речах изливалась страсть к искусству.

Один из друзей Клода, студент архитектурной Академии Дюбюш жаловался на многое: не хватает вдохновения, усидчивости, времени и, как следствие, результатов. На самом деле, как и большинству из нас, ему не хватало трудолюбия, желания сделать что-то по-настоящему хорошее и полезное людям.

«Задрав ноги на подушки, он ожесточенно курил.

– Подумать только, курс перспективы, курс начертательной геометрии, курс стереометрии, курс строительной техники, история искусства! Сколько нужно изматывать бумаги, сделать выписок!.. А еще эти ежемесячные конкурсы по архитектуре! То представляй эскиз, то проект! Тут не до развлечений, впору управиться с экзаменами и с выполнением заданий... Да к тому же и на хлеб надо успеть заработать... Сдохнешь от такой жизни, да и только...»

Клод в это время тоже мучался. Но не от безделья, а от того, что результаты его титанического труда кажутся ему несоответствующими замыслу.

«Весь дрожа, не проронив ни слова, Клод устремил на картину пристальный, горящий взгляд, в котором читалось нечеловеческое страдание от сознания своей беспомощности. <...> Что с ним происходит, в чем причина его полной несостоятельности?»

Может быть, у него какой-нибудь дефект зрения? Что парализует его руки, почему он больше не властен над ними? Он впал в отчаяние при мысли, что им владеет какой-то неведомый ему наследственный недуг; пока он не проявляется, художник упоен творчеством; когда же недуг вновь овладевает им, он же ни на что не способен – доходит до того, что забывает основы рисования.

Каково чувствовать, что все твои способности внезапно оставляют тебя, а ты, хоть и опустошенный, по-прежнему снедаем жаждой творчества; каково чувствовать, что и радость творчества, и возжеленная слава, и жизнь – все от тебя утекло!»

Взлеты и падения, восторг и сомнение – этим полны будни и праздники художника. Мало увидеть мир так, как никто до тебя не видел, но нужно еще и донести до других уникальность взгляда и ракурса. Нужен живой холст жизни, нужны краски, передающие запах цветов, порыв ветра такой силы, чтобы у зрителей волосы откидывало назад. Чтобы если ты пишешь дорогу, то у зрителя ноздри забивало пылью, а в ушах стоял грохот колес порожней телеги.

Много чего хочется автору. Он всегда в раздумьях и сомнениях. И чем их больше, тем вероятней серьезный успех. Художник не может без непрерывных рассуждений: о том, что сделано, об очередном замысле, о природе и специфике настоящего творчества.

У Михаила Васильевича огромное количество глубоких и неординарных мыслей. Часть из них, присланных по электронной почте, хотелось бы здесь привести.

«Больше всего мне хотелось бы, чтобы мои картины, независимо от их содержания, были дружественны к зрителю, и несли, в первую очередь, ощущение. Когда неосознанный опыт зрителя вплетется в содержание картины, она обогащается новыми качествами, которые, может быть, позволяют зрителю увидеть что-то новое и в себе. В свою очередь, впечатления зрителя делают картину другой – автор начинает относиться к своему творчеству иначе. Быть понятым, признанным, приятным – большое счастье для любого художника, и я почувствовал это счастье, прочитав отзывы зрителей на моей выставке на мордовской земле.

Я очень хотел бы, чтобы мои картины воспринимались отдельно от меня, потому что автору не удастся сохранить себя таким же, каким он бывает в момент творчества, когда он прикасается с тем или иным успехом к великим традициям, существовавшим не одну сотню лет.

Может быть, поэтому мне бывает очень приятно слышать, что мое произведение кому-то понравилось. Для меня чрезвычайно трудно слышать это при непосредственном контакте, потому что я чувствую, что в этот момент я уже какой-то другой.

Мне не представляется особенно ценной моя личность в повседневной жизни. Но тогда, когда я начинаю думать о какой-то новой вещи, я прикасаюсь к тому, что внезапно облагораживает мое мышление, ставит новые смысловые акценты, и мысль каким-то образом улетает туда, где уже не хочется ее расшифровывать, а может быть, это и невозможно. Я часто грущу по поводу того, что я старый, но тут же это сменяется противоположными чувствами, потому что я вспоминаю, какого поколения я человек, и, невзирая на это и ряд других условий, мне было дано прикоснуться к тому, что дает смысл моему существованию. Это религия и возможность прикоснуться к темам, кото-

рые, так или иначе, с ней связаны. Религия сопровождает человека на протяжении всей его жизни, и каждый день обнаруживает свои новые качества, а может быть, это человек, обращаясь к религии, обнаруживает новые качества в самом себе.

Мне очень нравятся не похожие на меня художники. Мне очень нравится декоративность в искусстве. Но мне необходима, если можно так выразиться, некоторая «прижатость» цвета и рисунка, поскольку часто я стремлюсь к негромкому разговору со своим зрителем. А кроме того, мне иной раз необходимо изобразить, допустим, влажные веки, или скользящее выражение лица или что-то в этом духе. Ради этого приходится отказываться от некоторых изобразительных средств.

Иной раз меня упрекали в некоторой литературности. В известной мере я бы согласился с этим, но есть такая «литературность», которую можно только нарисовать и что содержит некую, как я определяю «одновременность моментов», в литературной форме, например, излагаемых последовательно и повествовательно. Под «одновременностью» в изобразительном творчестве я подразумеваю следующее. Возьмем известную картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Репину удалось одновременно изобразить и убийство, и жалость отца, и прощение сына. Время в этой картине остановилось, застыло. И поэтому это великая картина. Это можно только нарисовать. «Перевод» в другую форму, как я уже говорил, здесь невозможен.

Иногда спрашивают: а что Вы хотели сказать этой картиной? А я, — или кто-то другой, — уже все сказал. Я уже все изобразил, и если бы мне нужно было бы написать стихотворение на эту тему — я бы его, худо ли, бедно написал. Когда начинаются объяснения, что хотел сказать автор, пропадает некая тонкая, связующая нить, между

автором и тем, почти неуловимым временным пространством, которое он как-то сумел нащупать. Здесь, как пример, я хотел бы привести в первую очередь поэзию, как наиболее близкую к той теме, которую я пытаюсь осмыслить, так как проза имеет совсем другой характер творческой природы, у нее, как мне кажется, несколько другие задачи. Вот у Хлебникова: «Бегу в леса, ущелья, пропасти, и там живу сквозь птичий гам», или у него же: «зеркальные топила обозначили следы, где она весной ступила, Дева ветреной воды» – это он про лягушку. Или: «Как будто бы родина там, вдалеке, пред ним же прибоя черта снеговая». Есть образ, он отсылает нас к богатым ассоциациям – природы, времени, цвету, и помещает нас в свое пространство и время. Я с удовольствием и неоднократно прочитал поэтические сборники К. Тангалычева и С. Сеничева. Полярные, абсолютно непохожие дарования: щемлящая лирика Камиля Тангалычева, поэта, сотканного, кажется из некоего духовного света, устремленного ввысь, и эмоционально насыщенная, наполненная языковыми и метафорическими ассоциациями, поэзия Сергея Сеничева. Как только мы начнем разбирать, как это сделано, те чувства, что рождаются при соприкосновении с поэтическим миром этих авторов, пропадут, растают, – от попытки проанализировать, разобрать, объяснить привычными словами то, что нельзя объяснить. Когда Льва Толстого спросили, о чем роман «Анна Каренина», он ответил – прочитайте роман, если бы я мог сказать короче, я бы сказал.

Некоторая традиция нашего отечества приучила нас к обозначению своей деятельности, некоторой сортировке: реализм, модернизм и т.д. Но приходится признать, что когда появляется что-то ценное, хотя бы в задумке, очень трудно пристроиться к чему-нибудь, да, честно говоря, желания такого особого нет. «Измы» появляются, как хронологическое обозначение того или иного процесса

в нашей культуре, и только потом, уютно устроившись, они начинают набирать свою армию. Короче говоря, я не принимаю всерьез «измы». Никакие. Если бы Иероним Босх появился в наше время, он был бы, скорее всего, сюрреалистом, но в тот момент, когда он жил и работал, — он просто работал, и все. В виде шутки я могу представить, как художников времени Брюллова, Кипренского, спрашивают: ты кто; реалист, критический реалист или представитель модерна? Сомневаюсь, что спрошенный художник что-нибудь из этого вопроса поймет.

Так получилось, что мои человеческие контакты, в большинстве своем, — это контакты не с художниками. Мои друзья: математики, научные работники, врачи, искусствоведы, писатели; а друзья юности — в основном, рабочие. Но были люди, обязательно читающие, думающие, чаще всего — пишущие. Меня лично эта дружба очень обогащает и насыщает новыми впечатлениями и мыслями.

Хочется особенно выделить здесь моего друга, доктора искусствоведения, член-корреспондента РАХ М. Н. Соколова, написавшего самую первую статью о моем творчестве в начале 1990-х в газете «Деловой мир». Михаил Николаевич, также как и Иван Владимирович Капитонов, «нашел» меня после очередной выставки в ЦДХ в Москве, а я, в свою очередь, нашел его, и наша дружба продолжается уже более 20 лет.

Эскизов я или вообще не делаю, или делаю их максимально быстро, но очень долго предварительно обдумывая. Сначала все проверяется «в голове». Молодым художникам мог бы дать совет: тщательно продумывать свои произведения (имеются в виду сюжетные картины, конечно), мысленно «простраивать» их, прежде чем делать какие-то эскизы на бумаге. Сюжет сначала нужно заставить в своем воображении «жить», а потом уже переходить к созданию эскиза картины, если он будет нужен. Прикос-

новение к бумаге без предварительной подготовки вместо эскиза может породить пустое времяпровождение. На бумаге должны быть уже готовые, оточенные мысли.

Периодически очень серьезные художники обращали на меня внимание и принимали в моем формировании большое участие. В течение своей жизни я старался посылить передать свой опыт ученикам, что в ряде случаев мне в какой-то степени удавалось. Положительной чертой в этом мне представляется то, что никогда не стремился к тому, чтобы кто-то из моих учеников походил на меня. Если я мог быть кому-то полезным, я старался.

Я часто ловлю себя на мысли о том, что между нашим миром и тем Миром, куда устремляется мысль религиозно настроенного человека, нет четкой жесткой границы, поскольку мне кажется, что дыхание вечности мы так или иначе постоянно ощущаем. Возможно, это единственное, ради чего стоит браться за создание картин, да и не только картин. Понимание в той или иной степени «нужности» какой-либо задумки, появляется у меня тогда, когда я чувствую, что может быть, произошли какие-то положительные процессы в моей душе. Тогда у меня появляется ощущение, что, быть может, моя душа побеседует с другой душой, ибо я думаю, что изобразительное искусство — это общение душ. Силы для этого дает Бог.

Мне кажется, что когда автор находится в самом начале творческого процесса, и возникают какие-то сильные, образные моменты, ему не следует переводить их на привычный язык. Потому что привычное, «переведенное» может разрушить истинное, первоначальное. Произведение может рождать мысли, но эти мысли не являются его содержанием, они имеют самостоятельную ценность. Это продолжение процесса общения творческих людей в пространстве искусства, — радость, которая дает новые силы. Так, например, произошло с моей картиной «Упавшее

перо», в которую я «положил» перо из поэтического мира К. А. Тангалычева, и очень ему за это благодарен. Мне кажется, что постижение содержания произведения может быть только при растворенности в его восприятии, и никак иначе. Наверное, нужно уметь воспринимать. То есть: есть то, что есть.

Меня не покидает ощущение, что произведения искусства позволяют нам как-то ощутить другой Мир, ощутить его действительно, и поэтому мы испытываем радость, когда видим Мадонну Рафаэля, например. Как сказал Ефрем Сирийский: «...Эдемом еще дышит наш изнемогающий мир». Если в произведениях что-то такое чувствуется; это уже много. У меня твердая уверенность, что человек тем или иным образом постоянно должен помнить о своей другой, более высокой сущности. Много искушений, которые могут заставить нас забыть об этом, но много и тех моментов, что заставляют помнить. Если человек во время своего существования об этом помнит, — а он помнит, — это говорит о победительной силе возвышающего нас в этом мире. Когда я излагаю подобные мысли, я ловлю себя на том, что обозначать свою позицию намного легче, чем следовать ей в своей жизни, но я из всех сил стараюсь. Хотя я человек мнительный и уверенности при начале работы с годами у меня не прибавляется».

Какие образные и глубокие мысли. В них одновременно лирика и философия, осмысление феномена творчества и вера. Господь даровал Михаилу Васильевичу много талантов — выражать свои мысли и душевное состояние на холсте и бумаге в виде текстов, нести людям только светлые эмоции. Точнее, солнечные.

При чтении вышеприведенного текста невольно закрадась мысль: как было бы здорово, если бы Михаил Васильевич уделял как можно больше времени литературному

творчеству (это во мне криком кричит книгочей). Но тут же понимаешь: в сутках только двадцать четыре часа, изложение мыслей на бумаге может не дать сделать что-то Копьеву-художнику.

В течение нашей жизни мы принимаем за ценности совершенно разные вещи: от действительно заслуживающего внимания до откровенной мишуры, и только с возрастом формируется список действительного золота: семья, творчество, здоровье и время. Какие-то богатства могут прирастать (семья и творчество), а какие-то стремительно приближаются к нулю (здоровье и время).

И все же у Михаила Васильевича, кроме таланта, есть еще очень важное качество – ощущение жизни как Дара Божия. Это ощущение он, в меру своих сил и способностей, и старается передать всем нам.

У Бонграна была там обширная мастерская... Он сам отворил им дверь, держа палитру и кисти в руках.

– Это вы! Вот отлично!.. – Свободной рукой он с горячей симпатией пожимал руку Клоду. Потом обратился к Жори, прибавив:

– Ну, юный жрец, я прочитал вашу последнюю статью, благодарю вас за приветливые слова по моему адресу...

Украшение нашей жизни – друзья. Украшением жизни даже литературных героев также являются они.

С момента знакомства с героями романа Эмиля Золя «Творчество» прошло четыре года. В смысле, там, во Франции XIX века, прошло четыре года. Картина Клода на Салоне (если помните) была осмеяна. Причем так громко, что это частично было похоже на успех, на признание. Пусть в гражданском, но все же браке соединились сердца худож-

ника и его чистой искренней любви – Кристины. У них родился сын. Для обретения душевного спокойствия молодые покинули Париж и поселились в провинции.

Друзья Клода тоже как-то пристраивались в жизни. Кто-то по-прежнему активно и безрассудно пытался реализовать себя в творчестве. Кто-то женился, чаще всего по расчету. По любви жениться все же не так рационально, т.е., – разумно. Любовь – что? Эмоции. Иногда говорят, что любовь – не более, чем химия. Но никто еще не назвал любовь математикой.

Самый близкий друг Клода – Сандоз стал журналистом. Когда он еще напишет самые выдающиеся в истории человечества произведения и перевернет мировую словесность с ног на голову, а потом и вовсе на правах победителя сбросит ее с высоты занятого положения. А пока нужно кормиться, нужно чем-то жить. Каждый из нас живет не только «чем-то» (мечтой, надеждой, грандиозными планами), но и «на что-то» (тот самый «презренный металл», на который можно купить как необходимое, так и лишнее).

«Однажды, когда они лежали в траве на одном из островков, Сандоз, подняв глаза к небу, исповедался Клоду:

– Газета, видишь ли, – это только небольшой участок битвы. Нужно жить, а чтобы жить, нужно бороться... Как ни противно ремесло газетчика, а все же эта проклятая девка, пресса, если возьмется за нее парень с головой, обладает дьявольской мощью невидимой армии... Хоть я и вынужден ею пользоваться, но это ненадолго: то, к чему я стремлюсь, непременно будет мной достигнуто. Я примусь за грандиозное, необъятное произведение, которое поглотит меня целиком».

Наверное, это присуще подавляющему числу людей, нескромно считающих себя творческими: мечтаем о собственных шедеврах, а трудимся на различного рода «скотобойнях». Они же, как правило, – «себябойни». Трудно, очень

трудно сделать что-нибудь достойное в творчестве, если голова весь день занята зарабатыванием куска хлеба. Но иногда и здесь случаются уникальные прорывы. Хотя бы в виде редкого исключения, дающего робкую надежду миллионам и миллионам: а вдруг и у меня получится. Жизнь – это ведь тоже уникальное литературное произведение. Иногда она такой сюжет преподнесет, что только держись.

В нашей переписке с Копьевыми давно уже прозвучала фамилия журналистки Кечемайкиной. Напомню: Валентина в свое время жила в Вологде, сейчас трудится в Петербурге, является автором ряда литературных искусствоведческих работ и статей, часть из которых посвящена творчеству Михаила Васильевича. Меня не могла не заинтересовать предельно мордовская фамилия. Копьевы подтвердили: да, ее корни в нашей замечательной республике. Через некоторое время, по моей просьбе, из Вологды прислали одну из ее статей.

Статья замечательна тем, что в ней много «прямой речи» Михаила Васильевича. Поэтому привожу ее практически полностью.

«...Мысль, ищущая воплощения в слове, еще одна особенность дарования Михаила Копьева. Живопись, стих, проза, рисунок – различные грани его творческого лица. Не заменяя, не дублируя, а обогащая друг друга, они дают каждый раз новое представление о взгляде художника на идею, материал, время, позволяют полнее почувствовать его мировидение. Размышления, порой емкие, щемящие, пронзительные, лаконичные, порой витиеватые со сдвигающимися внутри смыслами, парадоксальные многоассоциативные, но всегда искренние, сущностные для художника, – представляют интерес и для зрителя.

Михаил Копьев – художник не «современный». Его искусство не кричит, не эпатирует, не провоцирует, не де-

кларирует, не разрушает. Авангардная идеология сопротивления – это не его творческое кредо. В бесконечном лабиринте культуры XX века ему не досталось «изм»а. Он программно классичен: его безукоризненный рисунок заставляет вспомнить рисунки художников-классицистов, а образный строй, темы и сюжеты его картин, отсылают нас к произведениям немецких романтиков и живописным видениям символистов. Его искусство – материализация художественной памяти. Сочетая в себе многостороннюю одаренность, склонность к философским размышлениям, тонкую ироничность, парадоксальную «заумь», художник стал откровенным сторонником традиционного языка. Для него неоспоримо существование абсолютных художественных ценностей, которые всегда находят преломление в современности. «Без главенства нематериального меня вообще ничего не интересует в искусстве. Ничего.

...Мне кажется, иной раз этому миру надо напомнить зримо о том, что было потеряно человеком в результате грехопадения. Почти непереносимой для восприятия силой дышит иной момент в природе, не всегда внешне эффектный. Опять почти двойственность. Почти непереносимость – чувство собственного ущерба. Но воспринял же! Это уже дает какую-то надежду.

...Мы не знаем, каким был языческий мир. Не знаем абсолютно. Сейчас каждая травинка – это травинка спасенного мира. Какие бы еще трагедии ни предполагались, все равно спасенного. Языческий мир мы знаем как бы по инвентарной описи...»

По-своему художник космичен, пантеистичен. Для него мир реальных не способен существовать вне Духа, все является носителем божественного света. Видимо поэтому, небо – один из ключевых образов. Не случайно художник отводит ему значительную часть композиции. Небо, как символ трансцендентального, доминирует над героями его

полотен, корректируя их бытие. Небо облачное или чистое, динамичное или покоящееся, но всегда источник духовного, знак вечносуществующего, ценностного. В виду неба происходят все события: общаются ли люди («Следы легенд»), или молчат («Слушатели эха»), размышляют («Безмолвие») или прощают грехи («Возвращение блудного сына»), – оно всему придает значимость, как высший свидетель и судия. «Главенство нематериального» обостряет восприятие художника, наполняет его «щемящим чувством» по отношению к любому явлению, моменту в природе, каждая травинка которой для него есть «травинка спасенного мира».

Внутренняя ориентированность на глобальное, вселенское не исключает внимания к частностям и деталям, что превращает многое увиденное в его картинах, в узнаваемое, близкое.

«Я достаточно поздно, как мне кажется, понял, что то, что я пытаюсь все время сделать красками, карандашом и т.д. в большинстве случаев можно характеризовать, как «заповедник». Не растений, не животных только, а всего.

...Заповедность – то, что надо сохранить, пронести через века (или оно само себя сохраняет) – моя тема...»

Старики, дети, животные – те, кто населяет этот «заповедный мир», самые загадочные существа в мироздании. Дети в работах Копьева, как и на картинах немецкого художника-романтика Рунге, «прекрасны и загадочны, жители неведомых миров, у них бездонные глаза, они посвящены во многое, о чем уже забыли, если знали когда-то обыкновенные зрители, стоящие перед картинами» (Берковский Н. Я.). Их лица не по-детски сосредоточены, серьезные, иногда печальны. Старики, в какой бы ипостаси они не выступали, (мудрецы, философы, странники, воины), становятся теми, в ком дети обретают свою вторую половину, родственную душу: они способны понять, защитить и принять детей такими, какие они есть. Старики же находят в

детях свое продолжение, их жизнь, мудрость, опыт «перетаскивают» в детские души. Смерть больше не страшит, жизнь непрерывна.

Мир стариков и детей духовно наполнен, в их стремлении быть нет корысти, только взаимное желание дарить себя. Этот высокий и светлый мир лишен всего прозаического, утилитарного, низменного, меркантильного, тривиального, – это, скорее, художественный мир мечты и надежд. Отсутствие зла, искренность чувств, душевность и естественность – основа глубокой связи героев картин «Тебе принадлежит мир», «Проходящий поезд». Заповедное пространство стариков и детей – это, прежде всего этическое пространство, оно строится по законам добра.

Важным средством раскрытия состояния и настроения героев становится природа: то романтизированная, почти мистическая, с причудливыми рудиментами детских воспоминаний («Я иду искать»), то фантастическая и сказочная, словно иллюстрация детских снов и мечтаний («Осень»), то проникнутая тишиной и печалью, своеобразная пейзажная элегия («Сон после дождя»).

Мощная чувственная энергия природы часто демонстрирует себя через образы животных: бизоны, как бы вырастающие из самой земли, олицетворение ее плоти («Безмолвие»), экзотические ламы, ритмичностью рисунка создающие впечатление причудливого орнамента, стройные белые журавли, как бы случайно сошедшие с роскошных восточных шелков и фарфоров («Осень»).

Художник обращается к чисто анималистическому жанру, создавая портреты животных в живописи и графике. Он чувствует повадки, характер, природную грациозность, красоту зверей, отчего линии его рисунков углем, тушью, карандашом, пастелью – точны, легки, певучи. Экзотичность животных еще больше усиливает ощущение заповедности, т.е. охраняемого и хранимого мира.

Характерной особенностью мировоззрения Михаила Копьева является историзм. Живописец наделен живым отношением к прошлому, поэтому самые неожиданные, фантастические временные смещения в его картинах не кажутся странными. Прошлое параллельно настоящему, они смотрятся друг в друга. Наднациональный вселенский историзм дает художнику свободу, поэтому библейское время («У пересечения дорог»), соседствует с национальной русской историей, часто в опозитизированном, былинном ее варианте («Беседа полководцев»), а западноевропейское, рыцарское средневековье, – с тихим повествованием о сегодняшней деревне («Здравствуйте!»), или непарадной стороной жизни города («Старый город»).

Художник часто сознательно нивелирует время, лишая свои работы временной определенности, поэтому старики в картине «Слушатели эха» воспринимаются одновременно как античные философы, библейские пророки, пилигримы, деревенские чудаки-мудрецы. Порой сюжетность не имеет рассказа, повествования, а значит движения во времени; есть другое, более важное, – пауза, разрыв. Сюрреалистической трактовке «Реквиема» приданы черты надвременного, черты всегдашности, как вечны сами проблемы зла и добра, жизни и смерти, звука и тишины, свободы и несвободы, зрения и слепоты. Неважно, насколько соотносится творимое и время, пространство с реальным хронотипом. Значимо само размышление, постановка проблемы общебытийного порядка. Поэтому любое частное, даже бытовое явление, увиденное глазами художника, перестает быть таковым в его искусстве, приобретая черты временного эпического откровения, значительного и важного, как для его создателя, так и для зрителей.

Трансперсональное видение художника дает многовариантное время: время сна («Сон»), время мифа («Кентавр»), условное время театра («Представление начинается»). Та-

ким образом, заповедный мир Михаила Копьева – это мир, не имеющий границ ни в пространстве, ни во времени, вернее сказать, – включающий в себя все пространства и все времена.

Игровое в творчестве Копьева проявляет себя на разных уровнях: демонстрация возможностей интеллекта и эрудиции, своеобразная «игра в бисер», (прежде всего в слове), способность посмотреть на идеи и вещи «отстраненно», открывая в них новые грани, связи, отношения (живопись), ирония, самоирония (шаржи, карикатуры). «Я вообще-то всегда неловко себя чувствую, когда говорю. Поэтому если вам покажется, что мои слова похожи на мои картины – можете это печатать...»

Статья произвела сильное впечатление – пониманием творчества художника, стилем изложения. Большую часть высказанных ею мыслей, несомненно, разделяю.

Не мог не поделиться своей реакцией с Копьевыми.

«Статья В. А. Кечемайкиной замечательная. Хвалю статью не потому, что автор – наша землячка, а потому, что согласен с большинством ее утверждений, за исключением одного. Цитата из статьи: «Михаил Копьев – художник не «современный»».

Думаю, что Михаил Васильевич не только «современный», но, как и положено большому художнику, «над временем». Творчество, пробуждающее лучшие чувства в человеке, всегда современно. Талант, в ярком и светлом проявлении, – всегда современен.

Украшением статьи являются слова Михаила Васильевича. Приведу несколько из наиболее запавших в душу.

«Без главенства нематериального меня вообще ничего не интересует в искусстве».

«Почти непереносимой для восприятия силой дышит иной момент в природе, не всегда внешне эффектный».

Это все и мое восприятие мира и творчества. И уж совсем «мое», за что с удовольствием пожал бы Михаилу Васильевичу руку:

«Эстетические упражнения интересны для меня только тогда, когда они сопряжены с хулиганством. Чистая эстетика для меня удручающе скучна и навеивает усталость...»

Ни мужчина, ни художник не должны быть чересчур правильными. Рядом с «правильным» мужчиной женщине хочется одного – повеситься. И «правильное» творчество никогда не будет великим. Творчество гениев потому и великое, что «неправильное», не укладывается в устоявшиеся представления, что и как нужно делать.

У меня есть замечательный знакомый – владыка Вениамин. Ему тридцать три года (возраст Христа), уже более года он – епископ Ардатовский и Атяшевский. Недавно мы зашли с ним в один кабинет, и он увидел там свою знакомую. На ее рабочем месте он ни разу до этого не был и после необходимого приветствия произнес: «Так вот вы где спасаетесь».

Наши служебные кабинеты, рабочие места за станком или бетономешалкой, стол писателя, или мастерская художника должны быть местом нашего спасения, а не гибели. Михаил Васильевич, как человек верующий («без главенства нематериального меня вообще ничего не интересует в искусстве»), «спасается» своим творчеством. Более того, своим творчеством Вы помогаете и многим другим «спасаться». А это великое дело».

В книге Александра Шварцбурга «Где ты, Урания?», носящей автобиографический характер, есть такой эпизод.

«Вне лаборатории с начальника слетела вся ученая шелуха. В колхозе, сидя в копне сена, он говорил Игорю:

– Физиком мечтаешь стать? Ну-ну... А вот у меня в твои годы была мечта – помыться в бане с рыжей женщиной...»

Нет, что ни говорите: желание помыться в бане с рыжей женщиной вполне тянет на мечту, заслуживающую реализации. Но пусть это будет не единственная мечта. Пусть будут и другие. Стать физиком, к примеру. Или написать такую книгу (картину), чтоб... Чтобы та самая рыжая женщина как минимум не пожалела, что в свое время терла тебе спину.

Мечтайте, друзья, мечтайте!

О рыжих или ражих женщинах, о любви, счастье, богатстве, ярких впечатлениях. Мечтайте так, чтобы хрустели шейные позвонки. Хрустели не оттого, что вам вот-вот сломают шею, а оттого, что вы все время тянетесь куда-то ввысь. Мечтал художник Клод, мечтал журналист Сандоз, мечтали и мечтают миллионы и миллиарды живших и живущих.

Золотое правило жизни: имейте мечту — яркую, красивую, облагораживающую вас и окружающий мир. Каждый день делайте пусть маленький шаг, но по направлению к ней. Только тогда ваша жизнь и будет иметь смысл. А без мечты — какой смысл жить...

Целых три года Клод боролся, не сдаваясь, неудачи лишь подстегивали его, он не отрекался от своих идей и с суровым мужеством верующего шел вперед.

Страстное напряжение держало его подтянутым.

Клод вернулся в Париж, который его не ждал. В этом городе уже были свои герои. Приход нового — неизбежность очередных сражений. Город устал, он этого не хотел. Какое неравенство сил. Позиции признанных мэтров кажутся несокрушимыми: у них — деньги, слава, положение в обществе. А напротив — художник, только что уверовавший в свой

талант, укутанный в нужду и долги, повязанный необходимостью кормить небольшую семью. И все же Клод полон решимости. У него два очень серьезных подспорья – талант и желание что-то доказать не обществу, а самому себе.

Клод ясно осознал свою дорогу, увидел путь, по которому будет идти до конца, со всей присущей ему сейчас решимостью. Если ты пережил первую неудачу, это не значит, что не будет второй, третьей, десятой. Художник был готов ко всему. Наконец-то он понял свое предназначение, понял, к каким неизвестным островам нужно плыть в своем творчестве... Это его главное оружие, в этом его сила.

«Первый год, в декабрьский снег, он каждый день по четыре часа стоял за Монмартрским холмом, на углу пустыря, и писал там картину: на фоне нищеты, жалких низеньких лачуг, над которыми торчат фабричные трубы, на первом плане, в снегу, маленькая девочка и уличный мальчишка в лохмотьях едят украденные ими яблоки».

Не так-то просто стоять каждый день на снегу четыре часа подряд, даже так, без дела. И все же картина завершена. Клод принес ее в мастерскую, поставил перед собой и впервые внимательно рассмотрел ее уже как законченное творение.

«Когда он взглянул на картину в мертвенном освещении мастерской, она поразила его своей резкостью: это была как бы дверь, открытая на улицу; снег слепил, две фигурки жалобно выделялись на нем грязно-серыми тонами. Он тотчас почувствовал, что такая картина не будет принята, но даже и не подумал смягчить ее, а послал в Салон такой, какой она была».

Предчувствия не обманули Клода: «Жюри опять отказалось принять его картину».

После открытия выставки Михаила Васильевича, которая была несомненно праздником для публики, и проводов

наших замечательных гостей – Ираиды Копьевой и Любови Сосниной – начались обыкновенные будни... И все же конец фразы не очень мне нравится. В России даже будни – необыкновенные, каждый день – десяток штрихов, которые мы накладываем на холст нашей конкретной жизни, общими усилиями рисуя картину мироздания.

Выставка Михаила Васильевича в нашем городе продолжила работу. Я по служебной надобности собрался в дорогу – Санкт-Петербург с предполагаемым посещением Валаама – удивительного острова, еще одной жемчужины русского православия. О чем и сообщил в очередном письме Копьевым. По возвращении меня ждал большой и очень содержательный ответ. Автором его была Ираида Валентиновна. Какие-то фрагменты и предлагаются вашему вниманию.

«Миша счастлив! Что он и передает с огромной сердечной теплотой.

Он очень волновался за свою выставку. В мае он участвовал в выставке-ярмарке в Голландии, так почти и не спрашивал про нее, все волновался, как с Мордовией, все ли состоится, как примут его творчество. Я ему второй день все рассказываю, поэтично, по дню, что как было, кто с нами был и что на каждой фотографии».

Далее Ираида Валентиновна сообщает, что по возвращении домой она дочитала мою ранее посланную книгу.

«Вашу «Повседневность» я слушала в исполнении М. В. фрагментарно и читала только то, что он мне заложил (это мое покаяние). Поскольку моя загруженность позволяет мне читать только ночью. Приехав, начала с начала Вашей книги, сегодня дочитала до конца. Как будто топится камин, и я сижу у него и мне так тепло и легко, как давно

уже не было. И вроде пишете о себе, а читается – для себя. Ваши рассказы о встречах и людях очень мне нравятся, – это то, что мне близко. Наверное, будет и продолжение встреч».

Комплиментарность в свой адрес я стараюсь выбрасывать из текста, но кое-что остается. Здесь – сознательно. Я упомянул о своей книге только с одной целью, дальше идет критика – не критика, но очень важное уточнение.

«Я тоже большой критикан (вы пишете, что вроде тоже), – это плохо, конечно. Но мне так хочется совершенства. М. В. – не такой уж критикан, но он старше меня, и Вас, поэтому гораздо мягче смотрит на все.

Но все же, – из самых хороших побуждений. Только не обижайтесь.

На стр. 194 про Хлебникова – портрет его на смертном одре рисовал Петр Митурич (В книге – П. Мичурин), – вдруг будете переиздавать, – посмотрите. Его мало кто знает – он муж Веры Хлебниковой, сестры Велимира, художник, поэтому он его и рисовал.

Его сын Май Митурич, тоже иллюстратор, как и родители, умер не так давно. Иллюстраторов мало кто запоминает. А мы знаем так дотошно потому, что М. В. неоднократно писал портрет Хлебникова (есть в малом белом альбоме), и меня с ним же познакомил, еще до революции, когда его не издавали. Так что не смущайтесь, это мало кто увидел».

Я всегда признателен за критику моих книг, их содержания. Критика всегда свидетельствует как минимум о внимательном прочтении твоих опусов. Буду искренен. Не всегда хватает внимания, трепетного отношения к мелочам, работы с теми самыми маленькими штрихами, что и делает любое

полотно — живописное, прозаическое, музыкальное — достаточно качественным. Любая неточность, грубый ляп — как грязь на лице. Словно собрался в театр, нарядился круче любого павлина, дорогим парфюмом воздух вокруг себя насытил, а физиономию забыл вымыть. Так и просидишь весь спектакль жизни на посмешище остальной публике.

У меня еще один подобный случай был. Позднее описываемых мной здесь событий в журнале «Странник» печаталась очередная моя работа. Воспринималась она неплохо, но одна из наиболее внимательных читательниц не могла пройти мимо очередного ляпа. В книге, помимо прочего, я рассказывал о посещении в свое время музея Николая Островского в Сочи. Вспоминал его роман «Как закалялась сталь» и сказал о том, что в одноименном фильме снимался наш замечательный актер Василий Лановой.

Читательница написала, что фильм, в котором снимался Лановой, вообще-то назывался «Павел Корчагин», а это, мягко говоря, не одно и то же.

Спасибо огромное этой женщине, любая критика во благо. Много чего не хватает — внимания, эрудиции, ответственности за каждое произнесенное тобой слово. Как у художника Клода из романа Золя: увидел художник, что персонаж сидит в позе, уже не соответствующей промежуточному результату, и несмотря на голод и усталость — айда быстрее переделывать, приводить в порядок.

Наверное, любой автор чем-то похож на незабвенного парикмахера Сережу Зверева. Публика в глаза и за глаза считает последнего законченным идиотом, а он радуется — все время на виду.

Во время пребывания в нашем городе гостей из Вологды мои друзья подарили им свои труды. Камиль Тангалычев подарил недавно вышедший сборник своих публикаций «Язык насущный». Очень интересная книга: по содержанию и качеству.

Книга Камиля натолкнула Ираиду на следующие размышления.

«Про «Язык насущный». Она вызвала у нас поток разных мыслей.

Знаете ли Вы книгу «Аз и Я» Сулейменова, кажется (автора могу уточнить)?

Она про перевод «Слова о полку Игореве». Поскольку автор сам тюркоязычный, он многое перевел и прочитал совсем не так, как общепринято. Многие слова и целые строчки в «Слове» – тюркские, иногда они имеют совсем другой смысл, другой контекст. То есть – перевод «Слова», с точки зрения автора, не только неточен, он искажен.

Подвергается сомнению авторство «Слова» с точки зрения его национальной принадлежности (как будто это важно, русский написал этот текст или печенег!), но тогда (где-то в оттепель, что ли) это была, конечно, бомба. Тем более, что сохранных письменных источников у нас маловато. Автор сделал, по сути, открытие.

Он «Слово» не прочитал – он его услышал.

Тексты «Слова» говорят о близости русского народа к тюркам, и, видимо, настолько, что многие люди в то время, возможно, говорили на нескольких языках, а скорее, на смеси языков. Александр Невский, Грозный, Курбский и др. – это только те, кого мы знаем. Говорят же мордвины на русском без акцента. Почему мы отказываем современникам Слова в знании языков?

Вся Европа говорит «на плохой латыни», как сказала Елена Венедиктовна Каплан, латынь «исказили» народы, которым римляне навязали свою письменность, они смешивали ее со своими языками – и никто не обижается за это на римлян. Они подарили Европе письменность, право, основы государственности. А на русский язык почему-то обижаются.

Язык очень быстро меняется, он стал некой смесью разных языков – очень давно, конечно, – на которой мы теперь разговариваем.

У нас много древних татарских вкраплений. Но разговариваем так, потому что есть письменность, – она, понятно, закрепляет язык. Точно так же в Европе – римляне письменностью «закрепили», «сшили» почти всю Европу. И норвежцы, и голландцы, упомянутые Андреем Алешкиным финны, и прочие – вынуждены учить один из европейских. В Люксембурге разговаривают на четырех языках (французский государственный), плохо – на английском (школьном, что меня и спасало), конечно, – на немецком, и плюс люксембургский, такой некий сленг – это немцы считают, – диалект немецкого.

Если бы Кирилл и Мефодий взяли бы вдруг латинский алфавит? И тут мы были бы опять виноваты (перед казанскими татарами?) и как замечательный поэт Сеничев: опять я, что ли? Вот если бы латиницей писали, да еще и по их правилам, да еще лет 800 подряд! Что бы было? Это тема для лингвистического романа (см. Набокова «Ада», где он это делает с русским + английским и французским). А кстати, может, и было бы неплохо, так как русский бы хоть немного организовался: был бы прямой порядок слов: подлежащее, сказуемое, а потом уж остальное, – что как-то бы, со временем, привело в порядок мысли народа. Бы...

Язык имеет такие интересные формы, как лагерный, интернет-язык, который возник буквально на глазах. Там, где много людей, много разных форм общения (будь это торговые пути, реки, тот же интернет – проходной двор), язык быстро меняется, всасывает в себя все, что необходимо для того, что бы быстрее «встроиться» в среду, выжить. В далеких местах, с труднодоступной информационной средой, язык остается достаточно долго: у нас – венсы. До них ехать и ехать. Да о них и говорить-то стали недавно (Это все на глазах – в центре России!). Или баски

Испании – они были всегда отделены: от Испании трудно-проходимыми горами, от Франции границей. Да и не растет там толком ничего. Вот и законсервировались. Они мало были кому интересны, пока не стали стрелять. И, в общем-то, страна басков – это действительно отдельная страна.

Ну, тут можно много чего нагородить известного и неизвестного, и нам, дилетантам в вопросах лингвистики, совершающим эти домашние открытия, интересно. Но одного понять не могу: почему это не интересно государству? Неужели самим лингвистам и прочим научным деятелям, интересны только свои диссертации и публикации?

Для чего же все диссертации делаются? Ведь их работа – это политика во всех странах, особенно в Америке, во Франции. Их работа – найти ту доступную форму для тех «простых людей», чтобы всякие трудные моменты смягчить, облегчить их взаимопонимание и прочее. Во Франции четвертый вопрос после фамилии – какая у Вас национальность. И не из любопытства, – из уважения к другой конфессии – не обидеть, не сказать лишнего, знать заранее (как один из примеров).

Книгу «Аз и Я» в свое время изъяли из всех библиотек, она встречается у библиофилов на руках. Она была бы интересна и Вам, и поэту Сеничеву, и Камиллю Абидулловичу, а, возможно, и художнику Андрею Алешкину.

М. В. говорит, что Камиллю Абидулловичу удивительным образом, легко дается парадокс, какие-то параллельные мысли и миры – он как-то умудряется одновременно жить в двух направлениях, как-то летает туда-сюда, как пчела с цветка на цветок. МВ все ждет, когда Камиль Абидуллович посмотрит «Единоборцы», где из людей, одновременно убитых, сплетен черно-серый цветок в степи (это как раз то, про что он пишет). Ну и про Перо, конечно.

Про Поэта С. Ю. Сеничева. Правда Ваша, действительно очень хороший поэт. Он добрый, умный. Стихи заме-

чательные, настоящие – какой богатый, ассоциативный язык! Стихи – порыв души. Слова перетекают в слова! Это не многим дано. Хлебников с Северяниным вспоминаются. Какой мощный поток эмоций, превращенный в стихи. Прозу не прочли еще. А кто он: писатель или режиссер? А учился – не в Москве? Про Онегина – может придет кусочек? М.В. тоже в восхищении».

Картины развесили в прекрасном помещении, даже официально принятые развешивают не лучшие: портьеры из старинных вышитых ковров обрамляли высокие двери, картины были обиты зеленой саржей; здесь сверкало такое же золото рам, окаймлявших такие же красочные полотна.

И все же Клод вернулся в Париж, в ненавистный город, не признавший его, осмеявший громко и публично. Город, сожравший его жажду жизни, стремление к творчеству как высшему смыслу, город, покидая который он просто ненавидел. Что он делал во время своего отсутствия? Если честно, то практически ничего. Что-то писал, счищал, снова писал. Не было написано ни одной картины, которую он мог бы занести в свой актив, которая самому бы нравилась и позволила сказать, что он растет как мастер. Время почти остановилось, жизнь как бы потеряла смысл. Но это на первый взгляд.

Помните довольно известную фразу, широко цитируемую в СМИ, активно используемую в наших повседневных разговорах: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Ох уж эта тяга к красивому, не имеющему к реальной жизни никакого отношения.

Чушь собачья. Многое из того, что нас не убивает, делает нас – инвалидами, калеками, ушербными не только внешне,

но, главное, внутренне людьми. Жизнь может не убить человека, но сломать ему хребет в нескольких местах. Человек еще ползает по земле, тыкается бессмысленно носом во все углы, либо, подобно «премудрому пескарю» Салтыкова-Щедрина, спрячется в свою нору и не высовывается без нужды.

А что же Клод? Каким он вернулся в Париж? Более взрослым. Молодой художник уже не имел розовых очков юности. Они разлетелись вдребезги. Он отчетливо осознал, что жизнь – суровое испытание, особенно для творческих людей. Простые обыватели борются за выживание, пытаются заработать кусок хлеба, как-то устроиться-пристроиться в этой жизни, а художник хочет удивить людей своим видением мира. Для всех нас, живущих на этой земле, приоритетны инстинкты самосохранения и размножения. Все силы уходят именно на это. А тут кто-то сбоку говорит: посмотрите, что я нарисовал. Любому бегущему – на работу, в магазин или за самкой – так и хочется ударить палкой того, кто сильно отвлекает от этих важных дел.

Клод понял вроде бы очевидную истину – для художника все испытания тяжелые и опасные. Клод это понял и не испугался. Потому что он понял еще одно: у него есть настоящий, без кавычек, самобытный, яркий, мощный талант. Может ли он его раскрыть с полной силой и убедительно показать людям – не факт. Но для него очевидно – нужно сделать еще одну попытку. Нет никаких гарантий, что она будет удачной. Это не важно. И эту попытку нужно делать здесь, только в Париже. Здесь вероятность успеха на полпроцента выше, чем в каких-нибудь Бургундии, Нормандии, Шампани.

Клод вернулся уверенным в себе бойцом, готовым к серьезной драке. Бог ему в помощь.

С Божьей же помощью выставка картин Михаила Васильевича в Саранске вместо стандартного месяца работала два.

Я как верующий человек убежден в неслучайности этого. Я еще трижды был на выставке. Не спеша, перемещался от картины к картине. Радовало также, что я это делал не в пустых залах. Люди приходили, проходили мимо, каким-то образом комментировали увиденное, чаще всего очень позитивно.

После одного из таких посещений в Вологду полетело электронное письмо.

«Высшие силы сделали все, чтобы выставка картин Михаила Васильевича осталась в Саранске еще на месяц. Это здорово! Она не просто открыта, она работает. В конце прошлой недели провел на ней около часа. За этот час ее посетили человек двадцать пять. По два-три человека, мне это очень понравилось. Все время на большом телеэкране показывают Ваши «Мастер-класс», что, несомненно, добавляет «красок» выставке, которая и без этого...»

И все же мои эмоции выглядят следующим образом. Я начал из глубины зала, мне было так комфортнее. Заранее прошу прощения, если не упомяну какие-то работы, в одном письме это сделать очень сложно. Наиболее «зацепившие» следующие. «Дорога на север. Протопоп Аввакум». Едет человек в ссылку, в печальную неизвестность. Взгляд задумчивый, глубокий. Пейзаж никакой, снежная пустыня, безмолвие. А картина светлая. Чувствуется симпатия автора к своему герою.

«Сон». Дети, отдыхающие под скромной листвой. Перо от Камиля Тангалычева – неслучайное дополнение, оно как третий герой картины. Вообще, любая талантливая работа позволяет зрителю увидеть многое, даже то, что автором и не предполагалось. Этим искусство и сильно.

Самое сильное впечатление на меня произвела картина «Юродивый. Посвящение Великоустюгскому святому Прокпию праведному».

Мне посчастливилось знать одну нашу местную юродивую – Людмилу Николаевну. Мы три года общались с ней, с

той или иной степенью интенсивности. Затем она погибла под колесами автомобиля. Мне доводилось общаться с другими людьми, знавшими ее. Слышал такую точку зрения – в облике Людмилы Николаевны к нам приходила Богородица. Кто приходил в облике Прокопия праведного – одному Богу известно. Очевидно одно, Господь водил Вашей рукой, Михаил Васильевич, когда писали эту картину.

Юродивый, с точки зрения обывательской морали, – нищий, бездомный (чаще всего), да и просто ненормальный. Но сколько в нем величия, горнего, а не земного. Поневоле подумаешь: где он и где мы, грешные? Прокопий праведный где-то рядом с Ним, мы по колено, если не по уши в грязи... Пытаемся и мы «соответствовать», быть чуточку «почище», чтобы не стыдно было смотреть ни людям в глаза, ни в зеркало, ни на иконы. Но удивительно, чем лучше стараешься быть, тем горше ощущаешь собственную греховность. Сложно даже представить, что испытывают старцы, общаясь со Всевышним. Они и собственную греховность ощущают, и нашу на себе несут. Очень сильная картина, на уровне иконы.

«Отрывки из неизданного». Сколько у каждого из нас «неизданного». Но вот, попробуй, донеси до других так, как получилось у Вас.

На заднем плане – жизнь, сюжеты, молодые и не очень персонажи. А на переднем – ангел слушает... кого же он слушает? Творческого человека, человека не от мира сего. Это может быть поэт, писатель, художник, философ, музыкант, скульптор. Это действительно – человек не от мира сего, вариация Прокопия праведного. Отличие только в том, что на ногах ботинки, в руке книга... а на теле – те же вериги. Едва ли они легче. Похоже, только ангел это замечает и слышит в этом мире. Выражение лица у ангела – то ли внимательное, то ли печальное.

Когда я смотрел на эту картину, на месте героя мне вдруг увиделся Сергей Терханов.

По двум причинам. Во-первых, он точно такой же, как и герой картины. Во-вторых... не хотел говорить, но тяжело носить на сердце, хочу часть тяжести Вам скинуть. Простите за эгоизм. Сергей Яковлевич тяжело болен. Как говорят врачи, «точка невозврата» давно уже пройдена. Несколько дней назад мы, вместе с Сергеем Сеничевым, были у него в гостях. Тарханову сделали еще одну операцию, весь в бинтах, от ступней до подмышек. Вот где боль, вот где горечь. Он, не смотря ни на что, постоянно в работе. От этого еще горше, нам видится-чудится: торопится Сергей Яковлевич, хочет успеть еще хоть что-то сделать. Вот такой он наш друг: Дон Кихот, поднимающийся на своей лошадке к небесам.

На последнем его концерте хоровой музыки наиболее мощно звучали именно духовные произведения. Пожалуй, он сейчас только их и пишет. Его «Богородице, Дево радуйся...» звучала наиболее пронзительно.

Как и героя Вашей картин, его только ангел и слышит. Думается, у небесного ангела-хранителя Сергея Яковлевича сейчас глаза полны слез.

Знаю, что Вы состоите с ним в электронной переписке. Убедительная просьба, не выдавайте меня. Тут ведь как. Он делает вид, что все нормально, что скоро поправится и еще такого натворит. И мы делаем вид, что ничего не знаем, обнимаемся с ним, строим долгосрочные планы, когда и среднесрочные-то не успеют реализоваться.

Так что картина Ваша великая. Великая картина не та, что сделана наиболее профессионально, а та, что бьет по струнам души так, что...

После всего сказанного о Сергее Яковлевиче, картина «Распятие», ее черно-кровавый фон очень точно развивает эмоции, захлестнувшие душу и сознание. И тут же – голубь, символ не только Его отлетающей души, но и надежды, что именно сейчас на землю приходит христианство. Рядом с

Христом распяты и мы, в виде разбойников. Только не очень хорошо представляем — с какой стороны.

Великолепная работа — «Посвящение генералу Врангелю». Идущий вдоль кромки воды генерал. В белой бурке, белой папачке, рядом белый конь, белая пена прибоя. Дети пытающиеся то ли разжечь костер, то ли его сохранить. Наверное, у каждого творческого человека есть какие-то «проходные работы», написанные для тренинга, поддержания соответствующего тонуса. Эта работа — явно не проходная. Она написана с любовью и сердцем. По крайней мере, так показалось.

Еще одна потрясающая картина «Первый Кубанский Ледяной поход. 1919». Этот ушастый мальчик на переднем плане, читающий, судя по всему, письмо от мамы. А сзади — булдушность вся в черном дыму.

Теперь очень коротко о других понравившихся картинах. «Августейшая сестра милосердия», полюбившаяся еще по подаренному Вами альбому. «Новый завет»: то ли увиделось, то ли почудилось — человек, подходящий к Христу, очень похож на Михаила Васильевича. «Преображение». Наверное, та или иная степень преображения случается с каждым, кто задержится у этой картины на какое-то время. Авторская ирония чувствуется в «Художнике и модели». «Звуки революции»: вот этот лиховатый — то ли приказчик, то ли нижний чин заводской администрации, то ли рабочий, синий воротничок — это тоже часть русского народа, это тоже персонаж истории.

Еще очень и очень понравились:

- «Посвящение Андрею Первозванному»;
- «Прощание с эпохой»;
- «Наш последний Государь»;
- «Отшельник»;
- «Возвращение блудного сына»;
- «Христос в пути».

Каждая из этих картин заслуживает отдельного обстоятельного разговора, но это уже в следующий раз».

В это же время судьба преподнесла еще один подарок – знакомство с удивительным человеком, Мариной Лаврентьевной Попович. Летчик-испытатель, Герой социалистического труда, автор 102 мировых рекордов в авиации и просто замечательная и обаятельная женщина. Жена космонавта №4 Павла Поповича, сама не попавшая в отряд космонавтов только из-за реплики Никиты Сергеевича Хрущева: «Нечего в космосе семейственность разводить». В начале 50-х годов в здании, где размещается сейчас наше учебное заведение, находилась Центральная летно-техническая школа, где и училась на летчика Марина Лаврентьевна. Более того, трудовую биографию Марина Васильева (ее девичья фамилия) так же начинала в нашем городе, в этой же школе. По этому поводу на здании нашей Академии мы и открыли в торжественной обстановке памятную «доску».

Дни ее пребывания в Саранске позволили нам посетить выставку Михаила Васильевича. Марина Лаврентьевна не только храбрая и решительная женщина, но и очень талантливая. Она является автором многих книг – автобиографических, об авиации, об НЛО. Для Марины Лаврентьевны вопрос – есть или нет НЛО – давно уже решен. Как профессионал высочайшего уровня она уверена: «НЛО существуют, поскольку я с ними периодически сталкивалась. Я и многие мои друзья-летчики».

Несмотря на возраст, это по-прежнему удивительно красивая и обаятельная женщина. Ее принимали когда-то руководители многих государств, она и сейчас долгожданный гость на различных научно-практических конференциях во всех странах мира. Проживая в Звездном городке, ей удалось избежать какой-либо звездности, снобизма, чем грешат многие дутые теле-«звезды». Это очень веселый, мудрый и замечательный человек. К тому же, прекрасно разбирающийся в живописи.

В книге отзывов выставки она оставила такую запись.

«Дорогой Михаил Васильевич!

Ваша выставка производит потрясающее впечатление – заставляет по-новому (по-другому) относиться к прожитой жизни. На каждом полотне просматривается духовность, зовущая к святости.

Желаю Вам дорогой, Михаил Васильевич, надежных жизненных и творческих крыльев, внося вклад в развитие изобразительного искусства.

*С любовью,
глубочайшим уважением,
Марина Попович
(воен. летчик-исп. 1 кл.)
генерал-лейтенант
23.08.2012 г.»*

Эдмону Гонкуру принадлежат такие слова: «Картина на выставке слышит глупостей больше, чем кто бы то ни было на этом свете».

Возможно, картина слышит много не только верных оценок, но и всякой глупости и нелепости, пока висит в выставочном зале. Но это гораздо лучше, если она не слышит ничего кроме тишины. В таком случае тишина здорово напоминает кладбищенскую...

Ничто не стоит на месте. Пришло время демонтировать выставку, что и было успешно сделано. Картины вернулись в Вологду, к автору, жизнь продолжалась.

А на душе был праздник. Так бывает, когда сделаешь хорошее дело. Хорошее дело не для себя, для других.

Было так же ощущение, что это всего лишь первый наш совместный проект. Если у Геракла подвигов было ровно двенадцать штук, то наш следующий проект не за горами.

– Жизнь, жизнь! Уловить ее и передать во всей правдивости, любить такой, какая она есть, видеть в ней истинную красоту, вечную и меняющуюся, не стремиться кастрированием облагородить ее, понять, что так называемое уродство – всего лишь характерные черты; творить жизнь, творить людей – вот что равняет нас с Богом.

Замечательная прогулка с друзьями по Парижу, великолепный ужин и долгая беседа о жизни и творчестве вернули Клоду душевное равновесие. Все оказалось не так уж плохо. Жизнь довольно скоро залечивает любые раны, а тут – какие раны, одна усталость. Да и сомнения в собственной талантливости куда-то улетучились: работать надо с утра до ночи, любая мечта достижима, если ты идешь к ней.

Беседа друзей затянулась надолго. К ним на огонек заглянул признанный мэтр, член Академии, кавалер ордена Почетного легиона художник Бонгран. Молодые люди искренне хвалили его картину «Деревенская свадьба», печалились о своих туманных перспективах. Он-то добился почти всего – признания, любви публики – а они пока ходят по окраинам истинного творчества, то разочаровываясь в результатах своих трудов, то печальась об отсутствии способностей.

Мэтр, сидя верхом на стуле и помахивая трубкой, с улыбкой произнес:

«Ах, какое счастье быть в вашем положении, находиться у подножия! Вы сильны, преисполнены мужества, смело взбираетесь вверх! Но стоит подняться, тут-то и начинается подлинное мучение! Настоящая пытка, толчки со всех сторон, непрерывное стремление к самосовершенствованию, боязнь кубарем скатиться вниз!.. Честное слово, я предпочел бы поменяться с вами местами... Смейтесь, когда-нибудь вы сами убедитесь!»

Молодежь со всем жаром своих сердец принялась обсуждать эти слова, затем нашелся с десятков иных поводов для разговора. Маститый художник слушал-слушал, наслаждаясь жаром сердец, энергией, идущей от пусть непризнанных, но стремящихся себя найти и реализовать в настоящем творчестве, парней. Творчестве – не салонном, не шаблонном, не на потребу публике, а на удовлетворение страсти художника отразить мир, так как он того заслуживает.

«У Бонграна, который сидел неподвижно, наблюдая это проявление безграничной веры, радостный порыв молодости, которая готовится к приступу, вырвался невольный жест отчаяния. Он забыл сотни созданных им полотен и свою славу, он думал теперь только о трудных затянувшихся родах того произведения, которое ждало его, незаконченным, на мольберте. Вынув трубку изо рта, он прошептал, прослезившись от нахлынувшей на него нежности: – О, юность, юность!»

Сколь не признан был художник, а на мольберте у него новый холст, вновь и вновь зовущий и манящий к себе, пугающий и требующий в очередной раз всего с потрохами. Каждая новая картина – новый тяжелый бой, вовсе не завершающийся в обязательном порядке победой; трепанация черепа, сознания, души, – адский труд, не проходящий бесследно.

Лишь только Клода разговоры о признании или непризнании художника, его финансовой успешности или полной нищете абсолютно не беспокоили. Он остался абсолютно равнодушен к общему мнению, что единственные, кто наживается на творчестве – это продавцы картин.

«Если вы способны создать шедевр, не наплевать ли тогда на все остальное».

Друзья расходились уже в пятом часу утра. Эта прогулка по городу, эта долгая насыщенная беседа с такими же, как он – молодыми и дерзкими, дружеские напутствия признан-

ного и уважаемого им самим художника, все это вернуло Клода к жизни.

«Ему не хотелось спать, он ждал рассвета, сгорая от нетерпения с первыми же лучами солнца приняться за свою картину. Возбужденный удачным днем, дружескими беседами и мечтами о совместном покорении мира, он был уверен, что теперь-то ему несомненно удастся создать свой шедевр... Ему казалось, что он уловил наконец сущность живописи; мысленно он видел, как входит в свою мастерскую, подобно любовнику, который возвращается к обожжаемой женщине: с яростно бьющимся сердцем, с раскаянием после целого дня разлуки, которая теперь представляется ему вечностью, он идет прямо к полотну и за один сеанс воплощает на нем свою мечту».

Я с огромной симпатией относился и отношусь к рисункам Михаила Васильевича. Большая их часть настолько мои – по духу, по жизненной философии, по иронии и самоиронии. При всей внешней камерности этой части творчества Копьева именно они позволяют ему озоровать, как хочется, заплывать туда, куда не с каждой картиной «доплывешь». Именно рисунки делают художника масштабным, объемным, разноплановым. Это только кажется, что в рисунке все легко, несколько линий и готово. За этой простотой такой труд – мысли и руки. Но в иных случаях это может быть и отдыхом, привалом перед очередной масштабной битвой – новым полотном.

Жизнь продолжалась, как и наша переписка. Каждый решал свои задачи и проблемы. Михаил Васильевич готовился к новой выставке, я же продолжал работать над новой книгой. Но не над «Идущим к Богу», а над «Работягами».

«Работяги» – рассказ о своей молодости, об удивительной советской эпохе (конечно же, неординарной, по-настоящему удивительной). Моя молодость, важнейшая ее часть, формирующая всю дальнейшую жизнь, прошла чуть ли не в цент-

ре рабочего класса, на родном сердцу предприятию — заводе «Электровыпрямитель». К тому же заводчане обещали издать ее, тут уж поневоле переключишься с одной работы на другую. Это не было в прямом виде заказом, не вязало по рукам и ногам какими-то цензурными обязательствами. Оттого писалось (уже писалось и очень быстро) легко и с удовольствием. Вспомнить хороших ребят, какие-то нестандартные приключения молодости — как себе отказать в такой нечаянной радости. И пусть заводчане вскоре «отозвали» свое обещание издать книгу, на темпах работы это никак не сказалось.

В одном из писем Ираида Валентиновна поинтересовалась: а не хочу ли я использовать рисунки Михаила Васильевича в «Идущем к Богу». Это предположение меня сильно удивило: текст предполагался серьезный, а рисунки Копьева, те, которые я знал, — легкие, изящные, но явно из мирской жизни. Нет, к книге о духовном становлении провинциального обывателя они не идут...

...а вот к «Работягам» — здесь, пожалуй, что-то есть.

В ответном послании от 01.10.12 г. часть моего текста выглядела следующим образом.

«Недавно был в Сергеевом Посаде, с вашей легкой руки (подсказки) купил там книгу писем Валаамского старца Иоанна (Алексеева). Наслаждаюсь текстом. Удивительное сочетание кажущейся простоты и, одновременно, глубины смысла. Читаю, радуюсь, пытаюсь размышлять.

Вы спрашиваете: не хочу ли я сделать иллюстрации внутри книги?

Если честно, никогда об этом не думал. Но то, что текст вместе с иллюстрациями достигнет до сердца читателя гораздо быстрее и сильнее, это очевидно. Конечно, при условии, что текст того заслуживает.

Вы знаете, Ваше письмо натолкнуло меня на одну шальную мысль, давайте ее озвучу. Одно смущает: не хочется

«грузить» Михаила Васильевича своими бреднями. Но одно успокаивает: если Михаил Васильевич скажет – «извините, но очень занят...» – приму это даже с некой радостью. Мол, хорошо, что не загрузил, а то неловко.

Тем не менее, идея следующая. Книга «Идущий к Богу» будет печататься чуть позже, а сейчас на выходе другая – «Работяги». Как человек предельно скромный, пишу только о себе. Это тоже мемуары, рассказы о том, как трудился на заводе «Электровыпрямитель». Если Вы, Михаил Васильевич, не работали на данном заводе, возможно, Вам интересно будет почитать.

Книга уже сверстана, осталось только найти источник финансирования. Сейчас она печатается в журнале «Странник», но журнальная версия сильно кастрирована.

Отсюда предложение: Ваши замечательные рисунки могли бы стать великолепной составной частью книги. К примеру, рисунок «Девушка, отвергающая домогательства соблазнителя» из Вашего альбома – готовая великолепная иллюстрация. «Обход почетного караула» – тоже.

Я пришлю Вам полный текст «Работяг» вместе с книгой Сергея Сеничева и диском Сергея Яковлевича. Вдруг найдете время и прочитаете. А вдруг и «зацепит» что-то. Уверен, что в Ваших запасниках есть большое количество рисунков, могущих стать иллюстрациями. Может быть, не сочтете за труд что-то и подобрать. А может, что-то и напишете новое.

Как вам моя идея? Если скажете: «Полный бред!» – сразу соглашусь. А вдруг не скажете этого... А вдруг у нас получится еще один совместный проект: пусть не выдающийся по тексту, но озорной».

Естественно, я с нетерпением стал ждать ответа. Еще неизвестно, как ответит художник, а у меня уже глаза загоре-

лись вовсю. Уже мысленно расставлял рисунки по тексту: этот сюда, этот здорово пропишется на 34 странице.

Ожидание было недолгим. В одном из ответных писем содержались и абзацы, в которых эта идея всячески приветствовалась. И закипела работа. Глядя на себя со стороны, улыбался: бедные-бедные авторы – картин, текстов, скульптур, музыки. Как у них горят глазенки, когда их поощряют к творчеству.

Ближе к концу 2012 года на какое-то время я выпал из интернет-пространства, из нашей электронной переписки по причине сильной загруженности по основной работе. Хотя для человека, нескромно считающего себя творческим, трудно понять, где основная работа, а где дополнительный «заработок». В одном из писем Копьевы выразили озабоченность по этому поводу, мол, не случилось ли чего. Ответ полетел в Вологду через полчаса.

«Спешу ответить на письмо, чтобы подчеркнуть – никуда я не «пропал», а, слава Богу, жив и здоров, чего, естественно, и Вам желаю. Действительно, дел и хлопот набралось более чем...

В моем возрасте человеку свойственно прощаться со многими иллюзиями, но вот эта до сих пор жива. Еще пару недель назад думалось, что поближе к Новому году станет спокойнее и вот тогда... Ничего не «тогда». «Суета сует». Молчал я потому, что до последнего не терял надежды приехать к Вам в гости, посмотреть Вашу выставку в Вологде, думаю, что она сильно отличается от той, что была в Саранске. И, наконец, просто обнять Михаила Васильевича. Ан нет.

Судя по всему, не получится. Возможно, оно и к лучшему. Все же ехать в гости, когда голова забита нерешенными вопросами, когда даже у нас в «солнечной» Мордовии за окном – минус двадцать пять, ехать буквально на день, поскольку

ку больше не можешь себе позволить – это значит лишиться себя возможности увидеть многое из того, что хотелось бы увидеть, да и эмоции, схваченные на бегу, здорово уступят тем, когда общение, как главная роскошь нашей жизни, будет неспешным, очень комфортным, согретым лучами солнца. Так что, скорее всего, до весны, а то и вовсе до лета.

Впрочем, не исключая, что реализация нашего совместного проекта по изданию «Работяг» с рисунками, а, возможно, и картинами Михаила Васильевича, позволит, а то и вовсе заставит нас встретиться раньше.

К сожалению, на сайте Михаила Васильевича я увидел не так много графических работ – десятка полтора. Не исключая, что графическое наследие значительно шире, возможно, прочитав текст, вы что-то предложите свое.

Более того, несколько картин также могли бы значительно украсить текст. Только навскидку: «Похороны в июне» (или «июле»: пишу по памяти), «Незнакомка», «Круг чтения», «Из неизданного», «Вернись в Сорренто».

Представляете, какое издание может получиться: озорство, присущее Михаилу Васильевичу и отраженное на холсте или бумаге, плюс мое неприкрытое хулиганство с текстом. И других порадуем, и сами повеселимся. Одному только Вашему замечательному рисунку – «Борис Петрович в Вологде» – никак не найду места в тексте, хотя и очень хочется.

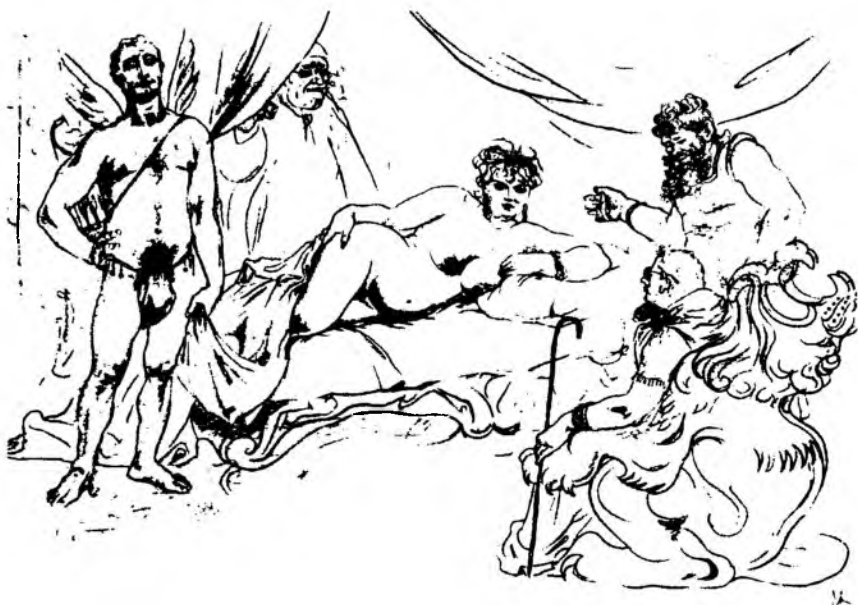
Что касается получения текста «Работяг», переходите в режим ожидания, а если напишете короткое письмо, буду признателен. Оно уже пройдет по категории новогодних подарков.

Живите долго и счастливо. От Сергея Яковлевича и Сергея Сеничева – большие, если не огромные, приветы. 17.12.12 г.

P.S. На рисунке «Даная» увидел себя сразу в двух персонажах. В молодости – тот, что с крылышками. А сейчас – тот,

что с тростью и в очках для слепых. Судя по всему, он рассказывает красивой женщине очередную красивую сказку».

Логично было бы здесь разместить рисунок «Даная», что с удовольствием и делаю. Меня абсолютно не смущает, что некоторые рисунки Михаила Васильевича, приведенные здесь, были уже использованы мной в качестве иллюстраций в «Работягах». Если ты увидел хорошую картину, это не значит, что ты не можешь подойти к ней второй раз. Не только сам подойдешь, но и за руку приведешь всех тех, кто тебе дорог и интересен. Тебе хочется, чтобы они тоже это видели: кто в первый раз, а кто и во второй. А для писателя более дорогих людей, чем читатель, и не бывает.

«Работяги» благополучно написаны, сверстаны, распечатаны на бумаге и отправлены в Вологду соавтору для ознакомления и оценки. В сопроводительном письме, помимо прочего, содержались следующие слова.

«Я, конечно, предельно субъективен, но мне кажется, что Ваши рисунки по стилистике и заложенной в них теплой иронии удивительно точно попадают в текст. Я нашел им место буквально за минуту и обозначил его в распечатке прикреплением именно к той миниатюре, где он должен находиться. По моим представлениям, очень скромным, текст с Вашими рисунками находятся в такой замечательной гармонии, что...

Но у Ваших рисунков – один большой и очень существенный недостаток – их катастрофически мало. По крайней мере, мне их явно не хватает. Да и Вы, если просто пролистаете распечатку текста, убедитесь: вторая половина книги практически пустая.

Отсюда просьба-надежда, очень похожая на неприкрытую наглость: а вдруг при чтении текста Вы улыбнетесь несколько раз и ровно такое же количество раз возьметесь за «карандаш».

О картинах. Они тоже очень хорошо иллюстрируют и текст, и время, о котором говорится. Пока предполагается разместить их в книге цветными вклейками. В типографии сказали, что с технической точки зрения лучше разместить восемь картин, а не шесть, как я считал. Буду признателен, если Вы, прочитав текст, что-то найдете в своих «запасниках» и подскажите мне.

В завершении, само собой, – с Новым годом! Не знаю как там с новым счастьем (в нашем возрасте старое счастье сохранить – уже большое достижение), а вот новых творческих свершений желаю непременно! И, естественно, здоровья! Как говорит один мой знакомый – денег во все карманы и здоровья во все органы.

Вам передает новогодний привет и наилучшие пожелания Людмила Николаевна Колчанова-Нарбекова, директор нашего музея изобразительных искусств.

И еще два пожелания. Первое, чтобы мы обязательно увидели «Работяг» в виде изданной книги (мне этого, не

скрою, хочется). Второе, надеюсь, в наступающем году все-таки увидимся с Михаилом Васильевичем.

Всего-всего и до встречи. 28.12.12 г.»

Ответ Михаила Васильевича снова был одобрительным. «Работяги» вышли на финишную прямую. И как положено ближе к финалу – очередное препятствие. Финансирование издания подвинуто на пару месяцев.

Мытарства автора книги по ее изданию чем-то схожи с исходом евреев из Египта. Пусть не сорок лет ты мотаешься по пустыне голодным, злым и уставшим, но различной пыли можешь наглотаться по самые ноздри. Художнику в этом смысле проще. Встал перед холстом... и все остальное зависит только от тебя.

Насчет простоты трудов художника я, конечно, «лишакнул». Мало кто из мастеров кисти согласится, что он работает в тепличных условиях и что его победы даются малой кровью.

«Работяг» я получил в типографии 16 июля 2013 года. Вскоре в Вологду полетело очередное письмо.

«Добрый день, Ираида и Михаил Васильевич!

Вчера отправил в Вашусторонучетыреэкземпляранашей книги. Вдруг Вы сочтете возможным подарить книгу кому-то из своих друзей. Картины Михаила Васильевича в книге размещенывчерно-беломварианте,отчегоизобразительный ряд,намойвзгляд,сталболеецелостным.Говоряпо-другому, мне чуть-чуть не хватило рисунков, поэтому я и пошел на такую версию. Картины от этого, конечно, немного проиграли, но, надеюсь, Михаил Васильевич меня за это простит.

Рад буду получить Ваш отклик на «Работяг». Принимаются и хвалебные слова, и жесткая критика.

Но это все второстепенное. Главное заключается в другом. Насколько я понимаю, этот год выдался для Вас очень тяжелым в связи с нездоровьем Михаила Васильевича. Дай

Бог, чтобы все проблемы, как связанные с этим, так и вообще любые, как можно быстрее разрешились. Не знаю, насколько это вам поможет, но знайте: в Мордовии у вас есть друзья, которые мысленно рядом, особенно в трудную минуту. Друзья, кстати, отнюдь не слабые: лучший композитор Поволжья – Сергей Терханов, самый талантливый из всех поэтов, когда-либо живших и творивших в Мордовии – Сергей Сеничев, очень глубокий писатель-философ – Камиль Тангалычев, полный светлой иронии художник и лучший рассказчик – Андрей Алешкин и, естественно, Ваш покорный слуга. Словом, вся творческая элита нашей маленькой солнечной республики (скромность всегда была главной нашей отличительной чертой).

Вам – Здоровья, Сил, Надежды! Все с заглавной буквы».

Нужно ли говорить, с каким нетерпением я ждал ответа. Мнение людей, которых ты ценишь и любишь, всегда очень дорого. И пришло письмо.

«Добрый день, дорогой Иван Владимирович!

Мое регулярное пребывание в больнице отодвинуло встречу с Вашей замечательной книгой. Я под большим впечатлением от Вашей прозы. И тема, и жанр книги чрезвычайно трудны для воплощения. Для раскрытия подобных вещей нужно, чтобы человек через годы пронес свежее ощущение от людей и обстоятельств. Я говорю, – пронес, но ведь и получить их – огромная удача человеческой жизни. Еще хочется сказать, что к Вашей книге хочется регулярно возвращаться. И это не пустые слова, а уже проверенное мною на практике неоднократное чтение Вашей предыдущей книги. Отдаю должное вашему чувству меры и культуре подачи различных тем, которые Вас волнуют.

Моя супруга говорит о том, что подача людей и обстоятельств чрезвычайно искренна и интересна, и это порождает

дает интерес к ней. Мы же не знаем ни Саранска, ни людей с Вашего завода, а читаем с большим интересом. Это чувство, пронесенное через годы, – пример того, почему мы, невзирая ни на какие обстоятельства, все-таки надеемся быть достойными ощущать себя частью народа нашей страны.

Может быть, во мне говорит психология человека, регулярно вырываемого из здоровой области нашей жизни, но я считаю большой удачей то, что Вы в данном случае поместили изобразительный ряд, который напрямую не привязан к Вашему тексту. Независимо от уровня это является иллюстрацией того, как среди моря обстоятельств человеческое мышление находит образное соответствие ему. И это наполняет меня мало приличным чувством гордости, и в то же время у меня нет сил отказаться от Вашего столь разнообразного доказательства внимания ко мне и моему творчеству.

Еще раз огромное спасибо за книгу, которая не один раз еще будет освежать мое мышление и лишний раз показывать то, что на протяжении всей жизни отличается весенней свежестью и неподдельным интересом к живущим среди нас людям.

P.S. Иван Владимирович! Если Богу будет угодно, и Ваша писательская деятельность приведет Вас к созданию книги о том, как человек соприкасается с главным в жизни, благодаря чему мы имеем духовное наше наследие, я очень надеюсь, что мое творчество еще раз соприкоснется с Вашим.

Всего наилучшего, обнимаю, Михаил Копьев.

21.08.2013».

Я прочитал письмо, улыбнулся прочитанному и почувствовал себя счастливым.

В период нашей совместной работы над книгой (я это так называю) просто измучил Копьевых своими просьбами прислать то одно, то другое, то третье. Что-то приходилось им переснимать, что-то искать, что-то и рисовать впервые. Хло-

пот я им доставил выше крыши. Но книга от этого только выиграла, это не моя точка зрения, а читателей. За недюжинный талант художника, за проявленное терпение, переходящее временами в героизм, не мог не взять Михаила Васильевича в соавторы. Задняя обложка книги была оформлена соответствующим образом. С портретами и автора текста, и автора иллюстраций, а также с необходимыми комментариями.

После этого устал отбиваться от вопросов о Михаиле Васильевиче. Если честно – я не отбивался, а рассказывал о художнике Копьеве всю правду.

Так получилось, что второй год подряд у нас с Михаилом Васильевичем реализуются интересные творческие проекты. В 2012 году – организация выставки художника Копьева в Саранске. В 2013 году – издание моей книги «Работяги» с рисунками и картинами Михаила Васильевича, украсившими текст, сделавшими книгу мини-выставкой работ художника.

«Проектный» метод наших творческих взаимоотношений вселил надежду: хорошо бы и дальше было так. Каждый год по проекту: разве это плохо. Посмотрим, что принесет год следующий – четырнадцатый?

В мастерской становилось все холоднее, обуглившийся фитиль лампы горел красным пламенем, а Клод, поглощенный рисунком, казалось, не отдавал себе отчета во времени. В два часа ночи ему пришлось все же подняться, потому что масло в лампе выгорело; в бешенстве он понес лампу в спальню, чтобы не раздеваться в потемках...

Клод надумал написать большое полотно – восемь метров на пять. Для того чтобы писать картину такого огромного размера, нужна была совершенно иная, более простор-

ная мастерская. Художник снимает ее за серьезные деньги. С обывательской точки зрения на одну грунтовку и краски нужны большие расходы. Клод не обращает на это внимание. Он своими тратами влезает в небольшой наследственный капитал, на скромную ренту с которого он и жил со своей маленькой семьей практически на грани нищеты.

Есть в музыке термин «крешендо», означающий усиление звука. Непризнанный, не сдиножды «освистанный» олохудожественной публикой, неспособный на данном этапе своего творческого пути жить за счет продажи картин Клод поставил на кон все – либо «пан», либо «пропал». Точнее, шансов стать «паном» после написания картины не больше одного-двух из ста. Да даже еще меньше.

К героям талантливого литературного произведения относишься как к живым людям: переживаешь за них, мучаешься, что ничем не можешь помочь. Мне – читателю из XXI века – стало по-настоящему, а не по-книжному, страшно.

За Клода; в случае этой очередной весьма вероятной неудачи и он может сломаться. Нервы-то не у всех железные. Самое печальное, что в творческом плане картина вполне может оказаться достойной замысла, но вкусы публики, знаете ли...

За Кристину; она так устала от перманентной нищеты, от невнимательности Клода. (Они наконец-то «расписались» в мэрии, стали официальными мужем и женой, но, придя домой, художник встал за мольберт и всю официальную «первую брачную ночь» простоял за ним, вместо того чтобы... Женщина такого не забывает.)

За сына, заброшенного родителями; отцом-то полностью (у того на всех важных участках жизни только одно – творчество) и матерью – во многом (тут не до воспитания ребенка, когда мужу нужно много внимания и забот).

Становится не только страшно, но и страшно интересно: чем же дело кончится. Ответ-то примерно знаю, а все на-

деюсь: а вдруг получится. Должно же в реальной жизни иногда свершаться чудо. Хотя бы одно на тысячу случаев, когда оно крайне необходимо. Ну, или хотя бы – на сто тысяч. В крайнем случае – на миллион.

Вновь и вновь хочется цитировать Михаила Васильевича. Когда-то известного философа Льва Шестова за красоту его текстов стали называть «философствующим эссеистом». Я же Копьева называю «художником-философом». Философом во всем: в живописи, в размышлениях, переносимых на бумагу. Зная, что у Михаила Васильевича уже накопилось много различных текстов, предложил ему обобщить их, систематизировать, дописать все, о чем душа просит, и назвать книгу «Философия творчества».

В ответ Копьев продемонстрировал удивительную для творческого человека скромность: мол, это «слишком высоко» для меня. Художник рассматривал как возможные варианты названия книги: «Из неизданного», «О том, о сем». Тут уж я «замахал руками», пока он не видит. Разве это удачные названия для текстов Михаила Васильевича. К примеру, такого:

«Мы очень часто слышим слово «свобода» именно тогда, когда та или иная культура изобразительного пространства проявляет свои формальные признаки. Я имею в виду современное искусство, порождающее так называемое «свободное» произведение, где мы наблюдаем всевозможные проявления художественной мысли всевозможных современных направлений. Но мы забыли старую сказку Андерсена о Голом короле.

И боимся так же свободно, как и авторы предлагаемых нам произведений, взглянуть на вещи без предвзятого общепринятого мнения.

Мне кажется, что сейчас, во всем мире, мы переживаем резонанс того «брожения умов», которым был славен XIX –

начало XX века. Слово «свобода» не употреблялось со словом «безбожие» рядом. И мне жаль, что сегодня мы можем наблюдать, как творческие люди с удовольствием и независимым видом говорят о том, что они придерживаются атеистических воззрений.

Потому что, на мой взгляд, удачное произведение искусства (удачное в разной степени) содержит в себе ощущение другого мира, ждущего нас.

И только это является содержанием искусства.

Мысли, даже очень сами по себе значительные, являются не содержанием, а производным от этого содержания, и это очень хорошо – это значит, что созданное произведение живое.

Я здесь не говорю о религиозном чувстве, молитве, но об ощущении, что этот другой мир присутствует рядом с нами. И это – качество уже не искусства, а чего-то более возвышенного.

Возможно, некоторым авторам стыдно ощущать себя «несвободными», «недостаточно развитыми». Как следствие, одни варианты современного творчества «приедаются», очень скоро заменяются на варианты другие, через некоторое время – на третьи, и так далее. Здесь можно было бы привести примеры из истории искусства всего XX века, с его многочисленными поисками «свободного творчества». Потому что высшего смысла, если подумать очень хорошо и без страха и сомнения, в них нет. Есть только эстетические комбинации.

С такими мерками нам очень трудно анализировать искусство прошлого, например, искусство средневековое, которое видело немало страшного – ужасы инквизиции или многочисленных войн, но, тем не менее, звало людей жить – без вульгарной слащавости.

Сейчас так называемые «современные авторы» делятся на два уже замеченных течения в культуре: те, которые

подменяют понятие красоты гламурной смазливостью, соответствуя вкусам достаточно примитивных буржуа, и те, которые якобы демонстрируют свою независимость, искажают облик виденного, внося в него какую-то эстетическую систему.

Для того, чтобы увидеть это ясно, как и для того, чтобы увидеть во всем этом некоторую «салонность» и того, и другого, достаточно взглянуть на то искусство, из которого протекает все вышеупомянутое. Насколько прошлое острее, интереснее, парадоксальнее тех «свободных идей», что удобно устроились в мозгах современных авторов.

Я, наверное, слишком просто мыслю. Но мне все чаще вспоминается восклицание мальчика из сказки Андерсена: «А король-то – голый!» И мне хочется сказать тем, кто подобно королевским министрам боится оказаться невежей: не бойтесь показаться кем-то и кому-то незнающими! Учитесь чувствовать искусство, а не рассуждать о нем!

На свете так много интересных вещей, которые наполняют нашу жизнь смыслом».

В конце письма, пришедшего из Вологды, две фразы от Ираиды Валентиновны:

«После того, как Михаил продиктовал мне эти строки, начался Пасхальный фестиваль, и выступил с речью Патриарх Алексей, в речи которого было много совпадений с этими мыслями. Самым потрясающим было то, что он привел в пример сказку Андерсена про Голого короля». .

«Голый король» Андерсена: сколько в этом сказочном персонаже метафоры. Как бы мы ни нарядились, а все наши причиндалы и потроха видны первому встречному. Только творческие люди здесь отличаются от нас грешных: у них в первую очередь бросаются в глаза – душа и мера таланта (тут-то тоже многие не слишком «одеты»). И лишь потом все остальное.

Сколько бы я ни корпел над карикатурами, мне, конечно, легче иметь контакт с публикой, веселя ее картинами, озорничая с сюжетом и всячески веселясь самому.

Эстетические упражнения интересны для меня только тогда, когда они сопряжены с хулиганством. Чистая эстетика для меня удручающе скучна и навеивает усталость.

Михаил Копьев

Клод, решив писать картину такого масштаба (восемь на пять метров), провел всю необходимую работу: снял дорожную мастерскую, купил холст, сбил подрамник. Все готово. Это внешне, технически.

«Но когда все было готово, Клода охватило сомнение. Его мучила мысль, что он, может быть, неудачно выбрал освещение там, на натуре. Может быть, надо было предпочесть утренний свет? Иль пасмурный день? Он вернулся на мост Святых отцов и дневал и ночевал там еще три месяца».

Кто, как среднестатистический гражданин России, живет на одну зарплату, тот знает, как это непросто. А иногда — и совсем тяжело. Возможно, вас утешит мысль, что, простояв три месяца на мосту Святых отцов, гражданин Франции Клод вообще обходился без зарплаты: как-то так... Может быть, ему название моста помогало, а может — муки творчества: они (эти муки) так отвлекают от желания вкусно поесть и сладко, без забот поспать.

«Наконец все наброски были готовы. В несколько дней Клод сделал эскиз общей композиции; так было положено начало великому произведению. После этого на улице Турлак завязалась первая битва между художником и его огромным полотном, и она длилась все лето...

Охваченный лихорадочной жаждой деятельности, он целыми днями не сходил со своей лестницы и, орудуя огромными кистями, расходовал такую мускульную энергию, что,

казалось, мог бы перевернуть горы. К вечеру он шатался, как пьяный, и засыпал, не допив последнего глотка; жене приходилось укладывать его в постель, словно ребенка. В итоге этой героической работы возник смелый эскиз, один из тех, где в хаосе еще плохо различных тонов уже чувствуется гениальная рука мастера».

Но это пока только «обещание». Что-то похожее на обнадеживающее, женское – «быть может...». Но ведь «может и не быть», как чаще всего и случается.

Помню из далекого, очень советского детства. Продавались тогда, по-моему, польские духи «Быть может». Запомнился и чей-то комментарий: «Дрянь первостатейная. Зато как звучит...»

Так и картина Клода: примерно в середине процесса ее написания она много чего обещала... Величие замысла: далеко не каждому творческому человеку оно знакомо. Наверное, точно знакомо великим. Многим средним по таланту людям. Бывает и так: величие замысла есть, а таланта необходимого... Где ж его взять, а мечтать не вредно. А в иных случаях – и вовсе полезно. Но почти всегда интересно.

Екатерина II преуспела в законодательстве. Через Максимилиана Волошина узнал, что помимо прочих широко известных документов ею был подписан указ о запрещении в России общих бань. Правда, было в указе одно исключение: право входа в женские бани было оставлено для художников и врачей – «имея в виду их совершенствование в своей профессии».

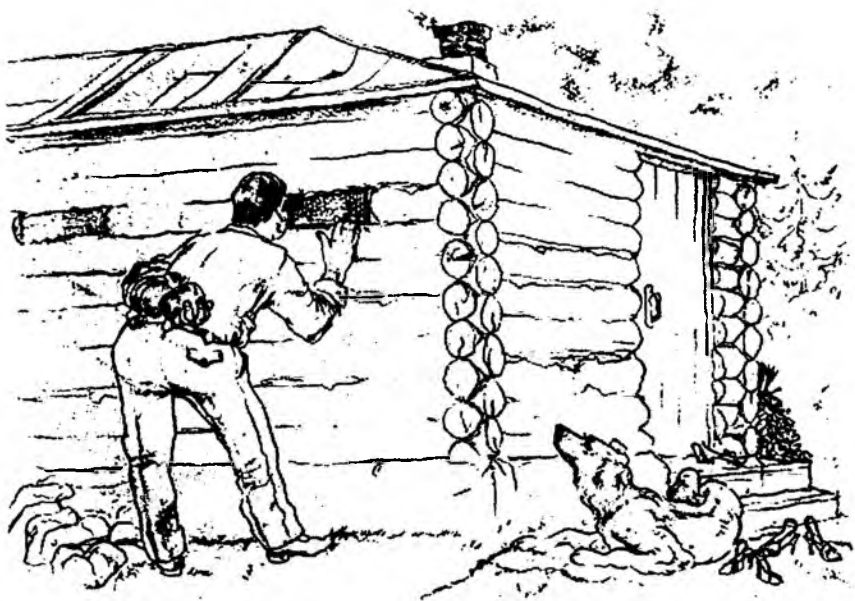
Указ очень хороший. Правда, не уверен, что, к примеру, у хирурга в женской бане много возможностей для совершенствования в профессии. Или у окулиста. А вот с художниками – даже пейзажистами и теми, кто рисует натюрморты – все верно.

Талантливому человеку всегда нужно вдохновение, я бы сказал – творческое напряжение, а уж ими-то (вдохновени-

ем и напряжением) женская баня, надо думать, полна под самую крышу.

Я бы на месте Екатерины Второй разрешил вход в женскую баню также скульпторам, писателям и поэтам. Поэтам особенно. Думается, именно в этом случае наши искусства расцвели бы таким пышным цветом, что только держись. Причем вход в женское помывочное заведение должен быть открыт как для состоявшихся уже творческих личностей, так и для тех, кто делает в этом направлении первые шаги. Или только задумывается об этом. Пропуском в таком случае могла бы служить справка от околоточного о том, что кто-то видел, как сей индивидуй намерен водить пером по бумаге, сильно высунув при этом язык.

Что ни говорите, а творческим людям надо помогать. И в таком виде тоже. Ничего страшного, что каждая женская баня в таком случае будет похожа на Казанский вокзал в час пик. Если от этого столпотворения появится хоть одно

полотно-шедевр или десяток великолепных поэтических строк – значит, оно того стоит.

Интересно: последствия реализации указа Екатерины II в Российской империи второй половины XVIII века были ли такими же веселыми и озорными, как рисунки Михаила Васильевича? Может быть, потому и называли современники Екатерину «Великой» (а право голоса тогда было по преимуществу у мужчин), что она ввела такой указ, а не потому, что провела несколько победоносных войн и серьезно расширила границы государства?

Наверное, это от нас не зависит, оно либо есть, либо его нет. Я о чувстве юмора. У Михаила Васильевича оно оказалось потрясающим. Особенно это чувствуется в рисунках. Это очень здорово, когда от чужого творчества ты... улыбаешься, а не хмуришь брови. Юмор Копьева – это не зубоскальство, это философия жизни. Философия – слово-то какое серьезное, а то и вовсе – занудное. А проведет талантливый художник несколько линий и – есть чему улыбнуться, есть о чем подумать.

Настоящее творчество – пусть даже, на первый взгляд, в несерьезном рисунке – аккуратно подталкивает тебя вперед: иди, только не стой; много тут всяких-разных стояло, постояли-постояли и спать легли, а ты – иди.

Жизнь куда только нас не посылает. Из наиболее любимых «туристических» маршрутов – «в» и «на». Тут нам направление движения более-менее известно, тут мы «в курсАх» – в какую сторону ускорить шаг. Художник исполняет более высокую миссию – берет нас за руку и ведет к зеркалу. Чтобы мы наконец увидели: какое несуразное чудо подошло к отражающей поверхности. Оттого, что мы умоемся, причешемся, приведем себя в относительный порядок – мы не станем как все, мы станем хоть чуточку лучше. Какое это чудо – становиться чуточку лучше, а при этом еще и улыбаться.

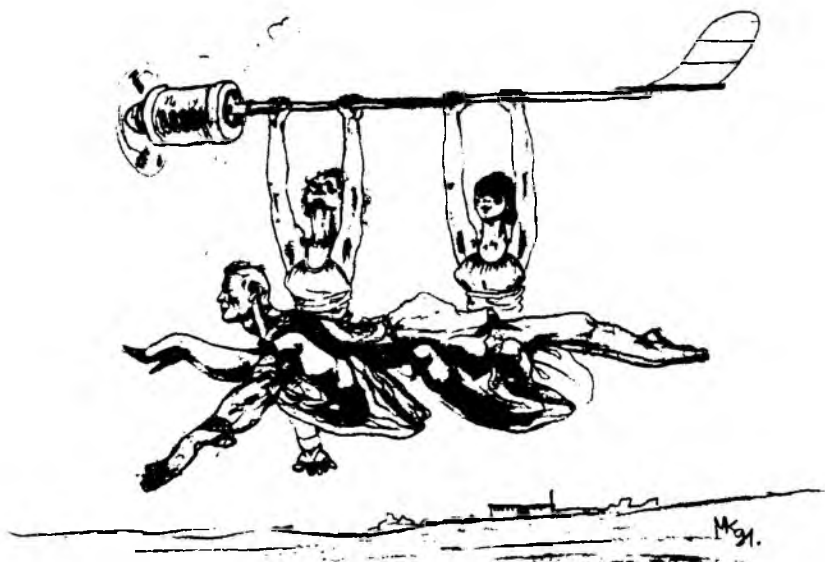
Кто-то своим творчеством дарит улыбку, кто-то заставляет сжимать кулаки. Мне гораздо ближе первое. Красивый, неповторимый, чисто копьевский рисунок, с поразительной плавностью линий.

Взгляд на мир через легкий прищур мудрых глаз. Мудрость художника говорит: что толку махать дубиной и кричать «Даешь!» или «Долой!». Лучше улыбнуться. Мир становится лучше от улыбки, а не от зуботычины, сопровождаемой гневным рыком: «Что ж ты, сука, делаешь!»

В мировой литературе лучшие строки все же посвящены не абы чему, а взаимоотношениям мужчины и женщины. Тут и пронзительная лирика, и высокая трагедия. И в рисунках Михаила Васильевича лучшее – там, где «он» и «она». Беру здесь только несколько рисунков из опубликованных мной в «Работягах».

Начну с первого рисунка, рассказывающего о борьбе и союзе полов. Рисунка в этом смысле концептуального.

Концепция Полета. 1991. Б. карандаш

Удивительная конструкция, способная летать только в России. Длинная жердь, на одном конце которой – вращающийся пропеллер, на другом – стабилизатор, необходимый для полета. Вариация метлы Бабы-Яги: летит, а не поймешь за счет чего. За жердь держатся две женщины – блондинка и брюнетка. Женщины, как положено, красивые и работающие: вон как цепко держатся за жердь. Мужик, как часто бывает, – придурковатый.

У женщин не только красивая грудь, но и хороший пресс: пухленькие, аппетитные ножки направлены вперед под углом в девяносто градусов. Удобно расположившись на этих замечательных ножках, мужик и летит куда-то вперед с серьезным выражением лица. Раскинутые для балансировки руки говорят: я, мол, тоже при делах.

Обратите внимание; женщин на рисунке две, а не одна. Одна женщина русского мужика не удержит. Даже самыми шикарными ногами. А вот у двух уже что-то получается.

А вот на этот полюбуйте. Редко кому из взрослых сограждан не знаком подобный сюжет. Разнятся только количе-

ство кошек, аппетитность коленных чашек дамы, наличие или отсутствие подтяжек. Либо реальность, либо игра воображения не один раз преподносили нечто подобное.

Могу с высокой степенью вероятности предположить, чем дело закончится: какая нормальная женщина устоит перед таким обилием значков на груди настойчивого мужчины. Мир не один раз видел такое. Да и кошки, похоже, привыкли...

Все, что связывает мужчину и женщину, давно уже уложено в короткий афоризм: «И смех, и грех». Рисунки Михаила Васильевича это только подтверждают.

Народный юмор. Я его очень люблю. Он иногда может быть чуть за гранью, но именно за это он и ценим. В стране, где всегда было столько запретов и табу, юмор за гранью — это почти ненаказуемое нарушение ограничений, это то немногое, что радует, а не плюет в душу.

Я это к чему, господа-товарищи. Улыбайтесь, и как можно шире: даже при наличии нескольких выбитых зубов широкая улыбка — это лучшее, чем вы можете ответить на все превратности судьбы. Собственно, вы уже ответили на превратности судьбы выбитыми зубами, так что... Ваша улыбка будет улыбкой победителя: значит, не сломали, как хотели...

Бонгран, который забежал к Клоду взглянуть на картину, чуть не задушил его в своих могучих объятьях. Полный энтузиазма, Сандоз дал в честь Клода обед; остальные: Жори, Магудо, Ганьер – разнесли весть о новом шедевре.

Картина так много обещала. Глаза горели как у художника, так и его друзей. Вот он – долгожданный прорыв, выстрел в десятку, вот он, шедевр, за которым моментально последуют, опережая друг друга, оглушительная слава, всеобщая любовь и признание публики, и, как апофеоз всего этого – водопад различных благ и доходов.

Все это при определенном стечении обстоятельств и благосклонности небес вполне могло произойти. Кто-кто, а Клод своей жертвенностью и талантом вполне эту благосклонность заслужил.

Творчество в чем-то сравнимо с ездой на огромной скорости по ухабистой, взрыг разбитой дороге: одни ямы да кочки, сплошь синяки да ссадины.

Если бы Клод ставил перед собой гораздо меньшие задачи, здорово бы сбавил в требовательности к итоговому результату, возможно, это бы прокатило. Но куда денешь специфику своих творческих подходов, куда спрячешь особенности своего характера и личности.

Настал период в работе над картиной, когда *«Клод только и делал, что портил свой эскиз. Так бывало с ним всегда: он отдавал всего себя сразу в одном порыве, а потом работа не клеилась, он ничего не мог довести до конца. Им снова овладело бессилие: два года он жил этим полотном, вкладывал в него всю душу, то возносился на седьмое небо от блаженства, то вновь падал на землю и чувствовал себя таким несчастным, мучился такими сомнениями, что ему впору было завидовать умирающим на больничной койке»*.

Творческий кризис, творческий простой – тяжелое дело. В России хоть можно напиться, бутылки сдать да еще добавить. В Париже XIX века такая форма релаксации не была самой популярной. Клоду, по крайней мере, она не была присуща. В Париже ведь как: художник сам мучается, по полной программе достает членов семьи, срывается на друзьях, посылает по-французски как можно дальше недругов и...

...и снова встает перед незавершенной еще картиной. Его взгляд, направленный на холст, мало напоминает собой взгляд тореадора, хладнокровный и расчетливый. Скорее, это взгляд быка, глаза которого залиты кровью. Причем не только глаза: в холсте торчат и здорово при движении кисти болтаются, причиняя нестерпимую боль, несколько глубоко засаженных пик.

Но делать нечего, и Клод снова и снова встает перед холстом. И никто не знает, в какой ипостаси. То ли тореадора, то ли быка. Как не вспомнить старый-старый анекдот.

В одном испанском ресторане фирменным блюдом являлись яйца быка, убитого во время корриды. Считалось, что мужчинам-то они ох как полезны во всех смыслах. Одному туристу-иностранцу принесли заказанное блюдо. Тот, посмотрев на деликатес, произнес:

– А почему они такие маленькие?

На что официант очень спокойно ответил:

– Никто не знает, кому не повезет. Когда не везет быку, когда – тореадору.

Так и мы никогда не знаем, где и в каком состоянии завтра окажемся: со щитом, на щите, а то и вовсе – на блюде. И хорошо, что не знаем, иначе мир давно бы замер в испуге. Кому приятно знать, что ему сегодня после обеда не повезет, а завтра утром он окажется на блюде перед каким-нибудь капризным «туристом». А последний взбрыкнет и ляпнет:

– Что за дрянь вы мне принесли?

Но все это патетика, вперемешку с иронией и зубоскальством. А Клоду пока не везло. Причем крупно. Мерилом успешности и признания были ежегодно проводимые в Париже Салоны. Работая над своей крупной картиной, Клод пропустил два из них. Затем решил хоть что-то послать на третий Салон. Написал небольшую работу, в чем-то повторяющую задуманное крупное полотно.

«Но хотя маленькая картина была очень тщательно написана, она разделила участь его прежних картин: члены жюри, перед которыми она предстала, возмутились этой живописью, сделанную «пьяной метлой», как выразился кто-то из художников. Пощечина была для Клода особенно чувствительной...»

Неуспех картины отчасти объясним. Все шло как-то по инерции. Критики по инерции ругали все, что выходило из-под кисти художника, Клод написал картину «по инерции», не вложив в нее душу. Душа его и все помыслы были рядом с тем большим полотном – пять на восемь метров.

И жалко художника, и немного завидно. Жалко, что не все у него получается так, как он того заслуживает. А по-хорошему завидно – ведь себя человек ищет, а не легкого заработка, дешевой популярности. Какой это тяжелый труд – сделать хоть что-то по максимуму, когда и по минимуму получается с трудом.

Три года жизни Клода потрачены на картину, а она не написана и до половины. Вся надежда на очередной, четвертый. Уж он-то расставит все точки над «и». Золя: *«Следующий год был для Клода годом исканий»*.

Все это здорово напоминало «Сизифов труд», но Сизиф с завидным постоянством все же докатывал камень до самой вершины. А с картиной до вершины добраться только мечталось.

Художник всегда берет пример: кто с твари, а кто с Творца. Копьев, как и многие из нас, идет к Творцу. Дорога эта очень непростая и тяжелая. По себе знаю: не столько идешь, как топчешься на месте. Или, как бездомный пес, тычешься горячим носом во все углы. Холодный нос бывает у собак только в добром здравии.

А Михаилу Васильевичу хочется пожелать одного – счастливого пути! А счастливый путь художника – это новые картины, новые философские обобщения, новые поэтические находки.

Примерно, как эта, уже случившаяся.

В воображении Вашем
музыка ждет дождя,
чтобы, дождавшись,
с ним обрести новые ноты.
Ну, а ты, – видишь разрыв немоты,
и пред тобою цвета и цветы.
Святая святых –
Рождение нового.

В каких-то стихах угадываются картины Копьева. Стихи могли писаться параллельно картине, могли – постфактум. А могли и предшествовать, бывает ведь по-разному.

О жизнь, поведавшая мне
рубеж веков, грядущего туман,
и воин древний о минувшей тризне
подумал, оглянувшись на курган,
и сам курганом стал.

... ..

Транзит, зал ожидания, буфеты,
и коридоры нового во мне,
но сохранится знание, что где-то

в лучах закатных,
Воин на коне
Нам смотрит вслед.

Да это же картина... Только поданная миру другими средствами.

Стояние художника перед чистым холстом. Это как последняя минута перед боем. В этом смысле художник похож на воина – древнего или современного. Все же ассоциаций художника с былинным воином много. В руке кисть, как копье. Провести аналогии между кистью художника и автоматом Калашникова гораздо сложнее. Нет, копье более уместно. Копье в руке Копьева – так оно вернее. Кисть и внешне похожа на копье.

Стояние художника перед чистым холстом. Тут не кто кого победит, а получится ли что-то стоящее, делающее этот мир лучше. У Копьева получается. Дай Бог, чтобы получалось и дальше.

И вновь октябрь,
вновь утро раннее
и зрелище седой травы,
как запоздалое признание
в любви,
и слышится: а Вы?
И вновь октябрь,
даст мокрый ветер
седой траве другой окрас.
Вновь в октябре
живу на свете,
вновь в октябре я вижу нас.
И вновь октябрь,
морось колкая
ушла, открыв лазурь небес

и ясными глазами волка
на мир осенний смотрит лес.

Копьев делится в стихах эмоциями. Это взгляд художника на мир другими подручными средствами. А может быть, и не подручными. Для художника основные средства самовыражения – кисти, краски и холст. И еще внутренний мир. Если он безграничен и искренен, то рождаются потрясающие художественные полотна. Но красками всего не скажешь, мир настолько полифоничен; в нем есть еще звуки – это музыка, слова – это литература.

Полное ощущение, что стихи Копьева можно вставить в рамку и повесить на стену. Причем эти, не напечатанные на бумаге стихи, не печатный оттиск, а само стихотворение существует почти физически перед твоими глазами.

И вновь октябрь,
вновь утро раннее
и зрелище седой травы,
как запоздалое признание
в любви...

Нужно, во-первых, увидеть траву седой (у меня, к примеру, до сих пор ума на это не хватило), а во-вторых, увидеть в седой траве запоздалое признание в любви. «Запоздалое признание в любви». Возможно, кто-то и не услышал от художника слов, которые так долго ждал. Но последний частично искупил свою вину тем, что сказал очень много слов любви – этому миру, России, людям и небесам.

Несколько недель удачной работы, и снова все испорчено – он никак не мог справиться с центральной фигурой. Клод доводил до изнурения свою модель, ожесточенно работал целыми днями, а потом забрасывал картину на месяц. Прошел год, два, а картина все еще не была закончена, и если иногда конец и казался близок, то на завтра Клод снова все соскабливал и начинал сначала.

Есть такой анекдот.

Новый русский гуляет с сыном. Встречают художника за мольбертом: смешивает краски, наносит их кисточкой, стирает, опять наносит – рисует пейзаж. Папа – сыну:

– Видишь сынок, что значит быть бедным. Как человек без «Поляроида» мучается.

В девятнадцатом веке «Поляроида» еще не придумали. По этой ли причине, по другой, но муки творчества Клода были постоянным сопровождением его будней. Он им счет потерял: и мукам, и будням.

С высоты вечности не так это и важно: твой приход, твой уход... А вот все, что пережито между этими двумя неважными для человечества полу-событиями: в этом что-то есть. По крайней мере, для тебя, рискнувшего родиться.

«О, эти творческие муки, кипение крови, нечеловеческое напряжение, доводившее его до агонии, и все ради того, чтобы создать плоть, вдохнуть в нее жизнь! Эта вечная борьба с реальностью и вечное поражение! Клод изнемогал от непосильной задачи вместить всю природу в одно полотно: его напрягавшиеся мышцы обессилели в бесплодных схватках, которые не помогали разрешиться от бремени его гениальности. То, что удовлетворяло других – приблизительное воплощение, неизбежные сделки с самим собой, – вызывало в нем угрызение совести, возмущало, как трусливая слабость. И он начинал сызнова, портил хорошее для

достижения лучшего, считая, что картина «не говорит», недовольный своими «бабенками», потому что, как шутили его товарищи, они еще не могли сойти с полотен, чтобы с ним переспать».

И все же гениальные люди – пусть даже литературные герои – не совсем нормальные. Или вовсе ненормальные. Об этом много написано у Сергея Сеничева в книге: «Диагноз: гений». Скульптор – герой известного литературного произведения – ваяет то ли Венеру Милосскую, то ли Галатею. Сверхзадача работы – чтобы она ожила. Клод старается добиться такого же совершенства, чтобы женщины сошли с его картины во плоти. Нормальные мужики так сильно не заморачиваются: а прогулка в хорошую погоду на что? По слухам, женщины «во плоти» на улице еще иногда встречаются.

Художник и его картина. Клод и измучивший его до предела огромный холст. Кто кого? Битва шла уже давно, у всех силы были на исходе. Значит, развязка не за горами. Клод и физически, и психологически был измотан так, что сложно и представить. Да и полотну, надо думать, это тягомотина страшно надоела.

Клод все печалился, что его картина не «говорила». В этом для художника есть и свои плюсы. Если бы у холста были сознание, эмоции, язык, то он давно бы с отчаянием крикнул прямо в лицо художнику:

– Вот не повезло так не повезло, достался я дураку! Нет, чтобы сшили из меня несколько мешков под уголь, валялся бы сейчас где-нибудь в углу кочегарки и горя бы не знал! А тут! Все мажет и мажет, все скоблит и скоблит!! Дырку скоро во мне протрешь!!! Огромную дыру, идиот!!!

Но все же будем честны: в муках творчества достаточно и сладостного. К примеру, в них присутствует надежда, что получится что-то настоящее, заслуживающее общественного внимания. Неплохо бы и – «бурных про-

должительных аплодисментов». Как на каждое второе предложение, произнесенное Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым. А поскольку у нас и должности пониже, а то и вовсе их нет, то никто и не обязан отбивать в экстазе ладони. А раз не обязан, то никто и не отбивает.

Неплохо бы относиться к результатам своего творческого труда так же строго и требовательно, как Клод. Неплохо бы, но... Если я был бы столь же строг к тексту книги, что вы сейчас держите в руках, то вам просто не было бы что читать. И мотались бы вы сейчас из угла в угол вашего жилища злые и раздраженные. А так, какой-никакой досуг вам все же обеспечен. По преимуществу, не очень требовательными людьми.

Уж не о Клоде ли и его картине хорошо когда-то сказал Александр Сергеевич:

Они сошлись: вода и камень!
Стихи и проза, лед и пламень!

Долог и труден путь художника к самому себе. Длинный-длинный ряд проб и ошибок. И вечные сомнения: о чем писать, как писать? И самый страшный вопрос: да кому это вообще нужно?

Поиск своей, только своей темы. Желательно каждому автору идти своей дорогой. Точнее, идти своим бездорожьем. Дорогу прокладывает первопроходец. Это ему прокладывать и трамбовать новое дорожное полотно. Для других.

Клод тоже мучился сомнениями: как найти свой путь, точнее – свой крест – в искусстве. Если не крест, то хотя бы свою интонацию, то, что отличит тебя от тысяч и тысяч других художников. Может быть, и талантливее тебя, и упорнее, и более прилежных, что ли. Но одного упорства, одного усердия и прилежания мало. Должна быть искра

Божья. Искра Божья – это не адоев пламень. Она в глаза не сразу бросается. Сколько нужно усилий, каторжного труда, чтобы обострилось зрение до необходимого. Часто эту искру, это «свое» автор разглядит, когда совсем уж потеряет зрение. И вдруг вспыхнет, вдруг пронзит, как током: вот оно...

У Фрэнка Синатры есть очень известная песня «Мой путь». Так и мы куда-то тащимся своей дорогой. Есть ли в наших перемещениях во времени и пространстве – цели, задачи, желание что-то сделать, а то и свершить?

Клод:

«— Теперь нужно нечто другое... не знаю хорошенько, что именно. Если бы я только знал и мог, я был бы силен... да, тогда я был бы именно тем, кто нужен... Но только я чувствую, что романтическая живопись Делакруа трещит по швам и распадается, а темная живопись Курбе отравляет тех, кто плесневеет в затхлых мастерских, куда не проникает солнце... Понимаешь ли, возможно, все дело в том, что искусству нужно солнце, нужен воздух, нужна светлая юная живопись, предметы и люди, переданные такими, как они выглядят при естественном освещении... Ну, я не могу это толком объяснить...»

Действительно, как толком объяснить – чего ты хочешь. Особенно трудно это сделать, когда ты сам понятия не имеешь, чего хочешь вообще. Тут как в темноте в незнакомом помещении. Ничего не видно, на всякий случай руки вытянуты вперед, чтобы не наскочить лбом на острую неприятность. Дело заканчивается, как правило, тем, что ты наступаешь на кем-то умело поставленные грабли. Впрочем, шишка на лбу – самый легкий итог поиска собственного пути. Сколько нервов, здоровья и крови, пока нащупаешь ту ступень, что ведет тебя наверх. Это твоя лестница, персональная, здесь больше никто не пройдет, даже по жуткой

пьяни. Только ты. И удивительное дело: почти до последнего своего шага не знаешь, ведет эта лестница вверх или ты уже по ноздри в жутком болоте. Сомнения, тревоги, разочарования и редкие улыбки счастливого дурака: без всего этого творчество не мыслимо. Настоящее творчество. Каждому графоману мнится, что именно его творчество настоящее: его да Александра Сергеевича. Ну, может быть, еще и Льва Николаевича...

В творчестве Михаила Васильевича есть три периода, они же – три темы, ярко выраженные. Возможно, художник и не согласится с предложенной здесь классификацией. Возможно, все было не так. А совсем иначе. Но рядовой зритель-обыватель (в моем лице) пришел к следующим незатейливым обобщениям.

Первая тема, очень важная, возможно, с нее и начался настоящий художник Копьев, назову ее так – «реализм не от мира сего».

Вторая тема – историческая: со времен оных, т.е. былинных, до начала XX века.

И третья, наиболее важная – духовная.

В моем представлении, эти три темы, как три ступени: очередная по-настоящему поднимает вверх – к вершинам настоящего творчества, удивительных обобщений от увиденного. Понятно, что здесь нет четкой границы: семь с половиной лет посвящено первой теме, четырнадцать лет и три месяца – второй... В котле нашей жизни, нашего творчества все так перемешано.

Здесь я хотел бы поразмышлять о первой теме...

Это особый дар – увидеть то, чего нет и быть не может. В моей жизни был период увлечения творчеством Сальвадора Дали, у него этот дар присутствовал.

Картины Михаила Васильевича «Реквием», «Шахматный этюд», «Сон», «Непридуманый фокус», «Арфа Юго-

Восточного ветра» тоже не от мира сего. Это и реальная жизнь, и сюрреальная. На полотнах Копьева нет своих вариаций стекающих циферблатов, длинноногих монстров и прочей, с точки зрения православного человека, чуши. Но в них есть мысль... Есть философия, ирония, тонкий юмор и удивительная теплота взгляда художника на мир. Не так важно – реальный или зазеркальный. Это очень здорово, когда человек интересен художнику. Не как свежезавезенный труп для патологоанатома, не как партия лягушек для повара французского ресторана, а как бесконечная Вселенная. И пусть эта «Вселенная» не вылезает из медвытрезвителей или ночлежек, но человек поистине настолько интересное создание, что настоящему художнику есть где развернуться.

«Слушатели эха». Сидят старики – гиперболическое отражение времени – и слушают. Несмотря на возраст, им еще интересны звуки этого мира. Они, наверное, почти оглохшие (в таком-то возрасте), оттого и ценность каждого шороха, каждого порыва ветра, каждого слова природы возрастает в разы. Они слушают мир, он им не менее интересен, чем во времена молодости. Главный персонаж, повернутый к нам лицом, счастливо улыбается. А что и не улыбнуться, пока есть такая возможность. Но он, помимо прочего, улыбается потому, что услышал что-то важное для себя; эхо, идущее от всей полноты жизни – это тоже жизнь.

«Стена». Один из центральных персонажей с удивительной легкостью балансирует на задней ножке стула. Он висит в воздухе, соприкосновение с земной твердью только через конец одной из четырех тонких ножек стула. Согласитесь, не самая надежная опора. А что, в жизни разве не так? Мы ведь тоже всегда балансируем, часто бываем на грани между – да и нет, добра и зла, горя и радости. Жизнь – беспечное раскачивание между печалью и весельем бытия. Если жизнь

заканчивается раньше, чем должна, значит все – докачались, добалансировались. Не то чтобы нас подвел вестибулярный аппарат, просто стул сломался. Ножки стула тонкие, хари и задницы у нас уже толстые, вот «мебель» и не выдержала нашего обжорства жизнью.

«Тропинка». Мальчик идет где-то между облаками и землей. В реальной жизни чего только нет, но таких тонких хребтов и перевалов в природе точно не существует. В природе нет, а в реальной жизни – сколько угодно. Мальчик идет, улыбается. У него впереди столько неизвестного и неизведанного. Все он измерит, многое попробует на язык: вкусно или несъедобно. Впереди столько находок и ошибок, открытий и увечий, радости познания и горечи от неприкрытого предательства. И сотни крутых поворотов, тысячи возможностей упасть и не подняться. Мальчик идет слишком высоко, любое падение вниз будет единственным и последним.

Но мальчик идет и улыбается – впереди так много нового и неизведанного – поиск призвания или хотя бы предназначения, первое потрясение от соска девичьей груди, затвердевшего под его рукой. Книги, бутылки, друзья, враги – все впереди.

А мальчик идет и улыбается. Нам не то чтобы жаль этого почти еще ребенка, нам хочется, чтобы у него все сложилось хорошо. Пусть улыбается, пока зубы на месте.

Как-то невольно забываешь, что мальчик-то всего-навсего нарисованный. Король из сказки Андерсена «голый», мальчик у Копьева нарисованный, а оба они – реальные персонажи человеческой истории. Такие же, как и мы. Мы ведь так же когда-то, как этот мальчик, ходили почти по облакам. Без парашюта за спиной... Из подручных страховочных средств – только Божья милость...

Было бы правильно представить слово и самому Михаилу Васильевичу:

«Я люблю искусство совсем не похожее на меня. Но самому приходится прибегать к другим средствам, не «авангардным», потому что я хочу быть понятым так, как мне нужно – нужны влажные глаза, например, свет, а не цвет. Талант нам дан от Всевышнего, а дан – обязаны вернуть – кто как может. И это все, что можно сделать, а ждать или требовать мы ничего ни от кого не можем. Хотя и ждем, и требуем».

Ревновать?! Да, она ревновала, и не просто ревновала, а изнывала от ревности. Но что ей до других женицин? Пусть хоть все натурщицы Парижа сбросят здесь свои юбки! У нее была только одна соперница, которую ей предпочитали, – живопись, похитившая у нее возлюбленного.

Это только в сказках все заканчивается свадьбой. В реальной жизни, или даже в романах, после свадьбы только начинается все самое интересное. Или печальное. Или вообще трагическое. Кому как повезет.

Пока Клод находится в непрерывном творческом кризисе, давайте обратим внимание на его жену. Раз самому художнику некогда.

Что же стало с самой Кристиной? Счастлива ли она? Да, когда Клод обращает на нее хоть какое-то внимание. Достаточно ли этих редких минут, чтобы считать свою жизнь счастливой, – это только женщина знает. Несчастлива ли она? Тоже сразу не ответишь: все же рядом любимый человек. Если же попытаться посмотреть на ее жизнь взглядом стороннего бесстрастного наблюдателя, то в глаза, в первую очередь, бросились бы три очевидных обстоятельства:

- муж практически не обращает на нее внимание;
- постоянная и все усиливающая нужда;

– мягко говоря, не совсем здоровый и не совсем развитый, в том числе умственно, сын.

Невольно подумаешь: что же тогда, в ночь их первой встречи, пути Кристины не пересеклись... ну, хоть с приказчиком мясной лавки, да на худой конец, с сапожником. Хоть при новой обувке была бы всегда женщина.

Это очевидное. Теперь о неочевидном. Должны же быть у человека хоть какие-то радости, даже самому несчастному из живущих на свете судьба периодически подбрасывает крупинки эмоционального золота. Должен же человек чем-то жить: реальными благами, мнимыми, придуманными радостями. Какие же маленькие земные радости были у Кристины? Обратимся к первоисточнику.

«Она понемногу начала понимать это искусство, сперва благодаря любви к художнику, а позднее захваченная этим пиришеством света, оригинальной прелестью золотых мазков. Сейчас она принимала все: лиловую землю, голубые деревья. Больше того, она стала трепетать от восторга перед картинами, которые когда-то казались ей ужасными. Она ощущала их могущество и видела в них соперниц, над которыми уже нельзя смеяться».

Как хотите; трепет восторга Кристины от созерцания картины – уже это окупает многие страдания и оправдывает ту первую встречу начинающего художника с юной девушкой. Понимать искусство, творчество во всех их проявлениях – уже хорошо.

Кстати, никогда не заглядывал в словари, чтобы прочитать, в чем между ними разница. По моим жизненным ощущениям:

- творчество – это процесс;
- искусство – это конечный результат.

Творчество – это Леонардо, стоящий перед холстом, искусство – это «Джоконда», висящая в Лувре. Творчество – муки и радости, физическая боль в руке и пояснице, отекающие

ноги, все усиливающая боль в затылке. Искусство – восторг публики, равнодушие или неприятие ею картины, книги, оперы, скульптуры.

Измучается сам, измучает других, умрет от физических страданий в нищете уставший от всего художник, а нам приятно. Не оттого, что он умер, а оттого, что у него получилось очень милое полотно, которое согреет нас положительными эмоциями пару минут. Почему – пару? Потому, что чуть дальше висит следующая картина, уже другого автора.

Кристина не только стала понимать искусство, но и сама включилась в творческий процесс. Конечно, не как самостоятельный автор, а как замечательный помощник. Кристина *«участвовала в повседневных занятиях Клода, снова делила с ним долгие часы работы. Она помогала ему скоблить и шлифовать немзой холст, давала советы, как надежнее прикрепить его к стене»*.

Помощь Кристины мужу стала заключаться в том, что она стала его моделью. Единственной. Тому способствовали несколько соображений. Практические: это дополнительные расходы, а с деньгами настолько тяжело, что... Психологические: любой женщине, даже начавшей разбираться в искусстве, едва ли понравится, если перед ее мужем целыми днями будут кружиться чужие голые бабы. И в психологии между мужчиной и женщиной существенная разница. Для женщины все ее товарки по полу – соперницы, а для мужика все его собраты по причиндалам – собутыльники. А это согласитесь эмоционально совершенно другой окрас. Тактические: Кристина хоть как-то пыталась привлечь к себе внимание супруга, а то их встречи «мужа и жены» стали такой редкостью и давно превратились в пресную механику и не более.

Начались сеансы: первый, второй, третий. Однажды, когда Кристина начала позировать в очередной раз, *«он приблизился к ней и стал ее рассматривать со все возрастающей*

– мягко говоря, не совсем здоровый и не совсем развитый, в том числе умственно, сын.

Невольно подумаешь: что же тогда, в ночь их первой встречи, пути Кристины не пересеклись... ну, хоть с приказчиком мясной лавки, да на худой конец, с сапожником. Хоть при новой обуви была бы всегда женщина.

Это очевидное. Теперь о неочевидном. Должны же быть у человека хоть какие-то радости, даже самому несчастному из живущих на свете судьба периодически подбрасывает крупинки эмоционального золота. Должен же человек чем-то жить: реальными благами, мнимыми, придуманными радостями. Какие же маленькие земные радости были у Кристины? Обратимся к первоисточнику.

«Она понемногу начала понимать это искусство, сперва благодаря любви к художнику, а позднее захваченная этим пиршеством света, оригинальной прелестью золотых мазков. Сейчас она принимала все: лиловую землю, голубые деревья. Больше того, она стала трепетать от восторга перед картинами, которые когда-то казались ей ужасными. Она ощущала их могущество и видела в них соперниц, над которыми уже нельзя смеяться».

Как хотите; трепет восторга Кристины от созерцания картины – уже это окупает многие страдания и оправдывает ту первую встречу начинающего художника с юной девушкой. Понимать искусство, творчество во всех их проявлениях – уже хорошо.

Кстати, никогда не заглядывал в словари, чтобы прочесть, в чем между ними разница. По моим жизненным ощущениям:

- творчество – это процесс;
- искусство – это конечный результат.

Творчество – это Леонардо, стоящий перед холстом, искусство – это «Джоконда», висящая в Лувре. Творчество – муки и радости, физическая боль в руке и пояснице, отекающие

ноги, все усиливающая боль в затылке. Искусство – восторг публики, равнодушие или неприятие ею картины, книги, оперы, скульптуры.

Измучается сам, измучает других, умрет от физических страданий в нищете уставший от всего художник, а нам приятно. Не оттого, что он умер, а оттого, что у него получилось очень милое полотно, которое согреет нас положительными эмоциями пару минут. Почему – пару? Потому, что чуть дальше висит следующая картина, уже другого автора.

Кристина не только стала понимать искусство, но и сама включилась в творческий процесс. Конечно, не как самостоятельный автор, а как замечательный помощник. Кристина *«участвовала в повседневных занятиях Клода, снова делила с ним долгие часы работы. Она помогала ему скоблить и шлифовать немзой холст, давала советы, как надежнее прикрепить его к стене»*.

Помощь Кристины мужу стала заключаться в том, что она стала его моделью. Единственной. Тому способствовали несколько соображений. Практические: это дополнительные расходы, а с деньгами настолько тяжело, что... Психологические: любой женщине, даже начавшей разбираться в искусстве, едва ли понравится, если перед ее мужем целыми днями будут кружиться чужие голые бабы. И в психологии между мужчиной и женщиной существенная разница. Для женщины все ее товарки по полу – соперницы, а для мужика все его собраты по причиндалам – собутыльники. А это согласитесь эмоционально совершенно другой окрас. Тактические: Кристина хоть как-то пыталась привлечь к себе внимание супруга, а то их встречи «мужа и жены» стали такой редкостью и давно превратились в пресную механику и не более.

Начались сеансы: первый, второй, третий. Однажды, когда Кристина начала позировать в очередной раз, *«он приблизился к ней и стал ее рассматривать со все возрастающей*

страстью, касаясь кончиком пальца каждой части тела, о которой говорил:

– Посмотри, вот здесь, под левой грудью, какая красота. Маленькие жилки голубеют и придают коже восхитительный оттенок. А тут, на изгибе бедра, эта ямочка, где золотистая тень, просто упоение! А вот здесь, под округлым рельефом живота, вдруг эта чистая линия паха, еле заметная точка кармина посреди бледного золота! Живот – вот что всегда приводит меня в экстаз! Не могу спокойно созерцать живот, так и хочется схватить кисть! Что за наслаждение писать его, ведь это настоящий венец плоти!

Он снова поднялся на лестницу и крикнул оттуда, охваченный творческой лихорадкой:

– Черт побери! Если я не сделаю из тебя шедевра, значит, я просто тупица!»

При виде обнаженного женского живота, а тем более паха... только у художника сразу же возникает желание... схватиться за кисть. Желания обыкновенных мужчин в таких случаях, как правило, попроще...

Но мы немного отвлеклись. Впрочем, кто из мужчин не «отвлечется» при виде «обнаженного женского живота». Тут каждый, но на несколько минут станет художником. Не то что отвлечется, все дела забросит. Если вот только Клод по-прежнему будет искать свое счастье в непонятном судорожном смешении красок на палитре. Да помогут ему небеса. Да и тем мужчинам, что сосредоточены на созерцании обнаженного женского пупка – тоже. Где женщина – там всегда история. И, как правило, не одна. Если вы заметили, слово «история» – женского рода. Отсюда и непредсказуемость нашей истории, повышенная эмоциональность, как, впрочем, и удивительная красота.

Еще одна интересная тема в творчестве Михаила Васильевича – историческая. Настоящий патриот своей страны,

созерцающая настоящее, не может не думать о прошлом. История каждого государства уникальна, а российского – втройне. Много, очень много в прошедшем времени у нас трагичного и высокого, красивого и не совсем.

В повседневной жизни, помимо прочего, я читаю студентам курс «История государственного управления в России». На эту тему могу рассуждать очень долго и, надеюсь, не очень нудно. Иногда могу рассказать студентам и такой анекдот.

Умер Леонид Ильич Брежнев и на том свете его встречает Николай II. Он живо интересуется всем происходящим в стране. Спрашивает только что почившего в бозе генсека:

- Скажи, армия такая же сильная, как и при мне?
- Такая-такая. Даже еще сильнее.
- И соседи нас боятся, как меня когда-то боялись?
- Боятся-боятся. Мы уж полмира под себя подмяли.
- И народ ты в кулаке держишь, как я когда-то держал?
- Держу-держу. Дышат через раз.
- И газеты «зажаты», как и при мне?
- Более чем. Пишут только то, что мы им скажем.

И тогда Николай II мечтательно спрашивает:

– Скажи, и водка у нас по-прежнему – тридцать восемь градусов?

– Да вы что?! Мы уж давно ее до сорока подняли.

Николай II надолго задумался, а потом произнес:

– А если все осталось, как при мне, так вы что же – революцию-то, из-за двух градусов водки, что ли, делали?

Так и в творчестве: важно в раскрытии той или иной темы подниматься выше пресловутых «двух градусов водки». Задачи художника должны соответствовать величию времени, величию поэзии и трагедии ушедших в летопись событий. Чего только не было в нашей с вами истории – трагедии, драмы, поэзии, даже комедии периодически случались, только они почти в обязательном порядке предшествовали

очень серьезной трагедии. Любой бурлеск, любая клоунада только усугубляют последующую ситуацию. Может быть, и это важно – пусть криво, но улыбнуться перед серьезным испытанием. Испытание временем: сколько сломано – хребтов и судеб.

Копьев с историей своей страны не шутит. Нельзя сказать, что он в этой теме и чересчур серьезен. Все его картины на эту тему – что-то среднее между легендой, былинной, очень светлым рассказом о деяниях и подвигах наших предков.

Картина «Святогор». Это не столько иллюстрация к былине о богатыре, это сама былина, выраженная иными средствами. Наше поколение выросло на древнерусских былинах. По крайней мере, мы выросли, читая удивительные тексты про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Микулу Селяниновича, того же Святогора. Святогор и на картине поражает величиим своей фигуры и масштабом стоящих перед ним задач по защите русских земель от набегов сменяющих друг друга недругов. Богатырь на лошади выше скалы, он и опирается на скалу правой рукой, богатырю нужен отдых – после очередной битвы и перед новой схваткой. Труднейшая задача даже для такого большого богатыря – сберечь Россию. Величие задачи угадывается прежде всего в позе: чуть опущена от усталости голова, тело в некоем относительно покое. Возможно, это пятиминутная дрема, так необходимая перед новой сечей.

В этом, наверное, и спасение нашей державы, что ее защищают как рядовые ее граждане от сохи и станка, так и былинные герои. Не исключая, что ее не менее эффективно защищают и картины Копьева. Ведь рядовых граждан нужно по-своему мотивировать на подвиг. Наше культурное наследие и достояние в этом деле – очень важная составляющая.

Сюжет картины «Предки» следующий: авангард русской дружины в походе. На сильных лошадях, в красивых доспехах. Какие красивые русские слова – конь, кольчуга, копье. Только вслушайтесь – сколько в них поэзии, не захочешь, а в поход соберешься.

В 2012 году отмечали, пусть не очень шумно, 1150 лет российской государственности. Наша держава – одна из самых молодых в истории человечества. Китай, к примеру, существует как государство более шести тысяч лет. Сохранились описания славян той поры, сделанные иноземцами. В различных летописях, хрониках и документах иностранцы описывают славян как высоких, мощных, сильных блондинов, любящих свободу, личную независимость и дорожащих своей честью. Иногда задумаешься: похоже, такие в России если и остались, то только на полотнах Копьева. На той же картине «Предки».

Воины отправились в поход. То ли защищать свои границы, то ли существенно их расширить. Картина очень светлая. Художник отдает дань предкам, формировавшим славу и величие нашей страны. «Единоборцы Куликова поля», «Государь» – формируют и преумножают в людях, их созерцающих, чувство гордости за страну и понимание того, что испытания для России не остались в прошлом. Они (испытания) не только не сократились, но и мутировали. Потребность в патриотах и защитниках была всегда и сохранится впредь. Значит, нужно быть таковыми.

Эта тема в творчестве Копьева очень важна. Слишком многие в нашей стране вместо слов «моя родина» стали говорить «эта страна», «это гребаное государство». Кто-то же должен нам вправить мозги.

История – это что? То, что было тысячу лет назад, это – история? Несомненно. А то, что было четверть века назад, это история или современность? Художник – не уче-

ный и не хронометрист. Он не стоит с секундомером или регламентирующим документом в руках перед картиной. Художник стоит перед картиной с кистью. Это не упрощает ответственность, а делает ее еще выше и объемнее.

Есть известная фраза: «Нет той жертвы, которой я бы не принес России». Первым эту фразу произнес император Николай II. У художника Копьева схожая жизненная позиция. Все творчество Копьева – жертва. Жертва сакральная.

Слова Николая II поневоле заставляют задать вопрос самому себе:

– А ты бы смог так же искренне и убежденно повторить эти же слова: нет той жертвы, которой бы я не принес России?

Не знаю...

Искренне говорю: не знаю... Нужны очень серьезные испытания, чтобы понять: на какие жертвы ты готов пойти, а где, скорее всего, струсишь. Вслед за Пастернаком хочется произнести:

Авва, Отче...

Чашу эту мимо пронеси...

Сандоз задумал написать произведение, охватывающее генезис вселенной в трех фазах: сотворение мира, историю человечества, будущее, в котором живые существа непрерывно сменяют оди других, осуществляя завершающую мироздание неустанную работу жизни.

Друзья: Клод и Магудо. Один рисует, другой ваяет. Оба устали от беспросветной нужды и непризнания. И оба переживают удивительные минуты восторга, когда получается самое главное в жизни – удачное касание кистью холста, точный удар скульптора по камню.

Они еще чего-то ждут, на что-то надеются. Они жаждут не славы и денег; это для настоящих художников – мусор. Желательный, как слава, необходимый, в виде денег, но мусор.

Человек творит. Он может трудиться на чердаке, а то и вовсе в подвале. Но он уже на пьедестале, который пока никто не видит, кроме него и небес. Талант – как способность сделать что-то свое. Творчество – как процесс – по тяжести равен укладыванию дорожного полотна, но зачастую оплачиваемый никак. Но вот есть это в жизни человека и больше ему ничего не надо. Все остальное – прилагаемое к главному делу жизни. К ее смыслу и красоте. Пусть он мерзнет и чуть ли не умирает от голода, как Магудо. Пусть он мучается от вины перед любимой женщиной и ребенком, которым он так и не смог обеспечить не то что достойную, хотя бы скромную жизнь, как Клод.

Но для них – художника и скульптора – гораздо важнее муки творчества. И то, что они принесут. Могут и не принести ничего. Или, как вариант, ничего достойного. Какой-то ширпотреб еще может получиться – случайно или как компенсация за усердие. Но ширпотреб никогда не оставит имя художника в вечности. Что-то банальное, среднестатистическое никогда не позволят творческому человеку сказать: да, я прожил не зря. Да и не может по-настоящему творческий человек ограничиться чем-то среднестатистическим. Талант не для этого даден. Талантливый человек, подрабатывая, может мести улицы, трудиться в кочегарках. Но халтурить в творчестве – это все равно, что мести улицы своим Божьим даром. Он «изотрется» еще быстрее, чем метла дворника. Можно бросать уголь в топку и любоваться ярким пламенем. Но если шабашничать в творчестве и делать что-то не как хочется, а как нужно (обществу, работодателю, заказчику), то талант из угля высшей пробы – антрацита – превратится в угольную пыль, сгорит, не принеся никому ни тепла, ни пользы.

У Магудо наконец-то получилось то, к чему он так долго стремился – скульптура с названием «Купальщица». Это не «Девушка с веслом», что стояла практически в каждой парке культуры и отдыха советской поры. Работа очень понравилась и Клоду. При всей требовательности к творчеству – своему и чужому – он радовался за друга: скульптура действительно получилась: ее не грех показать людям и ждать долгих, продолжительных, оглушительных аплодисментов.

Магудо разжег печку в холодной мастерской, нужно же скульптуру из глины просушить. Друзья сидят, любуются на «Купальщицу». Как вдруг:

«Мало-помалу вся статуя пришла в движение. Стан повернулся, руки разжались, грудь вздымалась как бы от глубоких вздохов. Внезапно голова склонилась, бедра согнулись, и статуя начала падать, словно живое существо, которое в порыве отчаяния, испытывая гнетущую тоску, бросается на землю. Клод понял, что происходит, и тут же услышал отчаянный крик Магудо:

– Проклятье! Крепления треснули, она падает!

Когда глина начала оттаивать, она сломала чересчур слабое дерево – крепления, раздался треск, похожий на треск ломающихся костей... Какое-то мгновение скульптура качалась, потом, надломившись, рухнула вперед; уцелели только прикрепленные к доске ноги».

Даже то, что получилось, Магудо не смог донести до зрителя. И все из-за своей беспросветной нужды. Из-за отсутствия денег крепления внутри скульптуры не соответствовали необходимым требованиям, мастерская не топилась, все в ней, включая и глину, промерзало по многу раз.

Любое задуманное тобой произведение начинает трещать по всем швам, как только начинаешь задуманное

воплощать в жизнь. Все время идет непрерывный поиск основной мысли книги. Вроде бы понятно: вот она, продуманная тобой сотни раз. Но садишься за письменный стол, и мало что слушается тебя. Ты вроде бы для своих мыслей не последний человек, но поиск совершенства или идеального текста уводит куда-то в сторону.

С удовольствием вспоминаю момент, когда все-таки решился начать писать. Когда прочитаны тысячи книг, потихоньку начинаешь понимать, как это примерно делается: завязка, определенное соотношение положительных героев и отрицательных персонажей, сюжет, желательно динамичный, развязка. Идеальный вариант текста, когда автор своим мастерством заставляет сопереживать читателя. Последний не только поглощает глазами какое-то количество предложений, но видит за ними реальную жизнь.

Когда прожито уже достаточное количество лет и ты много что видел – забавного, поучительного, трагичного – приходит устойчивое представление, что знаешь, о чем нужно писать: о живых людях и только о них. При всем уважении к Печорину, Чацкому, князю Мышкину – это выдуманные персонажи. А сколько удивительных лиц и судеб ходит вокруг тебя! Не придумывай, а записывай. А еще лучше – стенографируй. Т.е. более точно передавай все краски повседневности.

Ни в чем так не нуждается человек, как в прощении: за свои слова, поступки, ничегонеделанье, поверхностный взгляд на серьезные вопросы и проблемы в жизни. В этой бесконечной очереди за отпущением грехов я, благодаря небесам и возрасту, далеко не из последних. И без очереди не лезу, и из нее не бегу. Стою в ней и без устали верчу головой по сторонам: интересно же. То есть я довольно быстро определился в двух важных вопросах: что нужно писать и кто главный герой – живые люди вокруг и

рядом. Самое мучительное, оказалось, – решиться начать писать.

Снова о духовности, о той части человеческой жизни, что вызывает все больший и больший интерес. Причем по-настоящему корыстный, но это особая корысть, очень новая для тебя. На каком-то этапе жизни приходишь к пониманию: о спасении души пора уже думать, а не об очередных обновлениях.

Духовность волнует, просветляет, делает нас гораздо чище. Даже только думая о Боге, размышляя о составляющих истинной веры, человек становится лучше. Слова глупого или грубого лишний раз не скажешь, не залезешь в какой-нибудь «социальный лифт» без очереди. Все это уже не интересно и не представляется первоочередной задачей твоей персональной жизни. Тут важнее лишний раз вспомнить десять заповедей, пересчитать их (вдруг забыл несколько) и ужаснуться их неисполнению.

А уж если о небесных покровителях знаешь не понаслышке, и был свидетелем и участником знамений, то жизнь обретает, наконец-то, настоящий смысл. Начинаешь худо-бедно понимать: зачем и во имя чего живешь. Невольно краснеешь: чем жил до сих пор.

Каждому возрасту, уму и судьбе свое: свои знамена, свои знамения...

Снова размышления Михаила Васильевича:

«Некоторые наши произведения, может быть и самые лучшие из них, могут быть тогда, когда не существуют социальные причины их создания, когда единственным оправданием их существования служит само их существование. То есть их бытийность. Думаю, что в лучших случаях своей деятельности человек все равно не может похвастаться ничем, кроме как доверием к Тому, кто дал возможность

прикоснуться к вечному источнику. Да и этим хвалиться проблематично, потому что доверие автора даже к силе для завершения работы – это тоже ему дано свыше. Поэтому, кроме чувства благодарности к Всевышнему, по-настоящему ничего и не может быть. Какое-либо тщеславие – несостоятельно. Хотя является большим соблазном. Очень трудно бороться с чувством самоутверждения, хотя все равно приятно, когда нас хвалят. Когда мы обращаемся к значительным произведениям искусства, нам иногда непонятно, чем руководствовался автор, зачем они? Как это могло прийти в голову этому автору? Однако они становятся частью нашей личности, иногда против нашего желания. Пикассо, например, я не очень люблю, но «Девочка на шаре» – часть моей жизни. Но не голубь, который летит, ломая крылья».

И здесь же размышления: вроде бы о буднях, а оказывается – о вечном; о содержании каждого дня, дающем толчок мысли художника.

«Вот сегодня я вышел на улицу: небо, облака, – такие бывают только в Вологде – огромные, кучерявые, и оно (небо) на нас смотрит. И мне говорит: ты меня узнаешь? И я подумал: разве оно было каким-то другим, как тогда, в детстве? Картинки из детства питают нас всю творческую жизнь. Много лет проходит, и вижу, что от меня ничего не уходило.

Небо будто говорит мне: почему ты меня не узнавал? Рождаются те же листья, те же цветы, – даже старые дома сохраняют нашу память. Мы меняемся – а все это остается неизменным. Вспомнились строчки:

*На вопрос мой,
помедлив с ответом,*

улыбнулась моя собеседница,
потом головой покачала:
*«Летом – меня называли Летом», –
Осень мне отвечала».*

Небо: голубое, бездонное, по ночам поражающее мириадами звезд. Истинное значение Неба в своей жизни мы понимаем не сразу. В картинах Копьева много библейских сюжетов, увиденных художником именно так: своим взглядом, своей рукой, кистью. Комментарий по этому поводу его супруги:

«У всех у нас сложно с Библией. Но... Ахматова, например, используя ассоциативные связи, основывая их на знании библейских сюжетов, только выигрывает, не подвергая сомнению столь древние тексты. Не наша вина, что мы учились читать не по Библии. Грустно, когда пытаешься наверстать. Это и у нас с МВ так. Но МВ говорит, что если чего не понимаем, то лучше не трогать. Все-таки Библия – книга книг.

Вот знаете, как грустно, что наши туристы в Европе почти ничего не «считывают», общаясь с произведениями изобразительного искусства. Мы не читаем итальянскую живопись, да и многое из западноевропейской классики именно потому, что не знаем основ библейских или древнегреческих сюжетов. Некоторые – даже и евангельских.

Что большинству наших людей, сейчас, в Москве, например, говорит «Христос в пути» или «Христос и его ученики на Тибериадском озере», или «Возвращение блудного сына»? Не думаем, что сразу, сходу, ваши мордовские или наши вологодские искусствоведы ответят на вопрос зрителя – в чем смысл того или иного сюжета.

Почему-то среди искусствоведов я насчитываю мало верующих. Даже такой сюжет, как Благовещение, столь

любимый многими западноевропейскими большими и малыми художниками, не узнается нашими «российскими» современниками. И это не их вина. Поэтому в Италии (как пример) многое проходит мимо нас, русских, поверьте мне.

Или в Лувре: все бегут к Джоконде мимо многих непонятных им сюжетов. Они его не видят глазами Муратова, например, Стендаля, да, наконец, наших – Поленова, Мамонтова и всех тех русских, кто там был на рубеже 19-20 веков. Поверьте, у нас был пропуск в Лувр на 2 месяца, мы там видели наших-то. И слышали. Это не значит, что французы все абсолютно знают. Но – 80 лет безбожия дают о себе знать. Надо трудиться.

В Библии я только фрагментарна в своих познаниях. Евангелие МВ читает постоянно.

Про молитвы. Мы думаем также, что нельзя менять текст молитвы на современный. Как нельзя менять обычаи – они на то и обычаи. Нельзя менять орнамент – он имеет сакральное значение. Облеченные в слова мысли древних – то же самое, тем более святых, которые занимались поиском этих нужных слов. Надо как-то приспособливаться, вникать.

Их, основных, не так много, их можно пояснить вновь прибывшим в лоно церкви верующим – жаль, батюшки наши мало занимаются таким просвещением. У нас был друг, ныне покойный, о. Василий, который в 90-е тоже много об этом думал.

Знают же французские русские дети уже в 4-ом поколении наши молитвы, совсем не зная русского языка. А потом, это важно для сохранения конфессии – в Сан-Франциско, в храме, который построил Блаженный Святитель Иоанн Шанхайский, один из моих любимых, в Аргентине, Тунисе и прочих местах, где есть русские церкви, только потому и сохраняется все, что на одном языке. В Сербии тоже. И Вы, приехав туда, сможете посетить церковь и все по-

нять. Молитва – фундамент веры. А если бы они начали адаптировать? Как бы мы хотели, чтобы Вы побывали в православном храме Западноевропейской русской церкви где-нибудь во Франции – на рю Дарю или в Медоне, или в Ментоне, да где угодно».

Духовность, вера: они толкают человека вперед. Не для того, чтобы он от неожиданности упал, а для того, чтобы он ускорил свое движение к Богу. Очень надеюсь побывать в православных храмах Западной Европы. Греческие православные храмы произвели на меня очень сильное впечатление. Надеюсь побывать в православных храмах где-нибудь во Франции или Англии.

Уже значительное время меня притягивает храм в честь Успения Божьей Матери и Всех святых в Лондоне. Его настоятелем более сорока пяти лет был митрополит Антоний Сурожский. Это не только священник праведного образа жизни, но и автор потрясающих по глубине, образности текстов. Умением достучаться до чужих сердец Антоний обладал как никто. Может быть, и потому, что для него ни одно сердце не было чужим. Среди его многочисленных текстов возьму первую же, казалось бы, случайно попавшуюся мысль. Но все в нашей жизни не случайность. Каждая случайность – Божий промысел.

«Христос принимает каждого из нас, какие мы есть: он принимает доброго и злого. Он радуется доброму и умирает из-за злого и ради его спасения... Бог открыл нам такую любовь, какой прежний мир не знал, а современный мир, так же как и древний мир, так боится: любовь, которая согласна быть уязвимой, беспомощной, изливающейся, истощающей себя, щедрой, жертвенной; любовь, которая дает без меры; любовь, которая дает не только что имеет, но самое себя. Вот что Евангелие, вот что Воплощение принесли в мир...»

Встретив небольшое стихотворение В. Набокова «Жизнь», я был потрясен тем, насколько полно в нем выражена мысль о сотворенности нашего мира:

*Шла мимо Жизнь, но ни лохмотий,
ни ран ее, ни пыльных ног,
не видел я... Как бы в дремоте,
как бы сквозь душу звездной ночи –
одно я только видеть мог:
ее ликующие очи
и губы, шепчущие: Бог!»*

Михаил Копьев

У Михаила Васильевича много картин о поиске человеком своего духовного пути, о ценностях христианских, православных святынях. Только поднявшись на высокий уровень своего творческого развития, уважающий себя художник решается взяться за кисть, держа не столько в сознании, как в душе некий замысел о горнем. Что поможет автору в этом поразительном труде? Вера. Вера не только в наличие высших сил, но и в их небесное покровительство: тебе рабу Божьему и этому конкретному произведению.

М. Копьев: *«Вера наполняет известное нам прошлое высшим смыслом и целесообразностью, где религия теснейшим образом сливается с историей, и все обретает истинное единство. Так или иначе соприкасаясь с этим, человек ощущает реальность вечности».*

Реальность вечности, реальность вечного... А рядом человек с каким-то количеством лет, отпущенных ему по Божьей воле, и с кистью в руке. Он не боится проиграть в очередном поединке с холстом, он боится не подняться до уровня задачи, что поставлена: отчасти – им самим, а большей частью – Божьим провидением. Это по-настоящему страшно – не оправдать Его доверие. Не Господь накажет,

сам себя измучишь: не смог, не сделал так, как замысел того заслуживал и требовал. Но у Михаила Васильевича в «Вечной теме» большое количество удач. Причем очень серьезных.

«Моисей», «У пересечения дорог», «Нагорная проповедь», «Возвращение блудного сына», «Посвящение св. апостолу Андрею Первозванному», «Посвящение преподобному Сергию», «Свет невечерний» – несомненные творческие достижения. Словосочетание «творческие удачи» в данном случае не подходит. Когда художник пишет на библейские сюжеты, рассказывает о святынях православия, он не надеется на удачу. Он надеется только на Божий промысел и поддержку высших сил.

И все же. В «Вечной теме», к которой Копьев прикасается так трепетно и талантливо, у меня тоже есть любимые полотна, которые настолько глубоко проникают в сознание и душу, что произвольно начинаешь молиться:

– Господи! Верую... Прости мою грешную душу, страстями избиенную... Спасибо Тебе за все, что имею... И за то, что сейчас вижу перед своими глазами...

Первая картина, которая меня просто потрясла и привела к ярко выраженному желанию познакомиться с ее автором – «Благословение».

Зимний, заснеженный пейзаж, берег широкой реки или озера. На дальнем плане правой стороны картины – две лодочки, наполовину вытащенные на берег. Рядом с ними два монаха. Центральная фигура картины – старец в соответствующем облачении. Он смотрит вдаль реки, судя по всему, к противоположному берегу направляются люди, на такой же утлой лодочке. Это могут быть и монахи, и миряне. Поскольку их нет на холсте, это дает возможность зрителю выступить соавтором. Старец благословляет их, он очень хочет, чтобы они доплыли. И они обязательно доплывут, поскольку старец их благословил.

Эта картина обо всех нас и о каждом в отдельности. Эта картина о России, здесь почти всегда заснеженно и скучно! И о нашем удивительном богатстве – вере православной. Каждый из нас идет к Богу. И это мне старец с надеждой смотрит вслед: доплыву ли? Без Божьего благословения, без молитвы старцев сделать это очень трудно.

Снова и снова задаешь себе вопрос: а что для тебя важнее – истинная вера, желание нести людям благо, или корысть, корыто, в котором такое количество вкусных отрубей. Чем больше думаешь об этом – тем меньше спишь, тем меньше тянет к корыту, как высшей ценности своей жизни.

Естественно, у Михаила Васильевича есть своя классификация собственных удач и картин, не сумевших подняться до уровня авторского замысла. Но я считаю вершиной творчества художника картину «Николай Угодник». Она для меня вне любых «табелей о рангах». Когда я впервые ее увидел, то от потрясения перекрестился. Это не картина – икона.

В России принято считать, что у всех нас и у державы в целом два небесных покровителя – Божья Мать и Николай Чудотворец. У нас его исстари называли Угодником. Есть несколько икон с ликом Николая Чудотворца. Одна из них, находящаяся в Троицком храме Троице-Сергиевой Лавры, притягивает особенно. На ней у Чудотворца такие пронзительные глаза. Когда стоишь перед ней, в душе просыпаются одновременно сразу два чувства – стыда и благодарности. Стыда за собственное несовершенство и благодарности за то, что снова стоишь пред его строгим ликом. В душе надежда: если часто стоять перед строгим судьей, рано или поздно можно заслужить оправдательный вердикт. Это если не только приседать от испуга, но и серьезно работать над собой.

В картинах Копьева всегда много света, а в этой особенно. Николай Угодник, покровитель путешественников

и странствующих, сам сидит в лодке с кормовым веслом в руках. Над головой – нимб святости, а в глазах вопрос – понимаешь ли ты, раб Божий, что есть истинные ценности?

Ощущение, что ты сидишь в одной лодке с самим Николаем Чудотворцем – уже одно это придает силы.

Приходит понимание, что нельзя в этой лодке все время находиться в роли ротозея-пассажира, пора самому браться за весла. Если в лодке твоей жизни кормовое (т.е. – рулевое) весло в руках самого Чудотворца, то за свои будни можешь быть спокоен. Приходит понимание удивительного везения: он всегда с тобой. Только нужно быть достойным его помощи. Не просто нашкодил, быстро вымыл руки и спрятался в толпе, чтобы судья не разглядел. Все же небеса с большей охотой помогают тем, кто искренне старается стать лучше. На безнадежно испорченных они смотрят с печалью. Постарайся не расстраивать своих небесных покровителей.

Когда Михаил Васильевич писал «Николая Угодника», за его спиной стоял сам Чудотворец. Уверен, Копьев этой работой «угодил» Угоднику.

Удивителен сюжет картины «Новый Завет». К стоящему Иисусу Христу устремились толпы людей. Кто опустился на колени, кто стоит. Возможно, пасть ниц пред Сыном Божиим мешают гордыня и непроходимая глубость. К Иисусу подходит мужчина средних лет... с лицом Михаила Васильевича. Он несет на плечах старика.

На картине, да думается и в жизненных и творческих исканиях, Копьев подошел очень близко к Иисусу Христу.

А своими картинами «на вечную тему» и нас сильно «подтащил»...

Потом пришел другой, подлинный художник века, труженик, его мастерство в полной мере классично, но ни один из этих кретинов не разобрался в нем...

Оба они, Делакруа и Курбе, пришли в свой час. Каждый из них продвинул искусство вперед! Зато теперь! О, теперь...

Закончив картину, Клод испытывал смешанные чувства. С одной стороны, труд, забравший столько сил и времени, завершен и во многом получился так, как задуман. А с другой, присутствует досада, что это не совсем твоя картина, она написана «под влиянием». Абсолютно не преднамеренным, но если в сознании есть какие-то образы, если ты воспитан на творческом методе конкретного автора, это, так или иначе, проявляется в мазках кисти, в каждом пятом слове текста! Это почти неизбежно, но как этого хочется избежать.

«Запрокинув голову, он (Клод. – И.К.) прибавил сквозь зубы:

– Будь она проклята! Опять лезет эта чернота! В глазах у меня застрял треклятый Делакруа! А рука – настоящий Курбе!.. Что поделаешь, все мы застряли в романтической тряпке. Наша юность чересчур была ею напичкана, вот мы и пропитались насквозь. Надо нам задать хорошую головоломку.

Сандоз безнадежно пожал плечами: он тоже плакался, что вырос под влиянием Гюго и Бальзака».

Вырасти под влиянием Бальзака, а уж тем более Гюго – тут не плакать нужно, а благодарить небеса. Гораздо хуже вырасти под влиянием коммунальных склок или дурной компании.

Могут читающего человека воспитать – Пушкин, Гоголь, Лесков, Тургенев, Достоевский? Могут. Не только могут, но и реально воспитывают: все вместе и каждый в отдельности. Согласитесь, не худшие из воспитателей. У них и воспитан-

ники лишний раз не выпьют и спинку стараются держать поровнее. У нечитающего мальчика воспитатели другие – семья и, довольно часто, подворотня. Нет, уж лучше Чехов, Горький, Платонов, чем средней руки преподаватели средней же школы.

Есть ли «дурные компании» в литературе? Конечно, просто они реже встречаются, чем в жизни. К примеру, классика – вся приличная компания. Эти книги временем через столько контрольных сит просеяны.

Художник не только читает (в иных случаях очень много), но и отражает в своих картинах все, что навеяно чтением. Чтение – это всегда эмоции. Даже если у вас в руках телефонный справочник.

У Копьева много картин, сюжет которых так или иначе связан с книгой, чтением.

«Книжная лавка». Сама книжная лавка на полотне занимает не больше четверти объема. Три четверти – реальная жизнь: солнечный день, гуляют хорошо одетые люди. Здесь и юная девица с красивым колпаком на голове: для нее праздник жизни только начинается. Тут и человек в изрядном возрасте с клюшкой в руке: он уже возвращается с ярмарки нашего бытия. Но там, на этой части картины, светло, весело, динамично.

А книжная лавка... Стеллажи с толстыми фолиантами книг выполнены в коричневых тонах. Оно и правильно. Стеллажи обычно такого цвета. Книжная лавка – не аптека. Впрочем, если подумать... На прилавок оперлась миловидная продавщица, подперев щеку рукой. На лице – разочарование. Наверное, ей тоже хочется туда, где светло и где можно прогуляться по свежему воздуху: на других посмотреть, опять же, себя показать. А тут, за копейки... На нее книги навевают только почти нескрываемую скуку. Не исключено, что ни одной из них она не прочитала: зачем девушке глаза

портить. С испорченным зрением и женихов по-хорошему не разглядишь.

И все же центральная фигура картины – мальчик, ему лет десять, не больше. Он стоит перед скучающей девицей и читает книгу. Кто-то гуляет, кто-то зевает, а он – читает, водя пальцем по тексту. Едва ли он купит книгу, – откуда у мальчика деньги. Но он читает. Он делает первые шаги по этой удивительной дороге познания, где каждый день можно откапывать такие клады, такие несметные сокровища.

На картине восемь персонажей, только один из них читает. У этого общества несомненно есть перспективы.

Для меня определенной загадкой остается картина «Выстрел во тьму». Но это та загадка, что не напрягает, не заставляет мучиться. Ее приятно разгадывать, даже если не отыщешь правильного ответа – не расстроишься.

В центре полотна мужчина, стоит к нам спиной, в руках ружье, из которого он вот-вот выстрелит. На нем красивый камзол в стиле восемнадцатого века.

В левой стороне картины – три нарядные дамы. Они в ожидании выстрела спрятались за деревьями. Вроде как от испуга. На правой половине холста – стеллаж, полный книг. Мужчина стреляет в темноту, и стеллажи уходят в темноту. Возможно, как раз темнота и является главным героем картины. Как у того же Делакруа, с влиянием которого так безуспешно бился молодой художник Клод из романа Золя.

Что хотел сказать художник этой картиной? Не сразу и поймешь. То, что мужчина всегда на перепутье: между радостями жизни (женщины как символ) и тяжким трудом познания? Или то, что все мы рано или поздно уйдем в темноту, стреляй в нее не стреляй?

Почему-то именно на этих размышлениях вспомнился анекдот:

– Все радости и печали жизни рано или поздно заканчиваются. Уж вы мне поверьте.

– Да вы, батенька, философ.

– Нет, я сторож на кладбище.

Не так важно, что художник хотел сказать картиной. Гораздо важнее, что она заставляет задуматься и так просто, без дани, не отпускает.

Особый разговор о портретах писателей и поэтов: Пушкин, Лермонтов, Блок, Хлебников, Северянин.

Слово самому художнику:

«Бывали случаи, когда какая-то тема не расставалась со мною годами. Внезапно получив завершающий штрих, деталь, все вдруг завершалось, приобретая законченную форму, а иногда кардинально менялся и весь сюжет. Так было, например, с портретом Велимира Хлебникова, который я делал несколько лет. Но обычно работа над самой картиной занимает у меня относительно немного времени, но, опять же, бывают случаи, когда картина «не отпускает», требует доработки.

Когда я работал над образом поэта В. Хлебникова – а работа была начата в 1979 году, когда его произведения еще не печатались, – я даже конспектировал некоторые его вещи и воспоминания о нем, работая в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге.

Здесь я хочу поделиться своим методом написания исторического портрета. Изучая всю доступную иконографию, в конечном итоге приходишь к состоянию, когда персонаж начинает в воображении «жить». И я начинаю помнить его во всех поворотах, как совсем близкого человека, тогда я считаю, что имею право на его изображение».

Сколько в этих работах любви и благодарности, в том числе и за влияние, оказанное на творчество. Мимо этого

не пройти, отвернувшись. Литература, книги: это так много, вариация кислорода, без которого нет жизни.

«Золотой век» русской литературы – это, упрощенно, век девятнадцатый. «Серебряный» – первая четверть двадцатого, может, чуть больше. Сейчас на дворе – первая четверть века двадцать первого. Не сразу и сообразишь: какой «век» за окном? Он ни «деревянный», ни «дубовый», ни «железобетонный», ни «полуасфальтовый».

Вот! Нашел! Пусть идущий сейчас век русской литературы называется «хрустальным». Не смотря на все, что мы смогли пережить (развал величайшей в истории человечества державы, смена общественно-экономической формации, коренная ломка сознания и образа жизни), люди по-прежнему читают. С меньшим упоением и рвением, чем раньше, но тут уж...

А самое главное, люди пишут: с прежним фанатизмом и настоящим без кавычек талантом. Сергей Казнов, Сергей Сеничев, Камиль Тангалычев – эти имена произношу всегда в твердом убеждении, что они более чем заслуживают высокого звания – поэт или писатель.

В статье искусствоведа Натали Бекер, опубликованной в «Luxemburger Wort» (это в замечательном государстве Люксембург), посвященной творчеству Михаила Васильевича Копьева, есть такие слова:

«Влияние художников барбизонской школы и Гюстава Курбе, уроки которого были восприняты многими восточно-европейскими художниками в начале XX века, проявляется в работе художника в деликатной и утонченной форме, присущей ему вообще».

Как эти слова здорово перекликаются с цитатой из романа Золя в начале этого эссе. Чье-то влияние на наше творчество: его почти не избежать. И здесь Курбе: получилась удивительная перекличка эпох. Мне кажется, Копьев, как сталкер, свободно и без напряжения (для постороннего глаза) перемещается через века и эпохи, стили и манеры письма.

Не думаю, что Копьев хоть в какой-то мере сознательно копирует методики и технологии «барбизонской школы». Настоящий художник всегда пишет, как Господь на душу положит.

Клод переживал, что застрял в «романтической стряпне». А Михаил Васильевич из романтического подхода к жизни и творчеству сделал такой замечательный пьедестал.

Стоило им только встретиться, художнику и писателю, – они обычно приходили в восторженное состояние. Они взаимно подхлестывали друг друга, в безумном упоении мечтая о славе; во всем этом сказывался такой юный порыв, такая жажда творчества, что они чувствовали прилив бодрости и силы, хотя сами посмеивались потом над своими возвышенными, горделивыми мечтами.

У Золя имеется в виду встреча двух друзей, юношей Клода и Сандоза. Но и к нашей встрече с Михаилом Васильевичем это имеет определенное отношение. У нас ведь тоже – встреча художника и в некотором роде писателя, у нас ведь тоже искры во все стороны, мы ведь тоже зажигаемся, хоть прикуривай.

Художник всегда с интересом смотрит в сторону литературы: там столько сюжетов для его картин. Эти сюжеты дарят как произведения, так и их авторы. Неординарная личность это, как правило, и неординарное лицо. А художника хлебом не корми – дай зацепить что-то нестандартное. Художник – тот же любопытный прохожий. Написано на калитке «Осторожно! Во дворе злая собака!» – да как же он мимо пройдет, как в калитку не заглянет?

Но и художник, и писатель всегда внимательно смотрят в сторону жизни. Лучшего художника, драматурга и сценариста, чем жизнь, просто невозможно представить.

Лето 2011 года. Мы с Сергеем Яковлевичем Терхановым сидим на трибуне стадиона «Старт». Он заядлый болельщик, ну и я что-то вроде этого. Очередная игра нашей команды «Мордовия». Перерыв после первого тайма. Говорим об игре, о разных пустяках. Я накануне получил бандероль от Копьевых с каталогами, альбомами, книгами. Естественно, делюсь эмоциями по этому поводу, рассказываю о том, что познакомился с замечательным художником – Михаилом Копьевым.

Сергей Яковлевич с радостной, присущей только ему улыбкой произнес:

– Да я прекрасно Мишу знаю.

– Как?! Откуда?!

– Да мы вместе в Уфимском театре кукол спектакль ставили. Музыка моя. Миша его оформлял как художник. Хо-

роший спектакль получился. Я в Уфе был довольно долго. Мишу я прекрасно знаю.

Как тесен мир! Один из моих самых близких друзей, оказывается, хорошо знает Михаила Васильевича, человека, с кем мои дружеские отношения еще только складываются. Правда, за это время Копьев переехал из Уфы в Вологду, а Терханов – из Нижнего Новгорода в Саранск. Неисповедимы пути Твои, Господи!

В ближайшем послании в Вологду были такие строки.

«Михаил Васильевич, оказывается, этот мир очень тесен и Вас знает один из моих лучших друзей – Сергей Яковлевич Терханов. Вчера мы сидели с ним на футболе. Во время перерыва между таймами я рассказал о только что полученной от Вас бандероли. Он в свою очередь поведал об общении с Вами. Терханов – замечательный композитор и помимо прочего является автором музыки спектакля «Золотой цыпленок», поставленного в то время Уфимским театром кукол. Он приезжал в театр, на всю жизнь запомнил имена всех, с кем там общался, начиная с директора театра Наджета Миннигалиевича Аюханова до зав. литературной частью Владимира Миодушевского. Сергей Яковлевич утверждает, что именно Вы были художником данного спектакля, оформили его «очень ярко и красиво», и передает Вам огромный привет».

Знакомство Терханова с Копьевыми меня очень порадовало: появилась еще одна связующая нить между Саранском и Вологдой. Теперь в своих письмах в Вологду я периодически передавал привет Копьевым от своего друга. То же самое – привет от Копьевых – я передавал Сергею Яковлевичу при встрече.

По просьбе вологодских друзей я дал им номер телефона Сергея Яковлевича. Они стали периодически созваниваться, а в большей степени обмениваться SMS. Сергей Яковлевич питал к SMS какую-то особенную слабость. Во время наших

встреч он мог нам, друзьям, зачитать все SMS, полученные им со дня нашей последней встречи. Тут пить пора, а Сергей Яковлевич: «А вот, ребята, я получил на прошлой неделе из Питера. Смотрите...» И каждому из нас демонстрирует экран телефона. Мы улыбаемся.

Потом Терханов заболел, и очень серьезно. Я довольно долго скрывал от вологодских друзей этот факт, но в конце концов не выдержал и сообщил.

Весной 2014 года ухудшение самочувствия Сергея Яковлевича было заметно всем окружающим. Стало понятно: речь идет о нескольких месяцах жизни.

Я в письме к Михаилу Васильевичу обратился с просьбой написать портрет Терханова. Художник согласился и попросил прислать фото Сергея Яковлевича. Они были оперативно направлены в сторону Вологды.

Михаил Васильевич закончил работу над портретом Терханова. Сергей Яковлевич успел получить его электронную версию за несколько дней до своей смерти.

Терханов позвонил автору, уже не вставая с постели, искренне и сердечно поблагодарил Михаила Васильевича. Позвонил мне, также поделился своими эмоциями. У этих эмоций был своеобразный подтекст: за последний период беспросветной болезни и понимания неизбежности своего скорого ухода — через боль, физические и духовные страдания — это были самые светлые ощущения от жизни. Понятно, что общение со своей семьей, самыми близкими для него людьми, несет очень много позитива. Но все равно, отношения с женой, дочерью, внуком, другими родными вольно-невольно несут в себе минор предстоящего расставания. Все всё понимали, и скрыть это невозможно. Эта картина — как белый голубь, севший на открытое окно в комнате безнадежно больного. Он прилетел со стороны, это нечаянная радость.

Я лежал в это время в больнице г. Чебоксары, после операции. И у меня настроение было не то чтобы очень. И ко

мне эта картина прилетела еще одним белым голубем. Мне стало гораздо легче. Меня согревала не только сама картина, которую я еще не видел, но и мысль: слава Богу, успели...

Месяца через четыре я снова стал «выездным» по состоянию здоровья, и во время очередной командировки в Москву мне на Казанском вокзале передали портрет Сергея Яковлевича. Это Ираида Валентиновна передала работы Михаила Васильевича с «нарочным». Я написал «работы», потому что портретов было два – Терханова и мой. Михаил Васильевич считал возможным и мой «светлый образ» оставить в вечности, за что ему, конечно, безмерно благодарен.

Я вернулся в свой номер гостиницы, поставил портреты на стол. Михаил Васильевич писал портреты по фотографиям, и они получились. Это были картины-символы или – портреты-образы.

В главе второй, рассказывая о Терханове, я периодически сравнивал его с Дон Кихотом. Он и на портрете, как и в жизни, – человек не от мира сего. Глаза, в которых можно увидеть все, удивительная легкость фигуры получеловека-полуангела. Он как будто собрался отлетать в горние выси и с минуты на минуту это сделает. Художник на одежде – на капюшоне, рукавах – оставил мазки красной краски, подчеркивающие скорое завершение земной жизни. Я это так понял. Михаил Васильевич нашел еще одно решение образа. С левой стороны портрета несколько струн соединяют небо и землю. Струны – как характерная деталь творческой стези композитора Терханова. Сергей Яковлевич то ли защищен струнами, как надежным щитом, то ли от нас уже ими отгорожен. На полотне большое количество символов, передающих Терханова именно таким, как мы его знали. Вместе с тем в картине много и того, что есть только в произведении искусства, того, что видит только художник.

Я маленько помянул друга хорошей мордовской водкой. Налил и ему. Поверх стакана, как положено, кусок хлеба. Затем довольно долго разговаривал с портретом Сергея Яковлевича. Никогда не думал, что разговор с портретом в принципе возможен, а уж тем более – что он может быть таким интересным и продуктивным. Вы будете смеяться, но это был действительно диалог – столь пронзительны на картине глаза Сергея Яковлевича. Получился не помин, а хорошая встреча друзей, с замечательным разговором и светлыми эмоциями. Да и выпили-то мы по чуть-чуть; бутылка на двоих – это не так и много. Правда, Сергей Яковлевич свое не допил. С ним такое часто случалось и прежде.

Приехав в Саранск, первым делом передал портрет вдове Сергея Яковлевича – Татьяне Васильевне. Через некоторое, очень короткое время она позвонила Михаилу Васильевичу и от всей души поблагодарила за этот дивный подарок.

Сергей Яковлевич вернулся в свой дом уже в виде портрета. Портрета, написанного одним из ярчайших и лучших художников России. Говорят, человек живет, пока о нем помнят. О Сергее Яковлевиче будут помнить долго. Даже если уйдут все видевшие его живым, портрет останется. Потрясающий портрет удивительного человека.

Когда я вдыхал воздух Претории, мне казалось, что меня посадили внутрь большого цветка. Как писал Набоков:

*Я в яблоке пьяная моль,
И счастья другого не надо.*

Михаил Копьев

Во время своего пребывания в Мордовии Ираида Валентиновна помимо прочего подарила диск с фильмом о Михаиле Васильевиче: «Михаил Копьев. Мастер-класс».

В фильме Михаил Васильевич находится в своей мастерской: рисует и рассказывает. Это так интересно – наблюдать со стороны, как творит мастер, как рождаются те или иные работы. Художник рисует человека. Перед ним сидит мужчина. Немолодой. Не очень красивый, но с очень выразительным лицом. Лысый, с не очень добрым выражением глаз. Нехудожник не обратил бы на такого человека внимание. А если и обратил, то прибавил бы шагу, от греха подальше. Если такая «модель» за тобой увяжется, жди беды. Но вот рисунок завершен. Смотришь на человека, смотришь на рисунок. Рисунок очень точно отображает человека. Но последний на рисунке лучше, чем в жизни. На рисунке он добрый. Наверное, именно в этом какая-то отличительная особенность творчества Михаила Васильевича – смотреть на мир и отображать его с любовью.

А вот рисунок животного. Михаил Васильевич рисует льва. По памяти. Наверное, именно так. Поскольку перед художником нет модели.

Какая легкость рисунка! Рука летает над бумагой. Кажется, никакого напряжения нет: ни в кисти руки, ни в ее движениях. Как будто художник не работает, а дышит: легко, естественно, без напряжения. Такая видимая легкость – признак высочайшего мастерства художника, результат многолетнего напряженного труда.

Это так трудно – передать любовь художника к тому, что он делает. Трудно, если любовь приходится имитировать, придумывать. Здесь ничего этого нет. Любовь к живописи настоящая. Любовь к людям – естественная. А уж к животным она какая-то особенная: она и первая, и самая яркая.

Человек может замаскироваться: одеждой, красивыми словами, поступками, которых от него ждет широкая общественность. Все это может сделать как сам человек, так и художник. У художника ведь есть своя сверхзадача или просто проходной замысел. С человеком при желании он может

сделать все что угодно: возвести на вершину и бросить в пропасть. С животными такого самоуправства не получится. Как придать «лица необщее выражение» животному, если у него и лица-то нет. А есть морда. Попробуй рассмотреть под шерстью эмоцию.

У Михаила Васильевича это получается настолько естественно, гармонично, уникально, что можно только диву даваться. Удивительная поза, напряжение мышц тела или их полная расслабленность. Спина, угрожающе поднятая дугой, или в силу старости безвольно провисшая. Где художник все это находит? В зоопарке? В своей буйной фантазии?

Я мог бы еще долго рассуждать на эту тему, но лучше всего предоставить слово самому Михаилу Васильевичу.

«В детстве Африка была моей мечтой. На солнце мне ехать не рекомендовали врачи. Но один врач сказал мне – поезжай, такой шанс выпадает раз в жизни, не лезь на солнце и все будет хорошо. Я так и сделал. Эта поездка связала меня на долгие годы с профессором А. С. Балезиным, неоднократно бывавшим в странах Африки. Мы много потом общались с ним, вспоминая Африку в его уютной квартире на Песчаной в Москве.

Тут я должен признать, что мне очень повезло еще и с тем, что меня, приглашенного в Африку в группе художников, познакомили с человеком, который прекрасно знал африканскую природу. Он и устроил мне великолепную программу знакомства с заповедниками ЮАР, за что я очень и очень ему благодарен. Это Хелге Беммель.

По натуре Хелге скорее философ. Деньги его особенно не интересовали, он говорил, что ему ближе китайская восточная философия. Он занимался токарной и столярной работой, вставал очень рано и жил как-то сам по себе. Каждое утро перед завтраком Хелге улыбался мне и говорил, как все вокруг хорошо, показывал большой палец и предлагал

выпить чай. Хелге владел английским, немецким, африканс (язык бурав; язык белых в ЮАР). Мне он говорил, что я говорю на каком-то старинном английском: «По-моему, это очень старинный язык». Видимо, в советской школе мы учили именно такой вариант.

Хелге предложил вместе съездить в национальные парки ЮАР, мы называем такие территории заповедниками. И в течение полутора месяцев, которые я прожил в Претории, мы вместе ездили в разные части Африки, в горы и саванны, с ночевкой в палатках с Хелге, его невестой англичанкой Белиндой и двумя стаффордширами – Луной и Хейгоу. Собаки очень разные по темпераменту. Луна любила с медленной скоростью ходить среди листвы острых и жестких веток колючего растения, вычесывая себе спину. В машине она всегда околачивалась где-то внизу, а Хейгоу любил высовывать голову из окна – он был любитель быстрой езды.

Сухая, ясная погода. Национальный парк Баракалалу. Кругом буш – лес Южной Африки. Называется так, потому что он невысокий, как кустарник. На севере такие места называют «чапорыжник». Привезенные сюда эвкалипты прекрасно прижились и выделяются своей высотой. Здесь мы встретили жирафов. Одного очень близко, вдалеке – несколько, целая семья. Когда впервые я встретил жирафа, то в первое мгновение не поверил в реальность происходящего. На сколько этот огромный зверь как бы вычищен, вылизан, будто муляж для фотографирования с туристами. Но потом, когда он продолжил свой путь среди кустов буша, я понял, через какое количество чистой листвы проходит он за день. Она тщательно вычесывает его гладкую шерсть. На это аналогичное качество я обратил внимание, когда наша собака, уехав с нами за город, через некоторое время, бегая среди травы, начала как будто светиться своей чистотой. В нашей городской жизни много пыли.

В Баракалалу расположено большое озеро, по-английски – дэм, большой искусственный водоем. На озере прогуливалась по песчаной косе цапля, очень походившая на долговязого молодого человека. Впоследствии я нарисовал картину, где по песчаной косе идет человек, похожий на эту цаплю. Картина находится в Люксембурге.

Полдень в буйе. Казалось, ни души. Но если остаться неподвижным и немножко рассеянно воспринимать все вокруг, замечаешь, какая-то веточка или листик вдруг колыхнется не так, как соседние ветки, от ветра, а как-то иначе.

Тут уже включается другое внимание, и ты начинаешь видеть вовсе не скрытые от тебя глаза, уши, рога какого-либо жителя этого африканского леса.

Водопой. Песочный берег, кое-где трава. Характерные для Африки засохшие ветки, посветлевшие на солнцепеке. Время водопоя, поздним вечером, очень удобное для наблюдений: сюда пришли различные птицы, водяной козел, по-английски – вотабок, три огромных носорога, и поразивший меня заяц. Никогда не думал, что в Африке могут быть зайцы. Посмотрел потом Брэма. Да, есть в Африке зайцы, немного другие. Выходят из своих укрытий только ночью. Звуковое сопровождение этого вечера: где-то вдали раздаются голоса шакалов и гиен. «Ой-ой-ой, ай-яй-яй» – это шакалы. Гиены смеются, – лай, очень похожий на смех человека, как восходящая вверх по ноте буква «у».

Гиен, из-за мало обаятельной постановки туловища, где передняя часть сильно доминирует над задней, из-за кучи жутких рассказов про их жизнь, из-за чудовищной силы челюстей, благодаря которым они могут разгрызать трубчатые кости слонов и носорогов (6 тыс. атмосфер могут развивать их коренные зубы), люди не воспринимают и не любят. Охотятся гиены, как волки, – стаями, и являются хорошими охотниками. Их добычу часто отнимают львы, и гиены грустно сидят в ожидании остатков львиной тра-

коны соблюдаются самыми различными зверями. Иногда более слабое животное может прогнать со своей территории более сильного, пользуясь неписанным своим правом. Так страус прогнал зебру, например.

Я уж не говорю о том, что животные, если они не больные, не устраивают бойню ради бойни. Что такое «Закон джунглей», как представляют себе его люди? Право сильного. Но этот, так называемый «Закон джунглей», слишком буквально понимаемый людьми, в природе не работает. Животные, порой более «гуманны» по отношению друг к другу, чем люди. В связи с этим мне вспоминается мысль Набокова, когда он пишет о Чехове, который остается на протяжении долгого времени самым востребованным и любимым автором в Европе или Японии. Дело в том, пишет далее Набоков, что Чехов касался одного из величайших законов нашего бытия — выживания слабейших. И тут меня посетила мысль, что есть вещи, которые могут быть закономерны только в среде слабейших, и нигде более. Они там будто аккумулируются.

Поездка в национальный парк, где живут львы. Львы в диком виде, самостоятельно охотясь, живут в парке Крюгера, на севере ЮАР. Еще есть Лайон-парк, где они находятся в большем количестве, и сюда им привозят питание, не нарушая их жизненного уклада. Кабанов, например. Кабан, оставленный для пищи львам на несколько дней, на солнышке, через некоторое время пахнет так, что к нему не подойти. Это мало волнует львов. Относительно другой туши ничего не могу сказать — она была далеко от меня. Львы не могут столько много съесть за один раз.

На легковой машине можно очень близко быть в парке со львами. Но не в коем случае нельзя вылезать из машины, даже если львы далеко, открывать двери и т.п., так как звери воспринимают это крайне отрицательно, как посягательство на их территорию. Звери в один момент могут

оказаться рядом с вами. Не переносят, когда с дороги люди идут внутрь территории, к кустам. Так что лучше потерпеть. На себя правила безопасности они не распространяют, и смело шляют по всем дорогам.

В большом количестве среди прайда присутствуют львята. Мне не удалось понять, чьи это дети, кто их родители... В прайде все смешано. Был один очень старый лев, у которого нет одного клыка, но, видимо, авторитет его еще очень высок, т.к. он наводил полный порядок вокруг себя.

Посчастливилось увидеть ранним утром выход прайда львов на открытое место. Здесь название Царь зверей осознано мною особенно сильно. Очень большое впечатление производит выступающий впереди большой свиты глава прайда, с могучими длинными сильными лапами и монументальной гривой. Была возможность посмотреть взаимоотношения членов этого большого семейства: то, как сильные, гривастые молодые львы, подчиняются старейшине рода.

До этого я видел львов, сидящих на деревьях, только на фотографиях. В природе на деревьях я видел только львиц. Они затаскивают на деревья добычу, иногда спят на крупных ветках. Когда видишь такое количество львов, понимаешь, у них такие разные лица, как и у людей – у кого морда уже, у кого шире, совершенно разные выражения. Не перестаю удивляться, как это животное, будучи в прекрасной физической форме, может такое количество времени валяться на траве в полном безделье.

«Возьми сегодня обувь посерьезнее, в этой поездке могут встретиться змеи», – сказал мне Хелге. Я надел свои черные плотные ботинки. У Хелге великолепные армейские берцы. За поясом у Хелге всегда, прямо с самого раннего утра пистолет. В Африке вообще люди вооруженные.

Мы поехали в горы – Маутен-трат. Холмы, поросшие редким лесом. Здесь находятся озера, где можно ловить форель, водоемы для ее разведения, помещение, где форель может быть тут же приготовлена. Владения частные. Неподалеку дом, где жил хозяин – старик Обри с домашними. Мы жили в палатке. Готовили форель сами на костре. Мне всегда нравилось, как красиво опускается туман вечером на африканских просторах, с этим очень звездным небом, видимым среди тумана то тут, то там.

Старик Обри как-то сделал обход, гулял по тропинке. Из разговора с Хелге хозяин узнал, что я художник. И я сделал ему рекламный листочек про форель и минеральную воду, которую там добывают. Я рассказал Обри о том, что он похож на персонажей моих картин. Потом сделал с него зарисовку и подарил ему. По памяти сделал такой рисунок для себя, когда вернулся в Преторию. Обри был настолько проникнут чувством благодарности, что приехал в Преторию и привез кучу форели в подарок для всех.

Много говорю о животных еще и потому, что кроме моего увлечения животным миром, я испытываю к ним большую благодарность: они являются моими учителями по рисунку. Животные не позируют. Если не спят, почти всегда находятся в движении. Волей-неволей у художника тренируется зрительная память, которая имеет немаловажное значение в обучении художника. Собирающие в своих запасниках самых различных знаний является необходимой частью работы художника. Мы состоим из знаний, иногда и вовсе не художественных. Знать нужно порою совершенно разные вещи. По своей практике могу сказать, что может пригодиться, все что угодно. Сколько бы не знал, постоянно упрекаешь себя в том, что делаешь иногда элементарные ошибки».

Человек — часть животного мира. Нам еще долго предстоит доказывать, что мы лучшая его часть. Или хотя бы что самая разумная часть. Мы тысячелетия потратили на то, чтобы доказывать обратное.

Убивать все вокруг и себе подобных. Есть ли тут чем гордиться?

В животном мире есть такое понятие — «естественные враги». Для зайца это волк, для антилопы — лев. Есть естественный враг и у человека. Это он сам. Человек склонен убивать все вокруг. Если только он не рисует...

*Дорога снов — знакомая дорога,
Дорога, а быть может — западня.
Вот явь. Мы снова славим Бога.
И снова перед нами ясность дня.*

Михаил Копьев

Наиболее близким другом Клода оставался Сандоз. Такой же увлеченный, как Клод. Так же отдававший литературе всего себя. Только Сандозу повезло чуть больше. Его книги наконец получили у публики признание и позволяли жить достаточно спокойно. Ему, некогда мечтавшему перевернуть мировую литературу с ног на голову. Каждому новатору и мечтателю кажется, что наоборот: мир-то до него необъяснимым образом стоял вверх тормашками.

Чем все это время были забиты дни Сандоза? Непрерывной работой, почти такой же интенсивной, как у Клода, только без фанатизма последнего.

Сандоз периодически навещал друга, пытаясь психологически его поддержать. Кого не признают уже пятнадцать лет — определено нуждается в поддержке. Во время одной из таких встреч Сандоз поделился с другом своей печалью: работа заслонила все.

«Утром, едва я вскакиваю с постели, работа схватывает меня, пригвозждает к столу, не дает мне глотнуть свежего воздуха, она преследует меня за завтраком: вместе с куском хлеба я заметно пережевываю фразы будущих книг; она сопровождает меня, когда я выхожу, сидит в моей тарелке, когда я обедаю, ложится рядом со мной на подушку, она так безжалостна, что я ни на минутку не могу расстаться с начатым произведением, которое зреет во мне, даже когда я сплю. Я больше не живу вне работы».

Ничто никогда и никому не дается легко. Это только на расстоянии кажется: вот счастливчик! Все-то у него легко и играючи. За что ни возьмется – все получается, словно по взмаху волшебной палочки, раз и готово. Но если заглянуть на творческую кухню по-настоящему талантливого человека – там такие «горы немытой посуды», поневоле диву даешься: да кто же столько сожрал? Не похоже, что хозяин. Вон он стоит у мойки, худой и нечесаный, с ожесточением трет очередную тарелку. Значит, столько черновой работы ему добавило воображение.

Сандозу тоже приходилось трудиться ожесточенно, с надрывом.

«Говорят, что есть люди, для которых творчество – приятное развлечение; они с легкостью берутся за работу, с легкостью бросают ее, не испытывая и тени волнения. Они восхищаются, любят себя собой: напишут две строчки и размышляют о том, какие это редкостные, изысканные, неповторимые строки... А я? ...Я рождаю с помощью ципцов, и дитя кажется мне уродом».

И здесь, как в случае с Клодом, высочайший уровень требовательности, и здесь – сомнения, сомнения, сомнения...

После выхода в свет романа «Творчество» (1886 г.) критики и специалисты, да просто читающая публика бросились

на поиски прототипов: кто стоит за многочисленными персонажами, какое известное, публичное лицо. В Сандозе все без колебаний увидели самого Эмиля Золя. Тот и не сильно отбивался. Кто являлся прообразом художника – раскрыл сам автор: «Клод... – это Мане, Сезанн, но больше Сезанн».

Сбылась моя мечта. Михаил Васильевич стал работать над книгой своих «воспоминаний и размышлений». Надеюсь, Георгий Константинович Жуков не будет возражать против невольного использования названия его мемуаров. Художник – тот же полководец, бросает и бросает в бой полки своих творений. Нередко бросается в рукопашную и сам.

Копьевы утверждают, что к написанию книги Михаила Васильевича подтолкнул... ваш покорный слуга. Своим непрерывным нытьем: мол, надо, мол, человечество заждалось. Мои аргументы, впрочем, выглядели следующим образом.

«Каждый человек, способный занести на бумагу пару внятных строчек, просто обязан оставить портрет эпохи, в которой он жил.

По-моему, это даже записано в Конституции Российской Федерации, как священная обязанность гражданина».

Михаил Васильевич пишет – о своей жизни, о встреченных людях, которые прошли по одной из важнейших категорий – «учителя», о своей философии творчества. Каждый раз, получая по эл. почте очередной «кусочек» книги, я довольно потираю руки: ну-ка, ну-ка, какой это по счету наш совместный проект? Тут же достаю из сознания небольшую опись:

- 2012 год – выставка Михаила Васильевича в Саранске;
- 2013 год – издание книги «Работяги» с замечательными иллюстрациями Копьева;
- 2014 год – художник написал портрет Сергея Терханова. Конечно, я не помогал ему смешивать краски, а идея...

– 2015 год – пишу книгу «Творчество», в том числе с «портретом» живописца. Глава «Михаил» получается самой объемной;

– 2015 год – Михаил Васильевич пишет книгу, с названием «Записки художника». Надеюсь, придет время – прочитаем.

Эмиль Золя, «Творчество». Всю книгу не перескажешь, да и смысла нет. Ее лучше прочитать. Но этот роман помог решить мою локальную задачу – привлечь ваше внимание к удивительному, неповторимому и великому труду настоящих художников. К числу которых, несомненно, принадлежит и мой друг – Михаил Васильевич Копьев. Надеюсь, он не сильно возражает, что я нескромно считаю себя его другом.

Издержки и блага двадцать первого века: у меня есть настоящий друг... которого до сих пор и в глаза не видел. Вот что значит – современные информационные технологии. Рассказывают, что уже есть – нано-технологии. Какие-то еще пупо-дрюпо-технологии на подходе. И это еще только начало нового века, а что еще будет в его конце. Слава Богу, не доживу.

Но мне очень нравится время, в котором жил и живу. С большим интересом смотрю на происходящее, и главное – на людей, которые рядом и на расстоянии. Технологии – не более чем продолжение таланта человеческого, его промежуточный результат. Равно как и произведения литературы, музыки, живописи. Последние для меня гораздо ближе. К интернету до сих пор отношусь «без аппетита». Такая уж у меня душа – «книжная», а не «полупроводниковая» или «светодиодная».

Довольно много раздумывал над тем, как же мне закончить эту главу. Конечно, очень эффектной точкой могла бы стать наша встреча с Михаилом Васильевичем Копьевым, художником, чье творчество оцениваю предельно высоко.

Сам эту встречу жду с нетерпением. Но пока не очень получается. Как человек, нескромно считающий себя верующим, отношусь к этому с пониманием: небесам виднее. Когда Господу будет угодно, она обязательно состоится.

Не менее эффектной является и наша «невстреча». Это очень по-современному – интернет, новые возможности, все дела.

Жизнь, слава Богу, продолжается. Продолжается и наша переписка, очень дорогая моему сердцу. Ценность этой переписки для моей персональной жизни трудно переоценить. Не знаю, можно ли наше виртуальное общение назвать взаимообогащением (тут одной моей точки зрения мало), но то, что я стал гораздо богаче – духовно, нравственно, – познакомившись с творчеством Копьева, для меня очевидно. За что судьбе огромное спасибо. Или как говорят в Мордовии – «покш пасиба».

Михаил Васильевич творит в меру имеющегося в настоящее время здоровья, я тоже стараюсь не отставать. А уж что у нас получится – вам судить. И такому забавному понятию как – время.

Единственный способ завершить эту главу – просто отрубить дальнейшей текст (его там немерено) и все. Без всяких нано-технологий, лазерных скольжений. Просто топором, что и делаю. Хрясь...

P.S. Да, чуть не забыл. Вам, наверное, интересно, чем же закончился роман Эмиля Золя с потрясающе красивым названием «Творчество».

«Клод повесился на большой лестнице, повернувшись лицом к своему удавшемуся творению».

А его друг Сандоз написал замечательную книгу. Но это без параллелей. Просто в порядке информации.

*г. Саранск,
2013 – 2015 гг.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

12 мая 2017 года я вышел из вагона поезда «Москва – Вологда», на привокзальной площади сел в первое попавшееся такси, таксист за тройную плату довез меня до гостиницы. Привел себя в порядок, позавтракал в ресторане и вышел на улицу.

Вологда произвела хорошее впечатление, она не могла произвести иного, потому что я приехал на юбилей Михаила Васильевича, и уже одно это поднимало настроение на максимально возможные высоты. Как минимум четыре раза я собирался в гости к другу на полном серьезе, но каждый раз что-то мешало, возникали серьезные препоны, не пускающие в путь. А в этот раз все получилось настолько удачно: и дела расступились, и время нашлось. Божий промысел даже непонятливому говорит: пора.

Семидесятилетний юбилей Михаила Васильевича Копьева, великого русского художника, будет завтра, но наша первая встреча состоится именно сегодня вечером. В первой половине дня у него – необходимые медицинские процедуры, после которых нужен продолжительный отдых.

Я вышел на высокий берег градообразующей реки Вологда. Широким полукругом она формировала архитектурное пространство города, внося свои, естественно позитивные, краски. Иду в сторону Вологодского кремля. Очень красивые двух-трех этажные деревянные особнячки, своего рода визитная карточка города. (Кстати, за все время пребывания в Вологде ни разу не слышал здесь суперпопулярную во времена моей молодости песню об этом городе ансамбля «Песняры» и ни разу не видел воспетого в ней «резного палисада». А красивых резных украшений на деревянных зданиях полно.)

Вот очень интересная двусторонняя металлическая скамья с размещенными на ней стихами Николая Рубцова.

Составной частью этого памятника является томик стихов поэта. Чуть дальше по аллее парка торопятся-семянят две возрастные женщины. Назвать их бабушками язык не поворачивается, уж очень у них интеллигентный вид. Они занимаются скандинавской ходьбой. Перебирая палками, о чем-то живо беседуют. Может быть, обсуждают серьезную научную проблему, может, просто кому-то «перемывают» косточки.

А вот еще один красивый эпизод повседневности. Навстречу идут молодожены. К какому памятнику они только что возложили цветы – я не видел, но это очевидно. Выглядят они очень интересно, не канонически. Белое платье невесты и не белое вовсе, а скорее бежевое, средней длины. Но фата на месте, фата классическая. А жених выглядел так, словно только что снялся в одном из ключевых эпизодов фильма «Стиляги». Навстречу им стайка прогуливавшихся ребятишек обоих полов лет десяти-двенадцати. Во главе с учителем или воспитателем. Вдруг ребята энергично подбежали к молодоженам, взявшись за руки, стали хором кричать: «Поздравляем! Поздравляем!» Молодожены в ответ: «Спасибо». Тут какая-то девчонка-заводила громко кричит: «Желаем Вам столько же детей, сколько нас!» Все дети заплодировали. Молодожены счастливо улыбаются: пожелания такого рода гарантируют много поначалу приятной работы. Правда, жених, услышав их, непроизвольно дернулся назад. На лице легкая форма испуга...

Согласен с ним: пятнадцать детей – это многовато. Даже для самых чадолюбивых родителей.

И все же – вечер. Двухэтажный деревянный особняк в центре города. Одна из квартир на первом этаже принадлежит моим друзьям. В известном волнении переступаю порог квартиры, а затем комнаты, где находится Михаил Васильевич. Прошло десять лет с начала нашего заочного знакомства и вот...

Конечно, мы волновались оба... Я склонился над его постелью, и мы обнялись. Михаилу Васильевичу прописан постельный режим, поэтому большую часть времени он лежит. В том числе и по состоянию здоровья, а не по чьему-то предписанию. Но находящийся здесь же мольберт и краски говорят о том, что он нарушает режим, когда может.

Начались естественные в таких случаях приветствия, слова и... Я держал его за руку, ту самую, которой написано такое количество поразительных шедевров. Такие кисти рук бывают только у людей, занимающихся тяжелым физическим трудом, по преимуществу – крестьянским. Почему у художника руки как у какой-нибудь доярки: натруженные, скрюченные, в узлах и шишках? Наверное, потому что художник, как и доярка, питает нас настоящим молоком жизни; только называется оно по-другому, красиво и непонятно – творчеством.

Но больше всего меня поразили не руки и даже не слова художника, а его лицо. Это был... лик, с идущим из глубины поразительным сиянием глаз. Был ли Михаил Васильевич святым? Скорее всего, нет. Но многие из святых начинали с образа жизни очень далекого от праведности. Многолетние испытания нездоровьем, очень светлый и, несомненно, богоугодный творческий путь, просто чистая православная душа, смотрящая на мир с такой любовью, сделали свое дело. В глазах Михаила Васильевича были – мудрость, понимание важности и неслучайности его достижений, легкая усталость от физической боли, благодарность небесам за жизнь и свой крестный путь и уже известная отстраненность. Он уже не принадлежал этому миру, хотя физически находился рядом. Он уже не думал об упущенных возможностях, о несделанном. Значит, сделает в другой раз: не в этой жизни и не в этом месте.

Извините за нескромность, но держа Михаила Васильевича за руку, я понял, что Господь прислал меня сюда, чтобы

увидеть этот лик, увидеть образец для подражания и сказать «спасибо» – лично, а не через интернет – за все, что он для меня сделал.

На следующий день были юбилейные торжества. В гости к Михаилу Васильевичу, сменяя друг друга, приходили его друзья: очень интересные, талантливые люди. Несколько часов удивительного и яркого общения, равно как и лик Михаила Васильевича, останутся в моем сердце навсегда. С легкой руки Ираиды Валентиновны у меня теперь есть несколько фотографий, где мы вместе с Михаилом Васильевичем, а на паре из них – даже вдвоем. Но ни одна фотография не передаст то, что есть в глазах живого человека, сидящего рядом с тобой.

На мои скромные презенты супруги Копьевы ответили потрясающим подарком – рисунком Михаила Васильевича «Возвращение блудного сына, 2010 год». Я видел его всего один раз на выставке в Москве и как-то в письме имел неосторожность высказать восторг от увиденного. Ну вот и...

На рисунке в блудном сыне можно увидеть черты лица художника. Возможно, он рисовал себя, но каждый из рассматривающих этот рисунок в блудном сыне может увидеть, точнее, обязан увидеть – себя. Потому что блудный сын пришел к Отцу Небесному, настоящему, заботливому, любящему Отцу каждого из нас. Никто не должен забывать, что каждый из нас – блудный сын: где только нас не носит, какой только ерундой не занимаемся. А прийти к Нему должны. Мне поразительно в жизни повезло: с помощью Михаила Васильевича мои нелепые странствия переносятся гораздо легче.

Замечательный русский художник Михаил Васильевич Копьев скончался 19 августа 2017 года, во время утренней литургии, в день Преображения Господня.

В день его смерти в Саранске без малого уже месяц экспонировалась выставка его работ, делая каждого из горожан, их увидевших, гораздо лучше... Оттого, что последняя выставка в жизни Михаила Васильевича, во многом организованная трудами Ираиды Валентиновны Копьевой, была на Мордовской земле, мне как-то светло на душе.

В моем кабинете на самом видном месте висит репродукция картины художника Копьева – «Николай Угодник». Через нее Михаил Васильевич всегда со мной. Надеюсь, что и Николай Угодник тоже где-то рядом. Конечно, если я того заслуживаю...
